КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Джон Диксон Карр

СМЕРТЬ ВСЕ МЕНЯЕТ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Смерть всё меняет
Джон Диксон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Смерть всё меняет
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

Роман «Смерть все меняет» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем

эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

Джон Диксон Карр
Смерть всё меняет

DEATH TURNS THE TABLES
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1942
Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© Е. А. Королева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Глава первая

— Господа присяжные, вы готовы огласить вердикт?

— Готовы.

— Виновен ли подсудимый Джон Эдвард Липиат в убийстве или невиновен?

— Виновен.

— Вы говорите «виновен», и ваш вердикт вынесен единогласно?

— Да. Однако, — прибавил старшина присяжных, торопливо сглотнув комок в горле, — мы настоятельно рекомендуем проявить снисхождение.

В зале суда началось оживление. До сих пор стояла гробовая тишина, наступившая после того, как все слабо ахнули, услышав вердикт; правда, просьба о снисхождении прозвучала слишком неубедительно и жалко, чтобы стать поводом для радости. Однако бедняга на скамье подсудимых, кажется, так не думал. Первый раз за все заседание у него на лице забрезжила надежда. Помертвелые от страха глаза устремились на присяжных, словно он ожидал, что они скажут

что-нибудь еще.

Помощник секретаря выездной сессии суда сделал отметку о высказанной рекомендации и прокашлялся.

— Джон Эдвард Липиат, вы заявили о своей невиновности в убийстве и потребовали рассмотрения дела с участием присяжных. Жюри присяжных только что признало вас виновным. Хотите объяснить, почему не заслуживаете смертного приговора, как того требует закон?

Подсудимый недоуменно таращился в ответ, словно оглушенный. Он раскрыл рот, но снова закрыл, ничего не сказав.

Помощник секретаря ждал.

— Я поступил неправильно, — проговорил подсудимый смиренно. — Я знаю, что поступил неправильно.

А потом в его тусклом взгляде загорелся лихорадочный огонек.

— Но, сэр… — Он обратился к судье. — И вы тоже, сэр… — Он обратился к помощнику секретаря, который, выказывая то ли сдержанность, то ли смущение, отвел взгляд. — Я сделал это, потому что любил ее. Именно это я пытался вам объяснить. Когда я вернулся домой и понял, что тот парень побывал у нас, а она засмеялась и призна-

лась во всем, я просто не смог этого перенести.

Он с трудом глотнул.

— Я ударил ее. Я знаю, что ударил ее. Но не знаю, что именно сделал. А потом она вдруг оказалась на полу, и чайник закипал на огне, как будто ничего не случилось. Но я не собирался ее убивать. Я любил ее.

Ни один мускул не дрогнул на лице судьи Айртона.

— Это все, что вы хотите сказать? — уточнил судья.

— Да, ваша честь.

Судья Айртон снял очки, медленно отцепив одну дужку от уха под париком с косичкой, и сложил их. Аккуратно поместил на стол перед собой. Затем он переплел свои короткие пухлые пальцы, не сводя бесстрастного, но устрашающего взгляда с подсудимого.

Судья был невысокий и скорее упитанный, чем толстый. Никто не догадывался, что под париком скрываются редеющие рыжеватые волосы, разделенные прямым пробором, что пальцы у него затекли до боли от бесконечной писанины, что в этой красной мантии с черной отделкой вдоль разрезов ему жарко и он устал под конец весенней сессии в Вестшире. Его секретарь подошел сбоку

с квадратным куском черного шелка, символизировавшим черную шапку[1], и водрузил поверх парика судьи так, что один угол свесился на лоб. Капеллан встал по другую сторону от судьи.

Голос судьи Айртона звучал мягко, но отстраненно и обезличенно — голос самой смерти или рока.

— Джон Эдвард Липиат, — произнес он, — суд присяжных признал вас виновным в жестоком убийстве вашей жены. — Он медленно втянул воздух через ноздри. — В попытке оправдаться вы заявили, что не контролировали себя, находясь в состоянии аффекта, вызванного страстью. Это не наша компетенция. Закон признает аффект смягчающим обстоятельством только при определенных условиях, которые в вашем деле, по вашим собственным словам, отсутствовали. И я, в отличие от присяжных, не считаю просьбу защиты переквалифицировать ваше преступление в убийство по неосторожности сколь-нибудь обоснованной.

Он умолк, и наступила оглушительная тишина.

Защитник — мистер Фредерик Барлоу, коро-

---

[1] Notes: 1

Судьи надевали черную шапку, вынося смертный приговор. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

левский адвокат — сидел неподвижно, опустив голову, и бесцельно крутил карандаш. На скамьях для адвокатов у него за спиной один из его коллег, «шелковых мантий», поглядел на соседа и многозначительно развернул книзу большой палец.

— Факт в том, что вы, будучи в здравом уме и отдавая себе отчет в своих поступках, забили свою жену до смерти. Суд присяжных рекомендовал проявить снисхождение. Эта рекомендация будет рассмотрена в свой черед. Но я обязан предупредить, чтобы вы не ждали слишком многого.

Мне же остается лишь сообщить вам меру наказания, предписанную законом. А именно: отсюда вы будете доставлены туда, откуда прибыли, а оттуда — к месту казни, и будете повешены за шею, пока не умрете. И да смилуется Господь над вашей душой.

— Аминь, — подытожил капеллан.

Недоумение так и читалось в глазах подсудимого. Но внезапно он как будто пришел в исступление.

— Никакая это не правда, — заявил он. — Я никогда не желал ей зла! И не причинял! О господи, да я ни за что не причинил бы зла Полли.

Судья Айртон впился в него пристальным

взглядом.

— Вы виновны, и вы это знаете, — произнес он без всякого выражения. — Уведите заключенного.

В задних рядах маленького, битком набитого зала суда поднялась, опережая других зрителей, девушка в светлом летнем платье и принялась пробираться к выходу. Ей казалось, она больше не в силах выносить сам запах этого места. Она спотыкалась о грубые башмаки и ощущала тяжелое дыхание зачарованных, но придавленных гнетущим чувством зрителей.

Ее спутник, коренастый молодой человек, одетый даже несколько щеголевато, сначала поглядел с недоумением, но затем последовал за ней. Под ее туфлей захрустел брошенный кем-то пустой пакетик из-под чипсов. Пока мисс Констанция Айртон добиралась до стеклянных дверей, ведущих в холл здания суда, на нее обрушился поток высказанных вполголоса комментариев.

— Ну, он прямо и не человек, а? — прошептал кто-то.

— Кто?

— Да судья.

— Этот-то? — переспросил с удовлетворением

женский голос. — Этот-то знает, что почем, уж точно. Он их видит насквозь! И уж если виновен — только держись!

— Ну, — протянул первый голос, размышляя над сказанным и подводя итог разговору, — таким и должен быть законник.

Холл перед залом суда был запружен народом. Констанция Айртон прошла по короткому коридору и оказалась в маленьком саду, втиснутом между серой задней стеной сессионного суда и серой задней стеной церкви. Хотя был всего лишь конец апреля, облака над маленьким городом Юго-Западной Англии рдели от почти летнего тепла.

Констанция Айртон уселась на скамейку посреди садика рядом с обшарпанной и почерневшей каменной статуей законника в завитом парике. Констанции был всего двадцать один год. Хорошенькая блондинка со свежим цветом лица, она отдавала предпочтение весьма замысловатому стилю в макияже и прическах. Впрочем, тот же замысловатый стиль речи она позволяла себе только с лондонскими друзьями. Взгляд ее глаз — как ни странно, карих, под темными бровями, которые так выразительно смотрелись на фоне светлой кожи и волос, — блуждал по саду.

— Я часто играла здесь, — сказала она, — когда была маленькой.

Ее спутник пропустил эти слова мимо ушей.

— Так, значит, это и есть твой отец, — заметил он, кивнув на здание сессионного суда.

— Да.

— Что, крепкий орешек?

— Нет, ничего подобного, — возразила девушка довольно резко. — Просто… нет, на самом деле я не знаю, какой он! Никогда не знала.

— Раздражительный?

— Да, временами. Но я ни разу не видела, чтобы он по-настоящему вышел из себя. Сомневаюсь, что он вообще на это способен. Он не особенно разговорчив. И… послушай, Тони.

— Да?

— Мы совершили ошибку, — заявила Констанция, рисуя носком туфли круг на гравийной дорожке и внимательно изучая его. — Вряд ли мы вообще увидим его сегодня. Я забыла, что сегодня последний день выездной сессии. Тут будет еще полно всяких церемоний, мероприятий и прочего, потом он по традиции пропускает по стаканчику со своим секретарем, и… и… в любом случае, не получится. Лучше нам вернуться к гостям Джейн. А завтра мы можем поехать к нему

в «Дюны».

Ее спутник чуть улыбнулся:

— Что, не горишь желанием держать ответ, дорогая?

Он протянул руку и пробежался пальцами по ее плечу. Молодой человек принадлежал к тому типу самоуверенных позеров, который прочно ассоциируется с югом Европы; мужчины такого рода, как однажды выразилась Джейн Теннант, вечно вызывают у женщины ощущение, что они дышат ей в затылок.

Если бы не его английское имя, Энтони Морелл, его можно было бы принять за итальянца. У него была смуглая кожа, крепкие белые зубы, живые глаза навыкате под кустистыми бровями и густые блестящие волосы. Он умел очаровательно улыбаться и обладал вальяжными манерами. А его умное, несколько дерзкое лицо свидетельствовало о волевом характере.

— Не горишь желанием держать перед ним ответ? — повторил он.

— Не в этом дело.

— Уверена, моя дорогая?

— Неужели ты не понимаешь? Просто сегодня его и так осаждают со всех сторон! А завтра он поедет в свой летний домик, который недавно

купил на берегу залива Подкова. Там не будет никого, кроме женщины, которая у него «на хозяйстве». Разве это не лучший момент, чтобы поговорить?

— Я прихожу к мысли, — сказал мистер Морелл, — что ты меня не любишь.

Ее лицо зарделось.

— О, Тони, ты же знаешь, что это неправда!

Мистер Морелл взял ее руки в свои.

— А вот я люблю тебя, — произнес он. И было невозможно усомниться в искренности его жеста. Он едва сам не усмехнулся собственной серьезности. — Хочу целовать твои руки, твои глаза, твою шею и губы. Я готов упасть на колени перед тобой — здесь и сейчас.

— Тони, нет! Ради бога, не надо…

Констанция даже не думала, что способна испытывать такое жгучее смущение.

Где-нибудь в Лондоне, в Челси или Блумсбери, все это выглядело бы естественным. Здесь же, в маленьком саду позади здания сессионного суда, показалось бы почти нелепым. Как будто большая собака поставила лапы ей на плечи и принялась лизать лицо. Она любила Тони Морелла, однако смутно ощущала, что для всего есть свое время и место. И Морелл с его живой

интуицией все понял. Он отодвинулся от нее, слегка улыбаясь:

— Снова эта твоя холодная сдержанность, дорогая?

— Неужели тебе кажется, что я такая уж холодная? Ничего подобного!

— А похоже, — отвечал ее спутник с комичной серьезностью. — Но мы все еще изменим. Просто пока я немного обижен, что ты не хочешь представить меня своему отцу.

— Это не так. Однако мне все-таки кажется… — она замялась, — что я обязана его как-то подготовить. На самом деле… — она снова замялась, — я некоторым образом дала понять одному моему другу, что ему придется… скажем так, донести эту новость до отца, понимаешь? Прежде чем мы явимся сами.

Брови мистера Морелла сошлись над переносицей.

— Вот как? Что за друг?

— Фред Барлоу.

Тони Морелл сунул руку в жилетный карман и выудил оттуда нечто вроде талисмана, замену счастливой монетки, который он привык подбрасывать и ловить в минуты размышлений. Это был патрон, револьверный патрон небольшого

калибра. Морелл говорил, у него интересная история, хотя Констанция сомневалась, что у патрона, который даже не выстрелил, может быть интересная история. Морелл подбросил свой талисман и поймал, хлопнув по ладони. Снова подбросил и поймал.

— Барлоу, — повторил он, отводя взгляд в сторону. — Это не тот парень, который был в суде? Тот парень, который защищал человека, только что приговоренного твоим отцом к смерти? Тот парень, которого твой отец прочит тебе в мужья?

К своему изумлению, Констанция увидела, что его лицо внезапно побелело, как она понимала, от ревности. Она ощутила некоторое злорадство, но все же поспешила поправить его:

— Дорогой Тони, я уже в сотый раз говорю тебе, что это все ерунда! Я не дам за Фредди Барлоу и пары булавок, и он знает об этом. Мы ведь росли с ним вместе! Что же касается желаний папы…

— Да-да?

— Он хочет того, чего хочу я. По крайней мере, я на это надеюсь. — В карих глазах отразилась неуверенность. — Послушай, дорогой. Я написала Фреду записку. Обычно по окончании суда все адвокаты отправляются в комнату, наподобие клубной раздевалки, снимают там свои смешные

воротники, моют руки и спорят. Но я попросила Фреда прийти сюда сразу, как только он освободится. Я написала, что хочу сообщить ему кое-что ужасно важное. — В ее голосе прозвучала тревога и мольба. — Тони, он уже идет! Будь с ним повежливее, ладно?

Тони Морелл еще раз подбросил свой талисман, поймал и убрал в карман. Он поглядел на гравийную дорожку, по которой в их сторону двигалась фигура в мантии и парике.

Фредерик Барлоу был долговязым и худым, язвительное выражение, не сходившее с его лица, словно говорило, что он давно наблюдает этот мир и видит все его недостатки. С возрастом — если ему, к примеру, не посчастливится подыскать себе хорошую жену — он обещал превратиться в сухого брюзгу в судейском кресле. Потому что в один прекрасный день ему предстояло дорасти до судейского кресла.

Его карьера знаменовала победу суровой муштры над природой. По природе он был человек беспечный — как раз от этого качества судейскому необходимо избавиться, и это без дураков. По природе он был романтичный — а это качество необходимо изжить еще быстрее, если только не использовать в речах, обращенных к присяжным.

Он считался весьма деловым человеком, хотя дела ненавидел больше всего на свете. Королевский адвокат в тридцать три равнозначно маленькому чуду и, вероятно, оправдывает самодисциплину, превращенную в душевную власяницу.

Он неспешно вышагивал по дорожке, черная мантия нараспашку, большие пальцы засунуты в карманы жилета. Парик у него сидел почти на макушке, открывая волосы над ушами, что всегда ужасно смешило Констанцию. Глаза у Барлоу были по-кошачьи зеленые, всегда приводившие в смущение свидетелей. Он улыбался.

— Привет, старушка, — произнес он. — Я думал, ты гостишь у Джейн Теннант.

— Мы там и были, — ответила Констанция, слегка задыхаясь, — просто до Тонтона всего-то несколько миль, вот мы и подумали, не заскочить ли и… и посмотреть, как тут идут дела. Фред, это Тони Морелл.

Мистер Морелл повел себя безупречно. Он поднялся, улыбаясь самой обаятельной своей улыбкой, и пожал адвокату руку подчеркнуто сердечно. Однако Констанцию не покидала тревога.

— Слушай, Фред, мне жаль, что ты проиграл.

— Ничего. Превратности войны.

— Я хочу сказать, мне ужасно жаль этого бед-

нягу Липиата. Мне едва дурно не стало, пока я смотрела там на него. Неужели его действительно…

— Повесят? — завершил Барлоу. — Нет. По крайней мере, я так не думаю.

— Но ведь приговор… Ты же слышал, что сказал папа!

Фредерик Барлоу присвистнул сквозь зубы, но на его лице не отразилось особого интереса. Потому что он рассматривал Тони Морелла.

— Моя милая Конни, — начал он, — просто твой отец именно так представляет себе игру в кошки-мышки. За торжество закона он не даст и ломаного гроша. Зато ему очень хочется восстановить абсолютную, непредвзятую справедливость — как он ее видит.

— Все-таки я не понимаю.

— Смотри, Липиат совершил убийство. Если я верно толкую ход мыслей твоего отца, он не считает, с учетом всех обстоятельств, что Липиата необходимо повесить. С другой стороны, он все же убил жену и заслуживает наказания. И потому твой многоуважаемый родитель оставит его вариться в собственном соку как можно дольше, в уверенности, что до встречи с петлей ему осталось несколько часов. Затем его честь судья

Айртон официально примет рекомендацию о снисхождении, после чего министр внутренних дел изменит смертный приговор на пожизненное заключение. Вот и все дела.

Выразительное лицо Тони Морелла налилось краской.

— Это же просто инквизиция какая-то, вам так не кажется?

— Вероятно. Не знаю. Спросите лучше судью.

— Но разве у него есть на это право? — не отступал мистер Морелл.

— Юридически — да.

— А морально?

— Ах, морально! — воскликнул Барлоу, сухо улыбнувшись и махнув рукой.

Констанция ощутила, что этот разговор идет куда-то не в ту сторону, что тут имеются какие-то подводные течения, не до конца ей понятные. У нее возникло тягостное чувство, что Фред Барлоу уже подозревает, о чем она хочет говорить. И потому она взяла быка за рога.

— Рада это слышать. А то это было бы какое-то недоброе знамение, остался бы нехороший осадок, если бы что-то подобное произошло сегодня. Фред, я ужасно счастлива. Мы с Тони помолвлены.

На этот раз Барлоу запустил руки в карманы брюк. Кровь внезапно бросилась ему в лицо, и, кажется, ему было особенно неприятно это внешнее невольное проявление чувств. Он сгорбил плечи под черной мантией, уставился в землю и принялся раскачиваться на каблуках, словно размышляя о чем-то.

— Мои поздравления, — произнес он. — А старик в курсе?

— Нет. Мы приехали сегодня, чтобы сказать ему, но ты же знаешь, на что похож последний день выездной сессии. Вечером он поедет к себе на побережье, и мы увидимся с ним там. Но послушай, Фред. Ты ведь сегодня тоже поедешь в свой коттедж, правда?

— И ты хочешь, чтобы новость ему сообщил я. Так?

— Ну, просто намекни как-нибудь. Прошу тебя, Фред! Ты ведь сделаешь, да?

— Нет, — ответил Барлоу, еще немного подумав.

— Не скажешь? Но почему нет?

Барлоу широко улыбнулся. Взявшись за отвороты своей мантии, словно готовясь обратиться к коллегии присяжных, он склонил голову набок и заговорил мягким тоном.

— Почти двадцать лет, — начал он, — с тех пор, как ты еще училась ходить, а мне было лет двенадцать, я был у тебя на побегушках. Я делал за тебя арифметику и французский, когда тебе было лень делать самой. Каждый раз, когда ты влипала в неприятности, я все улаживал. Ты милая девчушка, Конни, и твое обаяние безгранично, но у тебя никогда не было чувства ответственности. Если уж ты собралась замуж, самое время развить его в себе. Нет. Уж эту грязную работенку тебе придется сделать самостоятельно. А теперь прошу меня извинить. Я должен вернуться к своему подзащитному.

Девушка пружиной вскочила со скамейки.

— Так тебе просто-напросто плевать, так? — выкрикнула она.

— Плевать?

— Вы с Джейн Теннант… — Она взяла себя в руки. Затем в ее голосе прозвучало пренебрежение. — Так ты тоже боишься его, как и все остальные!

Барлоу не ответил. Он отвесил Тони Мореллу что-то среднее между кивком и официальным поклоном. Развернувшись кругом, он пошел по дорожке обратно точно таким же неторопливым шагом. Мантия вздымалась волнами у него за

спиной. Даже косичка его парика выглядела весьма красноречиво.

Мистер Морелл, который, кажется, мрачно клокотал от негодования по какому-то иному поводу, успокоился и улыбнулся Констанции.

— Пустяки, моя дорогая, — утешил он. — Это ведь действительно не его дело, правда? Я, между прочим, и сам могу его уладить. — Белые зубы блеснули.

— Но, Тони, в конце концов, у тебя ведь ужасно скверная репутация. Я имею в виду, в глазах других людей.

— Увы! — насмешливо отозвался мистер Морелл. Он сощурился. — А для тебя это имеет значение?

Страстное волнение в ее голосе удивило даже мистера Морелла.

— Да вот ни капельки! Я… меня это даже восхищает в тебе. И еще, Тони, я так сильно тебя люблю! Только… — Она снова замялась, щелкая застежкой своей сумочки. — Только что скажет мой отец?

Глава вторая

На следующий день после обеда судья Айртон сидел в гостиной своего летнего домика на побережье и играл в шахматы с доктором Гидеоном Феллом.

Летний дом был далеко не шикарный и выходил на далеко не шикарный участок пляжа. Друзья Горация Айртона, знавшие о его привередливости и едва ли не кошачьей любви к комфорту, удивились бы, обнаружив его на отдыхе в подобном месте. Господин судья ненавидел ходить пешком, в Лондоне или на выездных сессиях он не делал ни шагу туда, куда можно прикатить на лимузине. Он проживал все, что зарабатывал, — некоторые считали, даже сверх того. В его городской квартире на Саут-Одли-стрит, в его деревенском доме в Беркшире имелись самые роскошные ванные комнаты и самая замысловатая бытовая техника. Он не отказывал себе в изысканных кушаньях и напитках. Его большие сигары, его коньяк «Наполеон» (настоящий), его слабость к блюдам французской кухни были настолько хорошо известны, что непременно

фигурировали в любой карикатуре на него.

Но при всем том судья Айртон, как и многие из нас, питал иллюзии о пользе для здоровья морского воздуха и жизни без излишеств.

Каждый год, обычно под конец весны или лета, его начинали одолевать смутные опасения насчет собственного здоровья. Эти опасения не имели под собой оснований. К примеру, желудок у него был луженый, как у страуса. Но у него вошло в привычку снимать коттедж на каком-нибудь более-менее удаленном от морских курортов берегу и проводить там несколько недель, а то и месяц.

Купаться он не ходил — никто до сих пор не удостаивался, надо полагать, чести лицезреть с благоговейным трепетом судью Айртона в купальном костюме. Как правило, он просто посиживал в шезлонге и осовело таращился в книжки своих любимых писателей восемнадцатого столетия. Изредка, в качестве огромной поблажки здоровью, он отправлялся на прогулку, неохотно бродил по пескам с сигарой в зубах и гримасой отвращения на лице.

«Дюны», его нынешний летний домик, был лучше большинства предыдущих. Судья зашел даже так далеко, что купил его, поскольку здесь

имелась сносная ванная. Французские окна кирпичного, покрытого желтой штукатуркой дома выходили на море. В доме было две комнаты, разделенные коридором, а в дальней части — кухня и ванная. Перед домиком, за широкой полосой лужайки, где никакими силами невозможно было вырастить траву, вдоль берега моря тянулась асфальтовая дорога: на восток, к городку Тонишу, и на запад, к изгибу залива Подкова. На другой стороне дороги, за жиденькими спутанными зарослями чего-то, похожего на траву, пробившуюся сквозь водоросли, к морю спускался пляж с белым песком.

«Дюны» были единственным домом на полмили вокруг. Автобусы по дороге перед домом не ходили, хотя она и была в ведении муниципальных властей, которые даже удосужились установить фонари через каждые двести ярдов. В хорошую погоду, когда солнце играло на синевато-серой поверхности моря и охристом выступе мыса вдалеке, вид получался довольно приятный. Зато в пасмурные дни это продуваемое всеми ветрами место выглядело обезлюдевшим и нагоняло тоску.

Тот день, когда судья Айртон и доктор Фелл уселись за шахматы в гостиной «Дюн», выдался

теплым, но несколько сырым.

— Ваш ход, — терпеливо проговорил судья Айртон.

— А? О, да-да! — отозвался доктор Фелл, спохватившись. Он сделал ход наобум, поскольку был поглощен их довольно жарким спором. — Чего я не понимаю, сэр, так именно этого. Зачем? Какое такое удовольствие вы получаете от своей игры в кошки-мышки? Вы же ненавязчиво дали мне понять, что в конечном счете молодого Липиата не повесят…

— Шах, — произнес судья Айртон, передвинув фигуру.

— А?

— Шах!

Надув щеки и шумно выдохнув, доктор Фелл собрался с мыслями и внимательно поглядел на доску сквозь пенсне на широкой черной ленте. Потом засопел, всколыхнув все свои двадцать стоунов[2] веса, и с подозрением уставился на противника. Его следующий ход был так же дерзок, как и выпяченная вперед нижняя губа.

— Хм, ха! — буркнул он себе под нос. — Однако вернемся к вопросу. Когда обвиняемому на ска-

---

[2] Notes: 2
Примерно 127 кг.

мье подсудимых ничего не грозит, вы внушаете ему обратное. Когда же его ждет суровый приговор, вы позволяете ему расслабиться. Помните дело Доббса, афериста с Леденхолл-стрит?

— Шах, — произнес судья Айртон, хватая с доски ферзя противника.

— О? Ну, тогда берегитесь! А если так?

— Шах.

— Архонты Афин! Но это же не…

— Да-да, — сказал оппонент. — Мат.

Он с угрюмым видом собрал фигуры и расставил их по местам для следующей партии. Только начать ее не предложил.

— Вы плохо играете в шахматы, — произнес он. — Не сосредотачиваетесь. Впрочем, ладно. Что вы там хотели узнать?

Если в зале суда он восседал в своем кресле, отрешенный от суеты, словно йог, то дома он вполне походил на обычного человека, хотя почему-то еще более неприступного. Однако, несмотря ни на что, судья был хорошим, радушным хозяином. Сейчас он сдвинулся на край пухлого мягкого кресла, чтобы доставать до пола короткими ножкам в широких брюках для гольфа, нелепо смотревшихся в сочетании с твидовой спортивной курткой.

— Могу я в таком случае говорить откровенно? — поинтересовался доктор Фелл.

— Разумеется.

— Видите ли, — пояснил доктор, вынимая цветастый носовой платок и промокая лоб с такой серьезностью, что даже судья усмехнулся, — требуется немалое усилие, чтобы изложить вам все как есть. Вы же, как известно, видите всех насквозь. Или, по крайней мере, так считается.

— Да, понимаю.

— Так значит, вы помните Доббса, мошенника из Сити?

— Отлично помню.

— Так вот, — признался доктор Фелл, — вы и меня заставили тогда содрогнуться, хотя Доббс, обиравший мелких инвесторов, был тот еще мерзавец. И я с готовностью это признаю. Когда он предстал перед вами, чтобы выслушать приговор, он заслуживал получить по полной и знал, что получит. Но вы заговорили с ним в этой вашей умиротворяющей манере, отчего он едва не сомлел. Потом вы объявили ему приговор — пять лет — и сделали знак конвоирам уводить. Все видели, как он буквально зашатался от облегчения, что получил всего пять лет.

Мы думали, на этом все. И конвоиры думали

так же. И даже Доббс. Вы дождались, пока он сойдет по ступенькам от скамьи подсудимых, прежде чем окликнуть: «Минуточку, мистер Доббс. Против вас тут выдвинуто еще одно обвинение. Вернитесь-ка обратно». Он вернулся и получил еще пять лет. А потом, — продолжал доктор Фелл, — когда Доббс уже пришел в отчаяние, а публика в зале хотела провалиться сквозь землю, чтобы не видеть этого, вы повторили все в третий раз. Итог: пятнадцать лет.

Судья Айртон взял с шахматной доски фигуру, повертел в коротких пухлых пальцах и поставил обратно.

— И что же? — уточнил он.

— Не хотите как-то пояснить?

— Максимально возможное наказание за преступления Доббса, — заметил судья Айртон, — составляет двадцать лет.

— Сэр, — произнес доктор Фелл с безукоризненной учтивостью, — надеюсь, вы не станете утверждать, что вынесли мягкий приговор?

Судья чуть улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — я и не собирался. Но двадцать лет было бы чересчур — исходя из того, что' я считаю строгими принципами справедливости. Вот потому столько он и не получил.

— Но вся эта игра в кошки-мышки…

— Разве, по-вашему, он этого не заслужил?

— Нет, только…

— В таком случае, мой дорогой доктор, чем же вы недовольны?

Гостиная в «Дюнах» представляла собой просторную вытянутую комнату с тремя французскими окнами по одной стороне, выходившими на море. На стенах тошнотворные обои, а мебель, оставшаяся судье Айртону от прежнего, покойного ныне хозяина, пока он не обзаведется своей, должно быть, не раз причиняла ему эстетические страдания.

На стене напротив окон висело чучело лосиной головы с пристальным взглядом стеклянных глаз. Под чучелом стоял письменный стол в викторианском стиле, дополненный вращающимся креслом, а на столе — телефон. На диване и в одном из просторных кресел лежали подушечки с вышитыми бисером сентенциями типа «Дом, милый дом» и изогнутой курительной трубкой с неубедительным завитком дыма над ней. Присутствие здесь судьи Айртона выдавали лишь стопки книг, рассованные по углам.

Доктору Феллу навсегда запомнился этот момент, когда круглый, гладкий судья в окружении

дешевых безделушек говорил с ним своим брюзгливым негромким голосом.

— Мне не нравится эта тема, — признался он. — И честно говоря, сэр, я не люблю, когда меня расспрашивают об этом…

Доктор Фелл пробурчал что-то покаянное.

— Но раз уж вы завели этот разговор, вы все же можете узнать мое мнение. Государство платит за мою работу. Я делаю ее так, как считаю правильным. Вот и все.

— И работа эта состоит в чем?

— В том, чтобы судить, разумеется! — просто ответил его собеседник. — Следить, чтобы присяжных не занесло не туда.

— Но предположим, вы допустите ошибку…

Судья Айртон потянулся, разминая затекшие мышцы.

— По судейским меркам я еще молод, — произнес он. — Всего шестьдесят исполнилось в прошлом месяце. Но, как мне кажется, я весьма крепкий орешек. И еще, мне кажется, меня довольно трудно обмануть. Возможно, это говорит во мне тщеславие. Но тем не менее так и есть.

Доктора Фелла, похоже, терзало какое-то внутреннее непонятное недовольство.

— Надеюсь, вы простите мне подобное прямоду-

шие, — отозвался он, — но меня живо интересует этот ваш несгибаемый древнеримский дух. Это же восхитительно. Ни тени сомнений! Однако — только между нами — неужели вы ни разу не испытывали никаких терзаний? Неужели ни разу не поставили себя на место человека на скамье подсудимых? Никогда не ощущали христианского смирения, чтобы содрогнуться и сказать себе: «Да, все так, но во имя милосердия Божьего…»?

Сонные глаза его собеседника раскрылись шире.

— Нет. С чего бы? Это не моя забота.

— Сэр, — серьезно проговорил доктор Фелл, — вы сверхчеловек. Мистер Бернард Шоу[3] именно вас искал много лет.

— Ничего подобного, — возразил судья. — Я реалист.

И он снова чуть улыбнулся.

— Доктор, — продолжал он, — выслушайте меня. В свое время меня в чем только не обвиняли, но никогда — в том, что я лицемер или напыщенный болван. И потому я прошу: выслушайте меня. Так вот, с чего бы мне изрекать подобные благочестивые банальности? Я же не грабил сейф

---

[3] Notes: 3

Речь о пьесе Джорджа Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек», написанной в 1901–1903 гг.

ближнего своего, не убивал ближнего своего, чтобы заполучить его жену. Мой доход избавляет от первого искушения, а здравый смысл — от второго.

Он подкрепил свои слова одним из тех жестов, сдержанность которых только добавляет им выразительности.

— Но заметьте, я работал — трудился до седьмого пота! — чтобы добиться благосостояния и развить в себе здравый смысл. К несчастью, преступники этого мира не желают утруждаться. А у них не больше моего прав вести себя как заблагорассудится. У них не больше моего прав терять голову. Однако они позволяют себе. После чего умоляют о милосердии. От меня они его не дождутся.

Размеренный голос замолк. Судья Айртон взял с доски фигуру и решительно опустил обратно — как будто поставил печать на подписанный документ и теперь хотел уже покончить с этим делом.

— Что ж, — задумчиво протянул доктор Фелл, разглаживая свои усы, — похоже, так и есть. Значит, вы не можете, скажем, допустить, что способны совершить преступление?

Судья призадумался.

— Ну, при определенных обстоятельствах мог бы. Впрочем, сомневаюсь. Но если бы я на это пошел…

— Да-да?

— Я взвесил бы все шансы. Если бы они наверняка были в мою пользу, я бы рискнул. Если же нет, то нет. И одного я точно не сделал бы никогда. Не стал бы действовать с бухты-барахты, а потом хныкать перед судом, что я невиновен, просто «обстоятельства были против меня». К сожалению, именно так все они и поступают — большинство из них.

— Простите мне мое любопытство, — вежливо произнес доктор Фелл. — Но вам никогда не доводилось судить невиновного?

— Очень даже часто. И я льщу себя надеждой, что таковой всегда слышал от меня оправдательный приговор.

Неожиданно господин судья Айртон хохотнул.

Что-то он сегодня разговорился. Обычно за стенами зала суда он редко произносил хотя бы три предложения подряд. С Гидеоном Феллом они приятельствовали много лет, однако после завершения долгой и утомительной выездной сессии Гораций Айртон сначала не хотел принимать доктора, который отдыхал в Тонише и заехал за-

свидетельствовать свое почтение. Зато теперь он нисколько не жалел, что доктор заглянул к нему. За время их разговора его настроение заметно улучшилось.

— Ну же! — воскликнул он. — Я вовсе не людоед, дорогой мой Фелл. И вам это известно.

— О да. Это я знаю.

— И я даже надеюсь, что вне присутственных часов я вполне себе добрый приятель. Кстати, чуть не забыл. — Он поглядел на часы. — Чаю я вам не предлагаю, поскольку миссис Дрю сейчас нет, а я терпеть не могу всю эту кухонную возню, но что вы скажете насчет виски с содовой?

— Вот спасибо. Уж от такого предложения, — сказал доктор Фелл, — я редко отказываюсь.

— Ваши взгляды на криминологию, — продолжал судья, живо вскочив с места и затопав к серванту, — ваши взгляды на криминологию в целом весьма здравые. Это я признаю. Но в шахматы вы играть не умеете. Возьмем хотя бы этот гамбит, которым я подловил вас… а?

— Подозреваю, это ваша визитная карточка?

— Можно и так сказать. Суть в том, чтобы позволить противнику поверить, что он в полной безопасности и победит без малейшего труда, а затем загнать его в угол. Вы бы, вероятно, назвали

это гамбитом «кошки-мышки».

Судья Айртон поднес к свету два стакана, проверяя, достаточно ли они чистые. Когда он снова поставил их, его взгляд прошелся по комнате. Судья оглядел веселенькую мягкую мебель, вышитые подушки, чучело лосиной головы, и его маленький нос сморщился от отвращения. Однако он явно решил, что все это можно пережить, смирился и поглубже вдохнул морской воздух, врывавшийся в одно из приоткрытых окон. Доктор Фелл так никогда и не узнал, какую сентенцию собирался изречь судья, наполнив виски два довольно вместительных бокала.

— Эй, привет! — прозвучал чей-то голос. — Есть кто дома?

Голос был девичий, и в нем звучала какая-то натужная бодрость. Доктор Фелл пришел в изумление.

— Гости? — вопросил он. — Гостья?

Тень раздражения пробежала по лицу судьи Айртона.

— Подозреваю, это моя дочь. Хотя и понятия не имею, что она здесь делает. Я слышал, она гостит в одном доме в Тонтоне. Да?

Светловолосая девушка, в одной из тех полупрозрачных широкополых шляп, которые были

модными в 1936 году, шагнула в приоткрытое французское окно. Она была в тонком цветастом платье и весьма неуверенно теребила в руках белую сумочку. Доктор Фелл с удовольствием отметил, что у нее честные карие глаза, хотя, даже на его невзыскательный взгляд, девушка явно злоупотребляла косметикой.

— Привет! — повторила она с той же натужной бодростью. — Это я!

Судья Айртон напустил на себя сухой и официальный вид.

— Это я уже понял, — произнес он. — И за что же я удостоился столь неожиданной чести?

— Мне пришлось заехать, — пояснила девушка, защищаясь. А затем, словно рубанув сплеча, выпалила одним духом: — У меня поразительная новость. Я помолвлена и выхожу замуж.

Глава третья

Констанция вовсе не собиралась обрушивать на отца это известие вот так. Однако вплоть до самой последней минуты она не смогла решить, как лучше к нему подступиться.

Констанция, жертва романтической литературы, старалась предугадать, как он поведет себя, основываясь на том, что она читала или видела в кино. В романах отцы делились всего на два типа. Либо они были свирепыми и беспощадными, либо почти нереально мудрыми и сострадательными. Они либо вышвыривали тебя из дома в ту же минуту, либо похлопывали по руке и сообщали какие-то замысловатые премудрости. И Констанция (как, вероятно, любая другая девушка на свете) чувствовала, что ее собственный родитель попросту не вписывается ни в одну из этих категорий. Неужели со всеми отцами так трудно? Или только с ее?

Ее отец остановился у серванта, держа в руке сифон с содовой.

— Помолвлена? — повторил он. После чего она с изумлением увидела, как его бледное лицо по-

розовело, и, услышав его голос, поразилась тому, как он потеплел.

— Помолвлена и выходишь замуж? За Фреда Барлоу? Моя дорогая Констанция! Поздра…

Сердце Констанции упало.

— Нет, папа. Не за Фреда. За… ты его пока еще не знаешь.

— О, — вымолвил судья Айртон.

Доктор Фелл, с присущим ему неуклюжим тактом, в этот момент спас положение. Хотя в любой гостиной он был таким же неприметным, как взрослый слон, девушка умудрилась не заметить его. Он обратил на себя внимание, долго и раскатисто прокашлявшись. Поднявшись с места с помощью трости с загнутой рукоятью, он лучезарно улыбнулся и часто заморгал, глядя сверху вниз на обоих.

— С вашего позволения, — начал он, — я все же откажусь от виски. Обещал инспектору Грэму заглянуть к нему на чай и уже опаздываю. Хм.

Судья Айртон проговорил автоматически:

— Моя дочь. Доктор Гидеон Фелл.

Констанция одарила его улыбкой, вздрогнув от неожиданности, но все равно до конца не осознала его присутствия.

— Так вам действительно надо идти? — уточ-

нил судья, явно испытав облегчение.

— Боюсь, что так. Мы продолжим дискуссию в следующий раз. Продолжим?

Доктор Фелл подхватил с дивана свою клетчатую пелерину, набросил на плечи и застегнул у горла короткой цепочкой. С присвистом дыша после столь тяжких трудов, он нахлобучил и поправил свою пасторскую шляпу. Затем, отсалютовав тростью и поклонившись Констанции, отчего на его жилете прибавилось несколько новых складок, он неуклюже удалился через французское окно. Отец с дочерью наблюдали, как он прошествовал через лужайку и провел настоящую операцию, подобную вскрытию сейфа, отпирая калитку.

Во время долгой паузы судья Айртон прошел по комнате к своему креслу и сел.

Констанции казалось, чья-то рука стискивает ей сердце.

— Папа… — начала она.

— Минуточку, — прервал ее отец. — Прежде чем ты расскажешь мне обо всем, будь добра, убери с лица этот грим. Ты похожа на уличную девку.

Подобного рода отношение всегда доводило Констанцию до бешенства.

— Неужели ты не можешь, — воскликнула она, — неужели не можешь хоть иногда принимать меня всерьез?

— Если кто-нибудь, — бесстрастно отозвался судья, — воспримет тебя всерьез в твоем нынешнем виде, он не удивится, когда ты назовешь его «милок» и попросишь у него соверен. Сотри эту личину, прошу тебя.

Он умел быть терпеливым, как паук. Молчание затягивалось. Констанция в отчаянии выхватила из сумочки пудреницу, открыла, поглядела в зеркальце и принялась оттирать сначала губы, затем щеки носовым платком. Когда она закончила, то ощутила себя растрепанной — и внешне, и внутренне.

Господин судья Айртон кивнул.

— Итак, — произнес он. — Я полагаю, ты отдаешь отчет в своих словах? Ты говоришь об этом серьезно?

— Папа, да я никогда в жизни не была серьезнее!

— И что?

— Что — «что»?

— Кто он такой? — терпеливо продолжал судья. — Что ты о нем знаешь? Каково его происхождение, окружение?

— Он… Его зовут Энтони Морелл. Мы познакомились в Лондоне.

— Да. Чем он зарабатывает на жизнь?

— Он совладелец ночного клуба. По крайней мере, это одно из его занятий.

Судья Айртон на мгновенье зажмурил глаза, затем снова открыл.

— Чем еще он занимается?

— Не знаю. Но денег у него куча.

— Кто его родители?

— Не знаю. Они уже умерли.

— Где ты с ним познакомилась?

— На вечеринке в Челси.

— Как долго вы уже знакомы?

— Не меньше двух месяцев.

— Ты с ним спала?

— Папа!

Констанция была по-настоящему потрясена. Ее шокировало не само предположение, которое она восприняла бы спокойно и даже одобрительно, выскажи его любой другой, а то, что подобное она услышала от отца.

Судья Айртон открыл глаза и поглядел снисходительно.

— Я задал тебе простой вопрос, — подчеркнул он. — Ты наверняка можешь на него ответить.

Так что же?

— Нет.

Хотя ни один мускул на лице судьи не дрогнул, он, кажется, выдохнул с облегчением. Немного успокоившись, он опустил руки на подлокотники кресла.

Констанция, хотя и сконфуженная, заметила, что, по крайней мере, самых зловещих признаков надвигающейся опасности пока не наблюдается. Он не стал вынимать из футляра в нагрудном кармане свои очки в роговой оправе, чтобы демонстративно надевать и снимать их, как обычно делал в суде. Однако она поняла, что не в силах выносить эту бесстрастность.

— Скажи уже что-нибудь! — взмолилась она. — Прошу, скажи, что ты не против! Если ты попытаешься помешать мне выйти за Тони, я, наверное, просто умру!

— Тебе уже есть двадцать один год, — заметил судья. Он призадумался. — На самом деле, ты всего полгода назад получила право распоряжаться деньгами, оставшимися от матери.

— Пятьсот фунтов в год! — презрительно фыркнула она.

— Я говорю сейчас вовсе не о том, что этой суммы тебе недостаточно. Я констатирую факт.

Тебе двадцать один год, и ты вполне независима. Если ты решишь выйти замуж, я не смогу тебе помешать.

— Да, но ты мог бы…

— Что?

— Ну, не знаю! — с несчастным видом отозвалась Констанция. После паузы она прибавила: — Неужели тебе нечего сказать?

— Ладно, если ты так хочешь. — Он еще немного помолчал. Затем прижал кончики пальцев к вискам, потер лоб. — Должен признаться, я надеялся, что ты выйдешь за молодого Барлоу. Его ждет блистательное будущее, как мне кажется, если он не потеряет головы. Я много лет поддерживал его советом, даже учил…

«Именно, — подумала про себя Констанция, — в этом-то и беда!» Мистер Барлоу — желая проявить особую суровость, она всегда мысленно называла его «мистер» — с каждым днем все больше и больше походил на своего наставника и старился раньше срока. Пусть не в меру жизнерадостная Джейн Теннант, которая явно его обожает, и забирает себе Фреда Барлоу. Перспектива жизни с человеком, которого наставлял ее отец, холодный как рыба, Констанцию вовсе не прельщала.

Судья Айртон все еще размышлял.

— Твоя мать, — произнес он в итоге, — во многих отношениях была очень глупая женщина…

— Как ты смеешь так о ней говорить!

— Действительно. Мне кажется, ты была слишком мала, чтобы помнить мать?

— Да, но…

— В таком случае, будь добра, не высказывай свое мнение, если у тебя нет твердых оснований для суждения. Твоя мать, говорю я, была во многих отношениях очень глупая женщина. Во многом она меня раздражала. Когда она умерла, я скорбел, хотя и не могу сказать, что сходил с ума от горя. Но ты!..

Он поерзал в кресле. Констанция заговорила, задыхаясь:

— Что же? Ты и со мной собираешься играть в свои кошки-мышки? Неужели ты не выскажешься за или против? Или хотя бы не познакомишься с Тони?

Судья быстро вскинул голову:

— О? Так он здесь?

— Он там, на пляже, бросает в воду камешки. Я подумала, пойду к тебе первой, чтобы подготовить, а потом уже он сможет прийти и поговорить с тобой.

— Весьма похвально. В таком случае не пригла-

сишь ли его?

— Но если ты…

— Дорогая Констанция, а какого ответа ты от меня ждешь? Да или нет, «Благослови вас Господь» или «Только через мой труп», когда я ничего толком не знаю? Биографию мистера Морелла в твоем изложении, согласись, нельзя назвать подробной. Сделай уже одолжение, приведи его сюда! Я сумею составить мнение об этом джентльмене, если познакомлюсь с ним.

Констанция развернулась, но затем засомневалась. Ей показалось, отец как-то почти незаметно, но зловеще выделил голосом слово «джентльмен». Как и всегда после встречи с отцом, ее охватило жаркое негодование от ощущения, что все, что она собиралась сказать, вывернуто наизнанку, все прямые вопросы остались без ответов — что она ровным счетом ничего не добилась.

— Папа, — произнесла она отрывисто, взявшись за оконную раму, — есть еще один момент.

— Да?

— Я обязана сказать, потому что хочу попросить тебя — пожалуйста, ради всего святого! — быть справедливым. Честно говоря, я сомневаюсь, что тебе понравится Тони.

— Нет?

— Но даже если он тебе не понравится, то только из-за разных предрассудков, и ничего более. Тони, например, любит шумные вечеринки, и танцы, и все современные штучки. Он ужасно эрудированный…

— В самом деле? — поинтересовался судья Айртон.

— …Но ему нравятся современные писатели и композиторы. Он говорит: все, чем вы с Фредом Барлоу заставляли меня восхищаться, — скучный вздор. И еще одно. У него бывали… назовем это разными проделками, да, и меня это в нем восхищает! Ну разве он виноват, если женщины от него без ума? Разве виноват, если они сами вешаются ему на шею?

— Даже не знаю, — невозмутимо отозвался ее отец. — Но у меня будет возможность выяснить это, если ты все же пригласишь его.

И снова Констанция замешкалась.

— Хочешь, чтобы я присутствовала при вашем разговоре?

— Нет.

— О! Хорошо. Я и сама не хотела бы оставаться. — Она шаркнула туфлей по раме французского окна, с сомнением обернувшись к нему. — Я тогда

прогуляюсь поблизости. — Она стиснула кулаки. — Но ты же будешь с ним любезен, правда?

— Я точно буду к нему справедлив, Констанция. Это я тебе обещаю.

Девушка развернулась и убежала.

Тени собирались в комнате, падали на дорогу, пляж и море. Солнце, неистово красное и наполовину стертое, выглянуло из облаков над самой водой. В комнате полыхнуло зарево пожара, а затем солнце снова скрылось, смазанное облаками. Сумерки принесли с собой запах сырости, смешанный с йодистым запахом водорослей, но его тут же унесло прочь южным бризом. В той короткой солнечной вспышке дальние края пляжа показались плоскими и серыми, блестящими там, где вода ушла с отливом, однако бриз уже тянул за собой, на фоне необъятной тишины, мягкое, змеиное шипение надвигавшегося прилива.

Судья Айртон шевельнулся в своем кресле.

Он поднялся на негнущиеся ноги и направился к серванту. Задумчиво постоял над двумя нетронутыми бокалами виски, которые налил раньше. Оценивающе поглядев на них, он взял один бокал, перелил его содержимое во второй и добавил содовой. Из коробки на серванте он достал сигару, сорвал с нее ленточку, обрезал

кончик и раскурил. Когда она стала тянуться так, как ему нравилось, он вернулся к своему креслу, прихватив бокал с виски. Поставив виски на край шахматного столика, он принялся мирно курить.

Быстрые шаги прозвучали на плешивой лужайке перед домом.

— Добрый вечер, сэр! — произнес намеренно приглушенный, но энергичный голос мистера Энтони Морелла. — Вот, отважился сунуться в логово льва, как видите!

Коренастый мистер Морелл вошел, сдернув на ходу шляпу и протягивая руку, приблизился, улыбаясь и явно желая понравиться.

Глава четвертая

— Добрый вечер, — ответил судья. Он пожал протянутую руку без особого энтузиазма, не поднявшись с кресла. — Присаживайтесь.

— Спасибо.

— Напротив меня, пожалуйста. Чтобы я мог вас видеть.

— Вот как. Ладненько.

Тони Морелл сел. Слишком туго набитое мягкое кресло заставило его откинуться назад, но он моментально выпрямился снова, словно не желая оказаться в невыгодном положении.

Судья Айртон продолжал курить в безмятежной задумчивости. Он ничего не сказал. Его маленькие глазки были прикованы к лицу гостя. Подобный взгляд мог бы парализовать человека чувствительного, каким, вероятно, и был Морелл.

Морелл прокашлялся.

— Полагаю, — заметил он, заговорив во внезапно наступившей полной тишине, — Конни вам рассказала?

— Рассказала мне что?

— О нас.

— Что именно — о вас? Постарайтесь выражаться точнее.

— О свадьбе!

— О да. Она мне рассказала. Не хотите ли сигару? Или виски с содовой?

— Нет, спасибо, сэр, — ответил Морелл, выпалив ответ сразу же и с нескрываемым самодовольством. — Никогда не употребляю табак и спиртное. У меня другая слабость.

Словно подбодренный или осмелевший от этого предложения, он как будто почувствовал себя свободнее. У него был вид человека, прикрывающего рукой козырного туза, который только и ждет подходящего момента, чтобы выложить его. Но ничего подобного он не сделал. Вместо этого он достал упаковку жевательной резинки и показал хозяину, прежде чем снять бумажную обертку с одной пластинки и с нескрываемым удовольствием сунуть в рот.

Судья Айртон не произнес ни слова.

— Я не то чтобы против всего этого, — заверил его мистер Морелл, имея в виду табак и алкоголь. — Просто не употребляю.

После этого великодушного объяснения он умолк, и молчание показалось ему неловким. И

тогда он приступил к делу:

— Теперь насчет нас с Конни. Она немного волновалась по этому поводу, но я сказал: мне кажется, я смогу воззвать к вашему здравому смыслу. Нам не нужны осложнения. Мы бы хотели, чтобы вы были нашим другом, если пожелаете. Вы же не станете чинить препятствий нашей свадьбе?

Он улыбнулся.

Судья вынул сигару изо рта.

— А сами вы не видите препятствий? — спросил он.

Морелл замялся.

— Что ж, — признал он, хмуря смуглый лоб так, что его прорезали горизонтальные морщины, — один момент имеется. Я, понимаете ли, католик. Боюсь, мне придется настоять, чтобы мы венчались в католической церкви, а Конни приняла бы католичество. Вы ведь меня понимаете, не правда ли?

Судья склонил голову набок:

— Да. Вы настолько добры, что готовы жениться на моей дочери, если она сменит веру.

— Нет, послушайте, сэр! Я не желаю, чтобы вы строили предположения…

— Я не строю никаких предположений. Я про-

сто повторяю то, что вы сказали.

Судья Айртон нарочитым жестом сунул руку в нагрудный карман спортивной куртки. Вынул из футляра свои очки в роговой оправе, нацепил на нос и уставился сквозь стекла на Морелла. Затем он снял их и принялся слегка покачивать, зажав дужки в левой руке.

— Но ведь можно было выразиться иначе! — возмутился Морелл. Он разволновался. Настоящая неприязнь отразилась в его темных и живых, немного навыкате глазах. — Все же религия для меня очень важна. Как и для всех католиков. И я всего лишь…

— Давайте, с вашего позволения, оставим пока этот вопрос. Вы не видите препятствий к этому браку, насколько я понимаю?

— Нет, в самом деле не вижу.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Ну, может быть, есть одно… мне стоит сказать вам…

— В этом нет нужды. Я все знаю.

— Что вы знаете?

Судья Айртон пристроил свою сигару на край шахматного столика. Переложил очки в правую руку, продолжая так же покачивать ими, хотя внимательный наблюдатель заметил бы, что

рука его слегка дрожит.

— Антонио Морелли, — начал он. — По рождению — сицилиец. Принял британское подданство… не помню когда. Пять лет назад на сессии в Кингстоне этот самый Антонио Морелли предстал перед моим другом, судьей Уитом.

Повисло молчание.

— Не знаю, — медленно начал Морелл, — где вы раскопали эту грязь. Однако если вам хоть что-то известно о том деле, то вы понимаете, что жаловаться должен я. Это я был пострадавшей стороной. Я был жертвой.

— Да. Не сомневаюсь. Посмотрим, смогу ли я припомнить факты. — Судья Айртон поджал губы. — Случай заинтересовал меня, потому что любопытным образом перекликался с делом Маделен Смит и Пьера Ланжелье; впрочем, вы, мистер Морелл, выкрутились гораздо удачнее Ланжелье.

Этот Антонио Морелли обручился тайно с девушкой из зажиточной и влиятельной семьи. Ходили разговоры о свадьбе. Она написала ему несколько писем того свойства, что некоторые юристы склоны именовать скандальным. А затем страсть девушки начала угасать. В связи с чем Морелли дал понять, что, если она не выполнит

своего обещания, вернув ему честное имя, он покажет эти письма ее отцу. Девушка потеряла голову и пыталась застрелить Морелли. Она обвинялась в попытке убийства и была оправдана.

— Это ложь, — произнес Морелл, привстав с кресла и выдохнув эти слова прямо в лицо судье.

— Ложь? — повторил судья Айртон, надевая свои очки. — Ложь, что девушку оправдали?

— Вы знаете, о чем я!

— Боюсь, не знаю.

— Я не хотел этой женщины. Она сама бегала за мной. Я никак не мог от нее отделаться. А потом, когда эта маленькая идиотка попыталась меня убить, чтобы я не достался больше никому, семейству пришлось состряпать целую историю, выставляя ее в выгодном свете. Вот и все, что там было. Никогда я не угрожал ей, никогда не думал ей угрожать. — Он помолчал и прибавил многозначительно: — Между прочим, Конни об этом знает.

— Не сомневаюсь. Так вы отрицаете правдивость доказательств, представленных в суде?

— Да, отрицаю. Это были косвенные улики. Это… Да что с вами такое? Почему вы так смотрите?

— Ничего. Прошу, продолжайте. Все это я слы-

шал уже не раз, но все равно продолжайте.

Морелл откинулся на спинку кресла, дыша медленно и тяжело. Провел рукой по волосам. Жвачка, которую он во время разговора на всякий случай передвинул за щеку, снова явилась на сцену. Его квадратная, чисто выбритая челюсть двигалась в ровном ритме, жевательная резинка щелкала.

— Вы считаете, что видите меня насквозь, не так ли? — спросил он.

— Да.

— А что, если вы ошибаетесь?

— Я готов рискнуть и поспорить, мистер Морелл, однако разговор наш уже достаточно затянулся, и мне едва ли стоит говорить вам, что он был самым неприятным в моей жизни. Я должен задать вам всего один вопрос. Сколько?

— Что?

— Какую сумму, — пояснил судья терпеливо, — вы возьмете, чтобы убраться куда подальше и оставить мою дочь в покое навсегда?

Тени сгустились в комнате, и воздух похолодел. Странная улыбка промелькнула на лице Морелла, блеснули крепкие белые зубы. Он сделал глубокий вдох. Он как будто выходил из трудной для себя роли, словно человек, избавляющийся

от тесной одежды. Он снова поудобнее уселся в кресле, передернув плечами.

— В конце концов, — улыбнулся он, — дело есть дело. Не так ли?

Судья Айртон прикрыл глаза:

— Именно.

— Но я очень люблю Конни. Так что предложение должно быть щедрым, очень щедрым. — Он щелкнул жвачкой. — Сколько вы готовы заплатить?

— Нет, — бесстрастным тоном отозвался судья. — Назовите вашу сумму. Нельзя требовать, чтобы я определял вашу стоимость. В конце концов, я ведь не жду, что вы согласитесь на два шиллинга или полкроны.

— А, как раз здесь вы ошибаетесь! — заметил его собеседник. — К счастью, тут вопрос не моей стоимости. Это вопрос стоимости Конни. Она, как вы знаете, чудесная девушка, и вам, ее отцу, будет просто стыдно мелочиться, недооценивая ее. Да. Вы должны быть готовы дать за нее разумную цену плюс еще законную надбавку за мое разбитое сердце. Давайте, скажем… — он призадумался, проведя пальцами по подлокотнику кресла, затем поднял глаза, — пять тысяч фунтов.

— Не валяйте дурака.

— Неужели она не стоит для вас столько?

— Вопрос не в том, сколько она стоит для меня. Вопрос, сколько я смогу дать.

— В самом деле? — с интересом переспросил Морелл, глядя на него сбоку. Снова сверкнула улыбка. — Ладно, я свое предложение сделал. Если желаете продолжать этот разговор, боюсь, вам придется выступить со своим.

— Тысяча фунтов.

Морелл засмеялся:

— Это вы валяете дурака, мой дорогой сэр. Конни сама имеет в год пятьсот фунтов.

— Две тысячи.

— Нет. Этого недостаточно. Если вы сейчас скажете: три тысячи, наличными, — я могу подумать. Я не говорю, что приму предложение, но я могу.

— Три тысячи фунтов. Это мое последнее слово.

Наступила тишина.

— Ладно, — произнес Морелл, передернув плечами, — хорошо. Плохо только, что вы не цените ее выше, и позже вы это поймете, однако я вижу, когда клиент достиг своего предела.

(Тут судья Айртон слабо шевельнулся.)

— Соглашусь на три тысячи, — подытожил Мо-

релл, решительно жуя резинку. — Когда я смогу получить свои деньги?

— Придется соблюсти условия.

— Условия?

— Я хочу быть уверенным, что вы больше никогда не потревожите мою дочь.

Для хорошего бизнесмена Морелл как-то странно не заинтересовался этими условиями.

— Как вам будет угодно, — согласился он. — Я желаю лишь увидеть на столе мои деньги. Наличными. Итак… когда?

— Я не держу на текущем счету таких сумм. Мне потребуется двадцать четыре часа, чтобы достать деньги. И один маленький момент, мистер Морелл. Констанция сейчас там на пляже. Что, если я позову ее сюда и расскажу об этой сделке?

— Она вам не поверит, — тут же отозвался Морелл, — и вы это знаете. На самом деле она ожидала, что вы попытаетесь выкинуть какой-нибудь трюк. И подобное обвинение уронит вас в ее глазах. Даже не пытайтесь, мой дорогой сэр, а не то я поломаю вам всю игру и женюсь на ней завтра же. Вы сможете рассказать ей о моем… э… вероломстве после того, как я увижу цвет ваших купюр. Но не раньше.

— Что ж, — произнес судья каким-то странным

тоном, — это мне подходит.

— Итак? Когда обмен?

Судья задумался.

— Вы, как я понимаю, все еще гостите там в Тонтоне?

— Да.

— Сможете приехать сюда завтра вечером часов в восемь?

— С удовольствием.

— У вас имеется автомобиль?

— Увы, нет!

— Не важно. Между Тонтоном и Тонишем каждый час ходит автобус. Семичасовой доставит вас на Маркет-сквер в Тонише как раз к восьми. Оставшиеся полмили придется пройти пешком. Просто выйдете из Тониша и пойдете вдоль моря, пока не придете сюда.

— Знаю. Мы с Конни уже проделали этот путь сегодня.

— Но раньше не приезжайте, потому что я еще не успею вернуться из Лондона. И… вам придется придумать какое-то объяснение для Констанции, почему вы уходите с вечеринки.

— В этом я мастер. Не опасайтесь. Что ж…

Он поднялся, смахнув невидимые пылинки с пиджака. В комнате царили сумерки, так что

вряд ли кто-то из собеседников сумел разглядеть выражение лица другого. Оба, кажется, прислушивались к слабому, мягкому шуму надвигавшегося прилива.

Из жилетного кармана Морелл выудил какой-то мелкий предмет и подержал на ладони. Было слишком темно, чтобы судья сумел разобрать, что это такое, а это был патрон для мелкокалиберного револьвера, тот самый, который Морелл носил в качестве талисмана. Он любовно погладил патрон, словно тот принес ему сегодня удачу.

— Это ваше шоу, — заметил он не без ехидства, — желаю вам получить от него удовольствие. Однако… Конни ждет там на пляже. Нам надо прийти к какому-то решению. Что вы собираетесь ей сказать?

— Скажу, что одобряю ваш брак.

— Вот как? — оцепенел он. — Зачем?

— А разве вы оставили мне выбор? Если я запрещу, она спросит о причинах. Если я изложу ей причины…

— Да, так и есть. — Морелл задумался. — И она вся засветится — я так и вижу это, — и еще двадцать четыре часа она будет абсолютно счастлива. А потом — раз, и отрезать напрочь с улыбочкой. Несколько жестоко, вам не кажется?

— Это вы говорите о жестокости?

— Как бы там ни было, — произнес Морелл не утратив своего хладнокровия, — я буду счастлив услышать, как вы благословляете нас, и увидеть, как вы пожимаете мне руку. Я буду настаивать на рукопожатии. И еще пообещайте закатить шикарную свадьбу. Само по себе скверно, что вы готовы подвергнуть Конни такому испытанию, но, пожалуйста, развлекайтесь. Так что же, мне пойти и позвать ее?

— Да.

— Тогда я пошел. — Морелл опустил патрон в карман и надел свою щегольскую шляпу. Он остановился, обрамленный бледным светом из окон, в светло-сером костюме, слишком сильно приталенном. — И когда увидите меня в следующий раз, будьте добры, называйте меня «мальчик мой».

— Минуточку, — произнес судья, не шевельнувшись. — Допустим, по какой-то непредвиденной случайности я не смогу достать денег?

— А вот это, — с нажимом ответил Морелл, — будет очень скверно. Прощайте.

Он щелкнул жвачкой напоследок и вышел.

Судья Айртон сидел неподвижно, словно погруженный в размышления. Он протянул руку,

взял со стола так и не тронутый двойной виски и осушил стакан залпом. Его сигара, отложенная и забытая, успела погаснуть. Он с усилием поднялся на ноги и медленно подошел к письменному столу у стены. Отодвинув в сторону телефон, он открыл верхний ящик и вынул сложенное письмо.

Было слишком темно, чтобы читать письмо, но он и так помнил в нем каждую строчку. Оно было от управляющего его отделением «Городского и провинциального банка». Хотя и облеченное в высшей степени вежливую форму, письмо ясно давало понять, что банк не собирается и дальше обслуживать и без того уже ощутимо превышенный кредит господина судьи Айртона. Что же касается вопроса по закладным на дома по Саут-Одли-стрит и во Фрее, Беркшир…

Он разложил письмо на столе. Затем передумал, зашвырнул его обратно в ящик и закрыл.

Со стороны моря доносились ночные шорохи. Где-то вдалеке проехал автомобиль. Любому, кто увидел бы его сейчас (но никто его не увидел), перемена в поведении Горация Айртона показалась бы почти шокирующей. Его упитанное тело обмякло, словно мешок с грязным бельем. Он шлепнулся во вращающееся кресло и уперся в

письменный стол локтями. Сняв очки, он закрыл глаза ладонями. Один раз вскинул оба кулака, словно в бессловесном крике, который так и не прозвучал.

Затем послышались шаги, голоса, вымученный смех Констанции, предупредившие его о том, что парочка приближается.

Он снова, с особым тщанием, надел очки и развернулся вместе с креслом.

Был вечер пятницы, 27 апреля. Вечером следующего дня мистер Энтони Морелл приехал в Тониш не на автобусе, а восьмичасовым поездом из Лондона. На Маркет-сквер он спросил, как выйти на шоссе вдоль моря. Еще один свидетель подтвердил, что дома судьи он достиг в двадцать пять минут девятого. В половине девятого (время зафиксировано на телефонной станции) раздался выстрел. Мистер Морелл погиб от пули, пробившей мозг, и убийца так и не узнал, что лежало в кармане его жертвы, пока не стало слишком поздно.

Глава пятая

Девушка на коммутаторе читала «Правдивые истории из сексуальной жизни».

Флоренс иногда задавалась вопросом, а в самом ли деле эти истории правдивые. Но ведь иначе журнал не рискнул бы их печатать, кроме того, они и звучали вполне правдиво. Завистливо вздохнув, Флоренс подумала, что девушки из этих историй, пусть даже безнадежно загубившие свою жизнь, всегда умудрялись хорошо проводить время. Никто ни разу не предложил ей загубить свою жизнь таким множеством интересных способов. А в этой торговле «белыми рабынями», несомненно во всех смыслах ужасной, все же…

Коммутатор загудел, и загорелась красная лампочка.

Флоренс, еще раз вздохнув, воткнула штекер. Она понадеялась, что этот звонок будет не похож на предыдущий, несколько минут назад, когда женщина, звонившая из телефонной будки, хотела говорить по межгороду без денег. Флоренс вообще недолюбливала женщин. Хотя девуш-

ки из тех историй уж точно повидали жизнь, пусть даже потом им приходилось раскаиваться, они бывали в модных казино, они встречались с гангстерами и оказывались замешанными в убийствах…

— Номер, пожалуйста, — произнесла Флоренс.

Ответа не последовало.

В маленьком помещении громко тикавшие часы показывали половину девятого. Флоренс их звук казался умиротворяющим. Они так и тикали во время затянувшейся паузы, пока Флоренс предавалась мечтам, а линия оставалась открытой.

— Номер, пожалуйста, — повторила Флоренс, очнувшись.

И потом случилось это.

Мужской голос, очень тихий, зашептал с отчаянной поспешностью:

— «Дюны». Дом Айртона. Помогите! — И за этими неясно прозвучавшими словами раздался револьверный выстрел.

В тот миг Флоренс не поняла, что это револьверный выстрел. Она лишь знала, что в наушниках треснуло, больно отдавшись в ушах, и показалось, что стальные иголки впились прямо в мозг. Вскочив со своего места перед коммутатором, она услышала стон, какое-то шарканье и гром-

кий стук.

А потом тишина, только тикали часы.

Несмотря на охватившую Флоренс панику, она не растерялась. Она секунду постояла, держась за стол, и поглядела на часы, словно ища в них поддержки. Кивнула самой себе. Ее пальцы воткнули штекер перед другим номером.

— Полицейский участок Тониша, — ответил молодой, но весьма уверенный в собственной важности голос, — констебль Уимс на проводе.

— Альберт…

Тон голоса изменился.

— Разве я не говорил тебе, — торопливо забормотал он, — не названивать сюда, когда я…

— Но, Альберт, я не за этим! Случилось что-то ужасное! — Флоренс рассказала ему, что услышала. — Я подумала, лучше я…

— Очень хорошо, мисс. Спасибо. Мы все проверим.

На другом конце провода констебль Уимс положил трубку на рычаг, встревоженный, но полный сомнений. Он повторил услышанное сержанту, который в задумчивости поскреб массивный подбородок.

— Судья! — произнес он. — Может, и пустяки. Однако если кто-то пытался пристрелить ста-

рика, нам же достанется на орехи! Седлай свой велик, Берт, и дуй туда. Да побыстрее!

Констебль Уимс так и сделал. От полицейского участка Тониша до летнего домика судьи было примерно три четверти мили. Уимс преодолел бы их за четыре минуты, если бы кое-что его не задержало.

Уже давно стемнело. В начале вечера прошел дождь, и, хотя теперь прояснилось, теплый весенний вечер был безлунным и влажным. Черная асфальтовая дорога вдоль моря блестела в свете фонарика на руле велосипеда Уимса. Уличные фонари, отстоявшие друг от друга на двести ярдов, лишь подчеркивали и искажали темноту. Казалось, они клонятся в одну сторону, словно прибрежные деревья под постоянным морским бризом; в воздухе сильно и остро пахло морем, а в ушах Уимса стоял неумолчный грохот накатывавших приливных волн.

Он уже видел свет в окнах домика судьи чуть дальше впереди и справа от себя, когда вдруг заметил, что прямо на него светят фары автомобиля. Машина стояла на обочине встречной полосы.

— Констебль! — окликнул его мужской голос. — Послушайте, констебль!

Уимс автоматически затормозил, поставив на землю одну ногу, чтобы не упасть.

— Я как раз ехал к вам, хотел сообщить, — продолжал голос. — Тут один бродяга… пьяный… мы с доктором Феллоузом…

Теперь Уимс узнал голос. Он принадлежал мистеру Фреду Барлоу, у которого тоже был здесь коттедж, чуть дальше по дороге в сторону залива Подкова. К мистеру Барлоу молодой Уимс питал безграничное, необыкновенное почтение, глубже которого оставалось лишь его благоговение перед судьей.

— Сэр, не могу сейчас задерживаться, — выговорил он, едва не задыхаясь от волнения. Преисполненный чувства собственной важности, он решил выказать доверие мистеру Барлоу как человеку, его заслуживающему. — Какая-то беда в доме господина судьи Айртона.

Голос из темноты переспросил резче:

— Беда?

— Стрельба, — уточнил Уимс, — как показалось телефонистке. Кого-то застрелили.

Берясь за руль и надавливая на педаль, Уимс увидел в свете фар, как мистер Барлоу обежал вокруг машины. Позже ему пришлось припомнить, какое выражение было на худощавом лице

адвоката, освещенном с одной стороны: рот полуоткрыт, веки сощурены. Мистер Барлоу был в спортивной куртке, заляпанных грязью фланелевых брюках и без шляпы.

— Поезжайте! — угрюмо произнес Барлоу. — Гоните как дьявол! А я следом за вами.

Изо всех сил нажимая на педали, Уимс увидел, что его попутчик несется рядом длинными прыжками, дающимися ему как будто без усилий. Уимсу показалось, негоже, что кто-то вот так бежит наравне с представителем закона. Это даже его потрясло. Он поднажал, чтобы вырваться вперед, однако Барлоу и не думал отставать. Уимс, задыхаясь, соскочил с велосипеда у калитки судьи Айртона, чтобы наткнуться на еще одну помеху.

Прямо перед калиткой стояла Констанция Айртон, смутный белый силуэт в темноте. Ее фигура колыхалась на фоне деревянного забора — ветер ерошил ей волосы и приклеивал к телу платье. В свете велосипедного фонарика Уимс увидел, что она плачет.

Барлоу просто стоял и смотрел на нее, и молчание нарушил констебль.

— Мисс, — произнес он, — в чем дело?

— Я не знаю, — ответила Констанция. — Не

знаю! Вам лучше войти. Нет, не ходите туда!

Она протянула руку в тщетной попытке задержать его, но Уимс уже открыл калитку. В гостиной летнего дома горел свет: занавески на французских окнах были раздвинуты, и одно стояло приоткрытое. В этом свете было видно клочковатую траву и сырую землю перед домом. Уимс побежал к приоткрытому окну, Барлоу за ним следом.

Полицейский констебль Альберт Уимс был человек ответственный и трудолюбивый, но время от времени и ему доводилось вообразить себе что-нибудь несусветное. По дороге к дому он успел мысленно нарисовать картину произошедшего. В основном все сводилось к попытке покушения на жизнь судьи, и он оказывался на месте как раз вовремя, чтобы стать тем героем, который застигает преступника врасплох, одолевает его врукопашную и пожимает руку жертве, обязанной теперь протянуть достаточно долго, чтобы выразить свою благодарность через соответствующие инстанции.

Однако увидел он вовсе не это.

Покойник — мертвее не бывает — лежал лицом вниз на полу перед письменным столом у дальней стены комнаты. И это был вовсе не судья

Айртон. Это был черноволосый мужчина в сером костюме. Убитый выстрелом в затылок, прямо над правым ухом.

В свете настольной лампы, желтом и ярком, было видно аккуратное отверстие рядом с линией роста волос и немного запекшейся крови. Пальцы покойного вцепились в ковер, словно когти хищника, и кожа на запястьях собралась складками. Стул рядом с письменным столом был опрокинут. Телефонный аппарат сбит на пол — он лежал рядом с жертвой, и снятая трубка сердито пищала рядом с ухом мертвеца.

Но не это заставило констебля Уимса оцепенеть от ужаса, словно он не мог поверить собственным глазам. А вид судьи Айртона, сидевшего в мягком кресле в какой-то полудюжине футов от мертвеца с револьвером в руке.

Судья Айртон дышал медленно и тяжело. Лицо его приобрело оттенок квашни, хотя маленькие глазки смотрели спокойно и как будто отрешенно. Револьвер, совсем маленький, был из полированной стали с черной прорезиненной рукоятью — он сверкал в свете настольной лампы и люстры под потолком. Словно только что осознав, что держит оружие, судья Айртон вытянул руку и с грохотом выронил его на шахматный столик

рядом с собой.

Констебль Уимс услышал этот звук, как слышал грохот и шорох приливной волны за окном. Но все это не имело значения. Все это происходило где-то в пустоте. А первые слова, которые он выпалил, еще долго потом вспоминались всем остальным.

— Сэр, что же вы натворили?

Судья сделал глубокий вдох. Он сосредоточил взгляд маленьких глаз на Уимсе и кашлянул.

— В высшей степени неуместный вопрос, — заявил он.

Облегчение нахлынуло на Уимса.

— Знаю! — сказал Уимс, обратив внимание на цвет лица и черты человека, прижатого к ковру, и на его безукоризненный костюм. Он шагнул вперед. — Криминальный мир. Гангстеры. Ну, вы понимаете, что я имею в виду! Он пытался убить вас. А вы… ну, это же более чем естественно, сэр…

Судья поразмыслил над его словами.

— Вывод, — отозвался он, — необдуманный и необоснованный. Мистер Морелл был женихом моей дочери.

— Это вы убили его, сэр?

— Нет.

Это односложное слово было произнесено особенно отчетливо и категорично. И окончательно выбило из колеи Уимса, который совершенно искренне не знал, что ему делать. Если бы это был кто угодно, только не судья Айртон, Уимс зачитал бы ему его права, а потом забрал в участок. Но тащить в полицейский участок судью Айртона равносильно тому, чтобы попрать сам закон. Так не поступают с судьями Высокого суда, в особенности с теми, чей взгляд холодит тебя прямо сейчас. Уимс начал покрываться испариной. Он молил Господа, чтобы здесь сейчас же оказался инспектор: он мечтал снять с себя ответственность.

Вынув блокнот, констебль принялся вертеть его в руках и уронил на пол. Он рассказал судье о прервавшемся телефонном звонке, пока судья с недоумением взирал на него.

— Не хотите ли вы сделать заявление, сэр? Например, рассказать мне, что здесь произошло?

— Нет.

— Вы имеете в виду, что отказываетесь?

— На данный момент. Не сейчас.

Уимс ухватился за надежду:

— А инспектору Грэму расскажете, сэр, если я попрошу вас отправиться со мной в полицейский

участок и встретиться с ним?

— Здесь, — произнес судья Айртон, слабо кивнув и не расплетая рук, сложенных на животе, — имеется телефон. Будьте так любезны, позвоните инспектору Грэму и попросите его прийти сюда.

— Но я не имею права трогать телефон, сэр! Это же…

— В кухне есть отводная трубка. Звоните оттуда.

— Но, сэр!..

— Звоните, прошу вас.

Уимсу показалось, кто-то толкнул его под лопатку. Судья Айртон не шелохнулся. Руки были по-прежнему сложены на животе. Однако же он так владел ситуацией, словно кого-то другого застали с оружием в руке рядом с трупом, а он, судья Айртон, бесстрастно взирает на все это со своего возвышения. Уимс не стал спорить, он просто пошел.

Фредерик Барлоу шагнул в комнату через французское окно, упираясь руками в бока. Если судья и удивился, увидев его, то ничем этого не выдал, просто смотрел, как Барлоу закрывает за Уимсом дверь.

Вокруг глаз Барлоу собрались короткие тонкие

морщинки. Подбородок агрессивно выдвинулся вперед, когда он пристально взглянул в ответ на судью Айртона, держась за отвороты своей старой спортивной куртки и широко расставив ноги, словно готовый к драке.

— Вы можете проделывать подобные штуки с Уимсом, — заметил Барлоу, такой же бесстрастный, как и сам судья. — Но, мне кажется, с инспектором Грэмом такое не пройдет. И с начальником полиции тоже.

— Скорее всего.

Барлоу ткнул большим пальцем в сторону тела Энтони Морелла, подурневшего после смерти:

— Это вы сделали?

— Нет.

— Вы в сомнительном положении. Вы это осознаете?

— Это я-то? Ну, мы еще посмотрим.

Подобное проявление чванливого самодовольства было особенно удивительно, поскольку исходило от Горация Айртона. Барлоу успел выработать у себя защиту от такого непоколебимого высокомерия, однако оно нервировало его, поскольку он сознавал заключенную в нем опасность.

— Что произошло? По крайней мере, мне-то вы

можете сказать.

— Я не знаю, что произошло.

— Да ну, какого черта!

— Будьте добры, — произнес судья, прикрывая глаза ладонью, как козырьком, — умерьте тон, разговаривая со мной. Я не знаю, что произошло. Я не знал даже, что этот парень у меня в доме.

Он говорил без всяких эмоций, но его живые глазки метнулись по комнате к закрытой двери, а ладони медленно и мягко погладили подлокотники кресла — этот жест подсказал Барлоу, что разум судьи лихорадочно работает.

— Я ждал прихода мистера Морелла сегодня вечером, — продолжал он, — чтобы разрешить один деловой вопрос.

— И?..

— Но я не знал, что он уже пришел. Сегодня суббота, у миссис Дрю свободный вечер. Я был в кухне, готовил себе ужин. — Его рот искривился от отвращения. — Это случилось ровно в половине девятого. Я как раз открывал банку со спаржей — да, такая забавная подробность, впрочем, вы не улыбаетесь, — когда услышал выстрел и грохот, вероятно вызванный падением телефона. Я поспешил сюда и застал мистера Морелла в том виде, в каком вы его наблюдаете.

Вот и вся история.

— Вся? — эхом отозвался Барлоу с какой-то безумной настойчивостью. — *Вся?*

— Да. Вся.

— Но как же револьвер? Что скажете?

— Он лежал на полу рядом с телом. Я поднял его. Признаю, это было ошибкой.

— Слава богу, хоть это вы признаете. Вы подняли револьвер, сели в кресло и так и держали его в руке добрых пять минут?

— Да. Я всего лишь человек. И я был ошеломлен иронией этого…

— Чего?

— Не важно.

Позже Барлоу признавался, что подумал тогда: уж не спятил ли старик? Логика подсказывала именно это, однако интуиция уверяла Фредерика Барлоу, что судья Айртон никогда не был спокойнее и хладнокровнее, чем в тот миг. Об этом говорили и его глаза, и поворот головы. И тем не менее убийство в состоянии аффекта иногда странным образом влияет на умственные способности.

— Это, между прочим, убийство, — заметил Барлоу.

— Спору нет.

— Ну так! И кем же оно совершено?

— Предположительно, — ответствовал судья, — тем, кто пожелал войти в незапертый дом через переднюю дверь или одно из французских окон и выстрелить мистеру Мореллу в затылок.

Барлоу стиснул кулаки:

— Вы, конечно же, позволите мне представлять ваши интересы?

— Неужели? С чего бы вам представлять мои интересы?

— Потому что вы, похоже, не сознаете серьезности вашего положения!

— Вы недооцениваете мои умственные способности, — сказал судья, закидывая ногу на ногу. — Один момент. Позвольте вам напомнить: до того, как оказаться в судейском кресле, я перелопатил столько уголовных дел, что опережает меня один лишь мой друг Маршалл Холл, ныне покойный. Если судейские знают больше трюков, чем я, то заслуживают право меня вздернуть. — Он слабо улыбнулся. — Вы же не верите ни единому сказанному мною слову, верно?

— Я этого не говорил. Но вы бы сами поверили, если бы услышали такое в зале суда?

— Да, — просто ответил судья. — Льщу себя надеждой, что редко ошибаюсь, оценивая людей,

и узнаю правду, когда слышу ее.

— И все же…

— Кроме того, есть еще вопрос мотива. Все законники, как вы и сами, конечно, знаете, всегда задают вопрос о мотивах. Имеется хоть одна причина, чтобы я убил этого не так чтобы распрекрасного, но безобидного молодого человека?

Именно на этих словах в комнату вошла Констанция Айртон.

Вот тут судья, кажется, по-настоящему испугался. Он провел рукой по лбу, но все равно не смог скрыть неподдельного потрясения. Барлоу подумал: «Он любит ее почти так же сильно, как я, и это проявление человеческих чувств столь же красноречиво, как и его недавняя заносчивость».

Констанция успела утереть глаза, хотя веки все равно остались красными. Вид у нее был стоически решительный. Во взгляде, который она устремила на покойного, не отразилось никаких чувств, ничего, кроме холодной, неколебимой неприязни. Она как будто заставила себя взглянуть на него, изучить с головы до пят, прежде чем развернулась к отцу.

— Вот уж не знала, что ты так сильно печешься обо мне… — выпалила она и снова едва не расплакалась.

— Что, — сипло спросил судья, — ты здесь делаешь?

Констанция пропустила его вопрос мимо ушей.

— Он был всего лишь гнусный… — Она не смогла закончить фразу. Она развернулась к Барлоу, непрерывно тыча пальцем в мертвеца. — Он заставил папу пообещать ему три тысячи фунтов, чтобы он бросил меня.

Разумеется, я подслушивала. Вчера. Когда вы тут говорили обо мне. Естественно! А кто устоял бы? Я подкралась к дому и слушала, и сначала была так потрясена, что не могла поверить собственным ушам, а потом уже не знала, что делать. Слышать такое… как будто тебе сердце вырезают!

Она переплела пальцы.

— Мне было невыносимо смотреть правде в глаза — поначалу. Поэтому я просто улыбалась и притворялась. Тони до самой своей смерти не узнал, что мне все известно. Я веселилась вместе с ним. И я вернулась в Тонтон вместе с ним. И все это время я думала: «Когда же я расхрабрюсь, чтобы сказать, что ты гнусный…» — Она умолкла. — А потом я поняла, что нужно делать. Я собиралась дождаться, пока он увидится с папой

сегодня вечером. И вот когда он уже протянет лапы к своим драгоценным денежкам, я войду и скажу: «Не давай ему ни пенни, я все знаю об этой скотине».

Констанция облизнула губы.

— О, как бы это было чудесно! — Голос ее взлетел, она торжествовала. — Но я не смогла поехать за ним сегодня, потому что он отправился в Лондон. Сказал, что хочет повидаться со своим поверенным по поводу приготовлений к свадьбе. Все время улыбался, видите ли, и целовал меня на прощанье без конца.

А потом все снова пошло наперекосяк. Я позаимствовала машину, чтобы приехать сюда сегодня вечером, но она сломалась. Поэтому я опоздала. Это все моя вина. Если бы я успела раньше или если бы сказала все вчера, то ничего этого не случилось бы. Я рада, что он мертв. Он разбил мне сердце; может быть, это звучит глупо, но так и есть! Потому я и рада, что он мертв. Но не нужно тебе было этого делать, не нужно!

Ни один мускул не дрогнул на лице судьи Айртона.

— Констанция, — произнес он холодно и размеренно, — ты хочешь, чтобы твоего отца повесили?

Последовала гулкая пауза, лишь подчеркнутая быстрым испуганным взглядом девушки. Она взмахнула рукой, словно хотела зажать себе рот, а потом замерла, прислушиваясь. Они все прислушались. Не услышали ничего, кроме шума моря, пока не громыхнула дверная ручка, после чего дверь в коридор открылась и, мягко ступая, в холл вернулся констебль Уимс.

Глава шестая

Если Уимс и слышал что-нибудь, то не подал виду. Этот молодой человек со свежим цветом лица так и сиял от радости, что служебный долг выполнен и ответственность переложена на другого.

— Инспектор уже едет, — услужливо сообщил он.

— Угу, — буркнул судья.

— Нам придется послать аж в Эксетер за криминалистом и фотографом, — продолжал Уимс. — Так что пока ничего трогать нельзя. Но я должен провести осмотр и составить описание. А еще… — Его взгляд упал на Констанцию. Он нахмурился. — Прошу прощения, мисс. Кажется, я видел вас недавно?

— Это моя дочь Констанция.

— Вот как? Юная леди, которая была помолвлена с… — Неуверенность охватила Уимса, когда он снова поглядел на покойника. — Вам есть что сказать мне, мисс?

— Нет, — ответил судья.

— Сэр, я при исполнении!

Тут ловко вмешался Барлоу:

— И, как говорит инспектор Грэм, — предположил он, — вам предстоит провести осмотр. В особенности тела этого человека. Полагаю, констебль, вы можете обнаружить что-то такое, чего мы, вероятно, не заметили.

Хотя и недовольный, Уимс поразмыслил над этими словами и важно кивнул. Он прошествовал через комнату и сосредоточился на общей картине, перешел от одной стены к другой, чтобы лучше видеть. И Фред Барлоу воспользовался возможностью, чтобы сопровождать его.

Дырочка в голове Морелла была чистая, без следов пороха или ожога. Револьвер, лежавший теперь на шахматном столике, «Ив-Гран», 32-го калибра, — судя по размеру, и был орудием убийства. Присмотревшись внимательнее, Барлоу заметил, что шляпа Морелла, жемчужно-серая, совершенно некстати украшенная пером, закатилась под письменный стол. Рядом с ней лежал смятый носовой платок с вышитыми в углу инициалами «Э. М.». Микрофон телефонной трубки, похоже, разбился вдребезги при падении.

— Не трогайте его, сэр! — резко предупредил Уимс.

— Подметки ботинок, — заметил Барлоу, ука-

зывая рукой, — влажные и довольно грязные. И это заставляет предположить (не так ли?), что он, должно быть, пересек эту грязную лужайку и вошел в окно, а не прошел по кирпичной дорожке, чтобы войти через парадную дверь.

Уимс был до крайности суров.

— Мы не знаем, как он вошел, сэр, если только мистер… если только господин судья не скажет нам. А пока что постарайтесь не трогать тело. — Он вдруг замолк. — Боже всемогущий!

И в этом возгласе не было ничего удивительного.

Старательно обходя тело Морелла, Уимс сам нечаянно заехал башмаком в бок мертвеца. Башмак был изрядного размера, поскольку Уимс был крупный парень, и его шлем едва ли не задевал презрительно глядевшую лосиную голову на стене над письменным столом. Серый пиджак Морелла был сморщен и оттопырен на уровне плеч. И когда нога констебля пнула его, из раздутого кармана с мягким шелестом выскользнула какая-то нетолстая стопка бумаги, как показалось сперва, и рассыпалась на три кучки.

Каждая кучка состояла из десяти стофунтовых банкнот. Каждая была скреплена бумажной лентой с эмблемой «Городского и провинциального

банка».

— Три тысячи фунтов! — произнес Уимс, поднимая одну пачку и спешно роняя обратно. — Три тысячи фунтов!

Он заметил, как Констанция быстро взглянула на отца; как судья Айртон вынул из кармана свои очки и принялся медленно покачивать ими, держа за дужки; как Фредерик Барлоу отвел глаза, глядя куда угодно, только не на деньги. Однако он не успел задать ни одного вопроса, потому что молоток у входной двери вдруг резко заколотил.

Остальным троим — каждый из которых затаил дыхание по своим собственным причинам — этот стук показался ужасающим грохотом. Для Уимса он знаменовал приход инспектора Грэма, и он поспешил впустить начальство.

Инспектор Грэм был крупный, краснолицый и добродушный, хотя последнее скрывал. Ярко-голубые радужки глаз контрастировали с белками, лицом, на котором были заметны розовые пятна, и подозрительно белозубой улыбкой. В данный момент он не смеялся, и его добродушие выражалось лишь в сдержанной учтивости.

— Добрый вечер, сэр, — обратился он к судье. Брови его удивленно взлетели. — Добрый вечер, мисс. — Его брови взлетели еще выше. — Добрый

вечер, мистер Барлоу. Уимс, вам лучше пока подождать в коридоре.

— Да, сэр.

Грэм, закусив нижнюю губу, дождался, пока Уимс выйдет. Он оглядел комнату, и его лицо пошло какими-то земляничными пятнами — позже они узнали, что так у инспектора выражается сильное волнение. Он заговорил с судьей суровым тоном, хотя почтительно и предупредительно:

— Итак, сэр, Уимс доложил мне по телефону, что' он обнаружил, прибыв сюда. Я не знаю, что здесь случилось, я уверен, должно быть какое-то объяснение, однако... — тут он перевел тяжелый взгляд на судью Айртона, — я вынужден требовать, чтобы вы рассказали мне.

— Охотно.

— Ага. В таком случае, — Грэм вынул свой блокнот, — кто этот джентльмен? В смысле, застреленный.

— Его зовут Энтони Морелл. Он помолвлен, то есть был помолвлен, с моей дочерью.

Грэм быстро поднял глаза.

— В самом деле, сэр? Мои поздра... то есть, — земляничные пятна на его лице сделались ярче, — я хочу сказать, какое несчастье, и вообще!

Я не слыхал, что мисс Айртон помолвлена.

— Я тоже — до вчерашнего дня.

Грэм, похоже, был озадачен.

— Да. Хорошо. Что мистер Морелл делал здесь сегодня вечером?

— Он должен был встретиться со мной.

— Должен был встретиться с вами, сэр? Не совсем улавливаю.

— Я хочу сказать: я увидел его сегодня вечером только тогда, когда он был уже мертв.

Констанция медленно, с робкой неуверенностью прошла по комнате, чтобы присесть на диван. Она отодвинула в сторону аляповатую диванную подушку, украшенную изображением кленового листа и вышитой бисером надписью «Да здравствует Канада!», чтобы Барлоу мог сесть рядом с ней. Но он вместо этого остался стоять как вкопанный, и его зеленые глаза потемнели от сосредоточенности. Однако же, она дрожала всем телом, и потому он опустил жесткую ладонь ей на плечо. Она была признательна и за это — ладонь была теплая, а вот ветер с моря дул очень холодный.

Судья Айртон рассказал свою историю.

— Понятно, сэр. Я понял, — произнес инспектор Грэм таким тоном, каким говорят: «Я вообще

ничего не понимаю». Он прокашлялся. — И это все, что вы можете мне рассказать, сэр?

— Да.

Если Грэм эхом вторил Фредерику Барлоу, то судья Айртон просто вторил эхом самому себе.

— Ясно. Вы были в кухне, когда услышали выстрел?

— Да.

— И сразу же бросились сюда?

— Да.

— Спустя, скажем, сколько?

— Десять секунд.

— И не застали никого, кроме мистера Морелла, мертвого?

— Именно так.

— Где тогда находился револьвер?

Судья Айртон нацепил свои очки, огляделся, вытянув шею, и прикинул расстояние.

— Лежал на полу рядом с телефоном, между телом и письменным столом.

— Что вы сделали затем?

— Я поднял револьвер и понюхал дуло, чтобы понять, из него ли только что стреляли. И из него точно только что стреляли. Это вам к сведению.

— Однако я пытаюсь выяснить не это, — гнул свое Грэм, развернув плечи так, словно толкал

в горку тяжело нагруженную машину. — Зачем вы подняли оружие? Уж вам ли не знать, что этого делать нельзя? Если я ничего не путаю, я однажды присутствовал в суде, когда вы живого места не оставили от свидетеля за то, что он всего лишь поднял нож за кончик.

Судья Айртон казался смущенным.

— Верно, — признал он. — Верно. — И он провел пальцами по лбу. — Я и забыл. Это было дело Моллаби, верно?

— Да, сэр. Вы тогда сказали…

— Мне кажется, я все же указал присяжным на один момент, если помните: это действие, пусть глупое и достойное порицания, все же самое что ни на есть естественное. Я знаю, что так было и в моем случае. Я не удержался.

Инспектор Грэм подошел к шахматному столику и поднял револьвер. Понюхал испачканное дуло. Затем раскрыл барабан, показывая, что в нем не хватает ровно одного патрона.

— Вы видели прежде это оружие, сэр?

— Насколько я знаю, нет.

Грэм вопросительно поглядел на Констанцию и Барлоу, оба в ответ отрицательно помотали головами. У всех в глазах застыл невысказанный вопрос, зловещей тенью нависавший над Грэмом:

что это за три пачки банкнот выпали из пиджака Морелла? А мысли инспектора буквально читались у него на лице, и было очевидно, что ему не нравится иностранная внешность покойного.

— Сэр, — продолжил Грэм, уже в десятый раз прочищая горло, — давайте вернемся к другому вопросу. Зачем мистер Морелл пришел к вам сегодня вечером?

— Он желал убедить меня, что станет достойным мужем для моей дочери.

— Не улавливаю сути.

— Настоящее имя мистера Морелла, — пояснил судья, — Антонио Морелли. Он фигурировал в одном деле в Суррее пять лет назад, где было доказано, что он пытался шантажировать девушку из богатой семьи, чтобы жениться на ней, она же попыталась его застрелить.

Если бы кто-то дернул сейчас ручку игрового автомата и сорвал джекпот, результат не стал бы более красноречивым, чем лицо инспектора Грэма. Можно было буквально увидеть, как мысли взвихриваются и опускаются, выстраиваясь в линию, а потом — щелк, и изнутри со звоном посыпались монетки.

Фред Барлоу сказал себе: «Старик что, спятил? Он совсем уже выжил из ума?» Однако секунду

спустя, всего на долю мгновения позже самого судьи Айртона, он осознал смысл всего этого. Он вспомнил одну из максим судьи, какими тот наставлял молодого адвоката: «Если хочешь обрести репутацию достойного доверия юриста, всегда безукоризненно честно отвечай на все вопросы, пусть даже неудобные, ответы на которые вопрошающий с легкостью может узнать сам».

Что же задумал этот старый черт?

Однако инспектор Грэм смотрел с недоумением:

— Вы это признаете, сэр?

— Признаю что?

— Что… что… — Грэм, едва не путаясь в словах, указывал на банкноты. — Что он вымогал у вас деньги? И вы дали ему?

— Разумеется, нет.

— Вы не давали ему эти деньги?

— Не давал.

— В таком случае откуда он их взял?

— Ответа на этот вопрос я не знаю, инспектор. И вы могли бы сами догадаться.

Тут снова заколотил молоток у входной двери, и стук показался особенно зловещим.

Грэм вскинул руку, требуя тишины, хотя никто и не собирался заговаривать. Они услышали, как

скрипят по коридору башмаки констебля Уимса, как открывается передняя дверь. Услышали бодрый голос человека средних лет.

— Я хочу видеть мистера Энтони Морелла.

— Да, сэр? — произнес Уимс. — Ваше имя?

— Эпплби. Я поверенный мистера Морелла. Он велел мне прибыть по этому адресу в восемь часов сегодня вечером. К несчастью, я не привык водить автомобиль по деревенским улицам и заблудился. — Голос умолк, а потом зазвучал снова, вдруг сделавшись резче, словно говоривший всматривался в полумрак. — А вы полицейский?

— Да, сэр, — ответствовал Уимс. — Сюда пройдите.

Инспектор Грэм был уже у двери, когда Уимс впустил мужчину средних лет, аккуратного и собранного. Мистер Эпплби снял с головы котелок и сунул под руку, в которой сжимал портфель. Он был в пальто и перчатках. То, что осталось от черных волос мистера Эпплби, было зачесано набок от широкого пробора. У него была жесткая линия рта и крепкий подбородок, а стекла очков увеличивали черные блестящие глаза, пристально глядевшие на собравшихся.

Затем Грэм отступил в сторону, чтобы стало видно тело Морелла. Мистер Эпплби по-рыбьи

выпятил губы, и они услышали, как он шумно вдохнул. Наверное, секунд пять он молчал. Затем заговорил угрюмо:

— Да. — Он кивнул. — Да, вижу, я пришел по верному адресу.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Имею в виду, что это мой клиент. Тут, на полу. А вы кто?

— Я местный инспектор полиции. Это дом господина судьи Айртона, а вот и сам судья Айртон. — (Эпплби окоченело поклонился в сторону судьи, который ему не ответил.) — Я здесь, чтобы расследовать смерть мистера Морелла, убитого примерно полчаса назад.

— Убитого! — воскликнул мистер Эпплби. — Убитого? — Он поглядел на тело. — По крайней мере, хотя бы не ограбленного, как я вижу.

— Вы имеете в виду эти деньги?

— Естественно.

— А вы, случайно, не знаете, чьи они?

Брови мистера Эпплби поехали вверх, сморщив лоб, и даже остатки волос, кажется, попытались встать дыбом. Он превратился в воплощенное изумление, насколько ему позволяла профессиональная невозмутимость.

— Чьи они? — повторил он. — Это деньги ми-

стера Морелла, разумеется.

У Констанции Айртон, съежившейся на диване, шевельнулась одна из тех вдохновенных догадок, способных подсказать правду, несмотря на смятение. Она даже не догадалась — просто вдруг осознала. Сердце ее сжалось, она ощутила, как жар растекается вверх по плечам. Однако заговорить оказалось так трудно, что сначала она никак не могла вытолкнуть слова изо рта.

— Могу я спросить? — выкрикнула она, слишком громко и так неожиданно, что все повернулись к ней. Затем она взяла себя в руки, хотя голос все равно звучал сипло. — Можно мне кое-что узнать?

— Мисс Айртон, я полагаю? — уточнил Эпплби.

— Нет, не затыкайте мне рот! — воскликнула Констанция, невольно поглядев на отца, но затем снова перевела яростный взгляд на Эпплби. — Я должна знать кое-что, прежде чем мы двинемся дальше. Т-Тони всегда говорил, что денег у него куры не клюют. Сколько у него было?

— Какое у него было состояние?

— Сколько у него было денег?

Мистер Эпплби выглядел весьма шокированным.

— Какое у него было состояние? — настаивала

Констанция. — Прошу тебя, дорогой Боже, пусть он мне ответит!

— Времена, — начал Эпплби, — уже не те, что прежде. Бизнес… э… идет не так, как когда-то. Но могу сказать — это приблизительно, — шестьдесят тысяч фунтов у него было.

— Шестьдесят… тысяч… фунтов? — выдохнул инспектор Грэм.

Судья Айртон побелел, как привидение. Однако это заметил только Фред Барлоу.

— Мистер Морелл, как вам, несомненно, известно, — продолжал Эпплби, и было невозможно понять, есть ли в его словах завуалированный сарказм, — был владельцем и управляющим компанией «Сладости Тони». Эта фирма производит ириски, жевательную резинку и вообще всевозможные сладости. Мистер Морелл старался не афишировать свою связь с компанией, потому что опасался, что друзья станут посмеиваться над ним.

Челюсть поверенного окаменела.

— Откровенно говоря, я не видел причин для подобной щепетильности. Он унаследовал (упокой, Господи, его душу) деловую хватку от своего отца-сицилийца. Начинал он без пенни в кармане, но менее чем за четыре года уже был владельцем

нынешнего предприятия. Разумеется… для подобного рывка имелись предпосылки. А эти деньги, которые мы видим здесь, три тысячи фунтов, он хотел преподнести в качестве свадебного подарка мисс Айртон.

— Свадебный подарок, — повторила Констанция.

Эпплби продолжал отрывистым тоном. Новые, странные нотки слышались в его тоне, лишенном эмоций, однако же для внимательного слушателя многозначительном.

— Утром он явился ко мне в Лондон со странной историей, сути которой я до сих пор не понимаю. Не важно! Он хотел, чтобы сегодня вечером я приехал сюда и подтвердил его финансовое положение. «Выложил деньги на бочку», как он выразился.

Инспектор Грэм присвистнул:

— Вот как? Доказать, что он был не…

Эпплби не обратил внимания на его слова, улыбаясь угрюмо, но тем не менее с сожалением.

— Он хотел, чтобы я также заверил судью Айртона, что он будет достойным мужем для мисс Айртон. Подобное едва ли по моей части. И теперь в этом нет необходимости. Но я в любом случае сообщил вам, каково его состояние.

У мистера Морелла имелись свои недостатки. В основном связанные с его дурным вкусом и… скажем, некоторая мстительность. Но в целом он был добросовестный, трудолюбивый и — если позволите высказать мое личное мнение — очень любил мисс Айртон. Он стал бы прекрасным семьянином, совершенно в духе мелкобуржуазной среды, откуда он и вышел. К несчастью…

Сделав жест в сторону мертвого тела Морелла, Эпплби хлопнул себя портфелем по ноге и пожал плечами. Затем прибавил:

— Простите, если расстроил вас, мисс Айртон.

На мгновение Барлоу показалось, что Констанция сейчас лишится чувств. Она вжалась в спинку дивана, вцепившись в подушку, и закрыла глаза. Мышцы у нее на шее подергивались вверх и вниз. И все-таки, хотя он рвался всей душой утешить ее, Фред Барлоу бросил взгляд на судью Айртона.

Судья так и сидел без движения, впрочем, он успел снять очки и покачивал ими из стороны в сторону. Маленькая бисеринка пота появилась на его гладком лбу. Барлоу не видел выражения его глаз. Однако, несмотря на смятение чувств — Барлоу ощутил разом восхищение, дружеское расположение, боль, жалость и виноватую ра-

дость, что этот Морелл мертв, — одна маленькая мысль заползла червячком, заслонив собой все остальное:

«Чертов придурок. Он убил не того».

Глава седьмая

Около девяти часов того же вечера мисс Джейн Теннант заехала на парковку отеля «Эспланада» в Тонише.

«Эспланада» — шикарное заведение на фоне рыжих холмов, яркий бриллиант, нанизанный на цепочки огней вдоль променада. Знаменитый бассейн «Эспланады» в цокольном этаже, с примыкающим к нему фойе для чаепития и коктейлей, предлагает такую роскошь, как подогретая морская вода, не только зимой, но и в те летние дни — а таких здесь немало, — когда лишь эскимос отважится залезть в море, не схватив при этом трехстороннее воспаление легких. Позже Джейн Теннант еще предстояло припомнить этот бассейн.

Но в данный момент она всего лишь вошла в отель и спросила у стойки, здесь ли доктор Гидеон Фелл. Сезон еще не начался, и постояльцев было не так много, несмотря на целую толпу гуляющих на променаде. Ей сообщили, что, хотя доктор Фелл не имеет ни малейшего понятия, кто такая мисс Теннант, он с превеликим удовольствием

примет кого угодно и когда угодно и не поднимется ли она к нему в номер?

Она застала доктора Фелла в большой, перегруженной декором комнате на третьем этаже. Доктор Фелл был в шлепанцах и пурпурном халате размером с палатку. Он сидел за столом перед портативной пишущей машинкой, с пинтой пива под рукой, и печатал какие-то заметки.

— Вы меня не знаете, — начала Джейн Теннант. — Зато я все знаю о вас.

Его взору предстала девушка лет двадцати восьми — двадцати девяти. Она была очень привлекательна, хотя и не красавица; немного крупновата, но с прекрасной фигурой; спокойная, однако по натуре общительная. Подобное сочетание трудно описать, хотя и не так трудно проанализировать.

Ее главным достоинством была отличная фигура, но она, похоже, никак не стремилась это подчеркнуть. Глаза у нее тоже были хороши — серые, с точками черных зрачков. Темно-каштановые, коротко подстриженные волосы, крупный рот. Впрочем, в твидовом костюме, коричневых чулках и туфлях на плоской подошве она смотрелась не особенно выигрышно. А дышала так, словно бежала всю дорогу.

Опираясь на трость с загнутой рукоятью, доктор Фелл ринулся приветствовать ее, едва не опрокинув пишущую машинку, свои заметки и пиво. Он с величайшей торжественностью устроил свою гостью в кресле. Потому что ему понравилась Джейн Теннант. Он почувствовал в ней живой ум и способность от души повеселиться, хотя сейчас ей, похоже, было не до веселья.

— Какая радость! — Доктор приветливо улыбался, мысленно все еще в своих заметках. — Радость… Э… не хотите ли кружечку пива?

Он удивился и пришел в восторг, когда она согласилась.

— Доктор Фелл, — произнесла она просто, — с вами случалось такое, чтобы совершенно незнакомый человек пришел и поведал вам свои горести?

Доктор, с присвистом дыша, вернулся к своему креслу.

— И не раз, — ответил он в высшей степени серьезно.

Джейн торопливо заговорила, уставившись в пол:

— Прежде всего, надо сказать, что я знакома с Марджори Уиллс, теперь она Марджори Эллиот. Вы вытащили ее из жуткой истории в деле об

отравлении в Содбери-Кросс, и она от вас без ума. А вчера вечером Конни Айртон (это дочка судьи) упомянула, что вы остановились неподалеку и она познакомилась с вами в летнем домике своего отца.

— И что же?

— Так вот, — продолжала девушка, чуть улыбаясь, — вы не против, чтобы совершенно незнакомый вам человек… сделал это прямо сейчас?

Вместо ответа доктор Фелл собрал свои бумаги, перетасовал их и запер в ящике стола. Заодно попытался накрыть пишущую машинку чехлом. Задача попросту неосуществимая, если у кого-то руки-крюки, и даже богохульства здесь редко помогают, и потому все получилось, только когда Джейн Теннант забрала у него чехол и проворными ловкими пальцами защелкнула на нужных местах.

— В один прекрасный день, — пообещал доктор Фелл, — я отлуплю эту скотину и надену ей намордник с первого раза. А пока что я весь внимание.

Но девушка лишь беспомощно смотрела на него, пока секунды складывались в минуты.

— Я не знаю, как начать. Не могу об этом вслух!

— Почему же?

— О, я не совершала преступления, ничего подобного. Речь идет просто о долге. Однако заговорить об этом… боюсь, тут требуется некий душевный стриптиз.

— Попробуйте, — предложил доктор Фелл, — преподнести все как гипотетический случай. Так вам будет легче.

Повисла пауза.

— Хорошо, — кивнула Джейн, глядя в пол. — Некая женщина, назовем ее Икс, влюблена… — Она подняла голову, и в ее взгляде отразилось желание как-то защититься. — Подозреваю, все это звучит глупо и по-детски?

— Нет, ничего подобного, разрази меня гром! — отвечал доктор Фелл с такой неподдельной искренностью, что она вдохнула полной грудью и сделала еще одну попытку.

— Некая женщина, которую мы будем называть Икс, влюблена в адвоката, нет, скажем, просто в мужчину…

— Скажем, в адвоката. Так мы сможем обойтись без алгебры, сохранив при этом анонимность.

И снова он ощутил под ее внешней сдержанностью скрытую искру веселости. Однако она лишь кивнула:

— Как пожелаете. Адвокат, которого мы будем звать Игрек. Но Игрек по уши влюблен — или думает, что по уши влюблен, — в другую, пусть она будет Зет. Зет очень хорошенькая, Икс — нет. Зет очень юная, Икс уже под тридцать. Зет милая, Икс — нет. — Тень пробежала по ее лицу. — Тут ничего страшного. Проблема возникает, когда Зет влюбляется и собирается замуж за человека, которого мы просто обозначим Казанова.

Доктор Фелл с серьезным видом склонил голову.

— В этом и беда. Теперь Икс уверена, что Игрек вовсе не влюблен в маленькую блондиночку, и никогда не был. Ему не нужна такая девушка. Икс убеждена и готова поклясться, что если маленькая блондинка выйдет за Казанову, то Игрек забудет о ней через месяц. Она выпадет из его жизни. И гипноз рассеется. Тогда, возможно, Игрек увидит…

— Я понял, — заверил доктор Фелл.

— Спасибо. — Ей было физически больно рассказывать эту историю; теперь же напряжение, казалось, отпустило ее. — Следовательно, Икс должна всячески приветствовать этот брак. Она должна с нетерпением ждать, когда же счастливая пара отправится уже под венец и на брачное

ложе. Разве не так?

— Так.

— Так. И тогда Фре… тогда Игрек увидит наконец, что есть кто-то еще, кто очень любит его. Даже обожает. Кто будет счастлив просто сидеть рядом и слушать его. Кто… ладно, достаточно!

И снова доктор Фелл склонил голову набок.

— К несчастью, — продолжала Джейн, — Икс кое-что известно о человеке по имени Казанова. Так получилось, она знает, что он грязный негодяй, которого необходимо вывести на чистую воду. Так получилось, она знает, что он низкий жиголо, замешанный в безобразном скандале в Райгете пять лет назад. Ей все это достоверно известно, потому что она знакома с делом изнутри, с фактами, не всплывшими на суде, которые заставят любую девушку, пусть даже совсем потерявшую голову от любви, открыть глаза.

Человек габаритов доктора Фелла едва ли способен вздрогнуть так, чтобы толчок не зафиксировали сейсмографы. Однако же ему это почти удалось, когда он услышал о Райгетском деле. Его лицо раскраснелось сильнее, и он так засопел в свои разбойничьи усы, что затрепетала черная лента пенсне.

Но Джейн не смотрела на него.

— Боюсь, я больше не могу притворяться со всей этой алгеброй, — произнесла она. — Вы не были бы Гидеоном Феллом, если бы не догадались, что Икс — это я, Игрек — Фред Барлоу, Зет — Конни Айртон, а Казанова — это Антонио Морелли, он же Энтони Морелл.

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь сиплым дыханием доктора Фелла.

— Вопрос в том, — пробормотала Джейн, — как я должна поступить? Я знаю, что мужчины считают всех женщин хищницами из джунглей. Вы уверены, что каждая из нас так и ждет момента, чтобы разорвать соперницу в клочья. Но это неправда. Я люблю Конни. Очень люблю. И если я позволю ей выйти за этого… этого…

Но, предположим, я расскажу ей правду и приведу Синтию Ли, чтобы та все подтвердила? Не важно, поверит мне Конни или нет, но она наверняка возненавидит меня. И Фред Барлоу, скорее всего, возненавидит тоже. И из одной лишь жалости сблизится с ней. Я, разумеется, могу рассказать все по секрету судье, но тогда это будет чистейшей воды донос, и у Фреда он вызовет все то же отторжение. С того момента, как они приехали ко мне в гости в прошлую среду и я узнала «Тони Морелла», я ломаю голову в попыт-

ке найти выход. Мне не хочется использовать вас как департамент тетушки Эстер для помощи безнадежно влюбленным, однако что еще остается?

Доктор Фелл как следует вдохнул через одну ноздрю, сделавшись похожим на озадаченного льва. Он покачал головой. Рывком вздернув себя на ноги, он заковылял по комнате в своем старом пурпурном халате, топая так, что задребезжала люстра. На его физиономии читалось горе поистине гаргантюанского масштаба, вряд ли вызванное одной только историей Джейн Теннант. И даже появление официанта с пинтой пива, которую он заказал несколько минут назад, не смогло его утешить. Они с Джейн оба уставились на пиво так, словно понятия не имели, что это.

— Положение, — признал он, когда официант удалился, — сложное. Хм. Весьма сложное.

— Да, и я так подумала.

— Тем более что… — Он оборвал себя. — Скажите-ка мне. Когда Морелл появился в вашем доме в среду, он вас узнал?

Джейн нахмурилась:

— Узнал меня? Да он никогда в жизни меня не видел.

— Но вы же сказали…

— Ах это! — Она почему-то обрадовалась. — Мне

следовало объяснить, что мы не были знакомы с ним лично. Синтия Ли, его несостоявшаяся невеста, — моя школьная подруга. И пока длилось все это дело, она часто заходила ко мне в Лондоне, рассказывала подробности и рыдала. Мне часто плачутся в жилетку. — Джейн скривила рот. — Однако к самому делу я не имела никакого отношения, потому в суде ни разу не появлялась.

— Не сочтите мою просьбу неуместной, — проворчал доктор Фелл, внимательно глядя на нее, — но мне все же хотелось бы побольше услышать об отношениях Морелла и Синтии Ли. Поверьте, у меня есть на то причины.

Джейн поглядела с недоумением.

— А вам что-нибудь известно о том случае?

— Гм, да. Немного.

— Ну, он угрожал показать письма Синтии ее отцу, если она не выйдет за него, и тогда Синтия раздобыла револьвер и пыталась его убить. Она прострелила ему ногу.

— И?..

— Полиция не хотела заводить дело. Однако Морелл, этот мстительный мелкий бес, настаивал на своих правах, и им пришлось. Он хотел видеть, как Синтию потащат в тюрьму. Защита, разумеется, была сфабрикована. Мистер Морелл

от этого просто рассвирепел. Обвинение даже не смогло предъявить револьвер, из которого стреляла Синтия. Самое большее, что они сумели предъявить, — коробку с револьверными патронами подходящего калибра, и доказали, что нашли ее в доме Синтии. Конечно же, присяжные понимали, что аргументы защиты сфабрикованы, и все в суде понимали. Однако же они спокойно вынесли вердикт «невиновна». Отчего Морелл совсем взбесился.

Джейн скривила рот. Она почти сбросила с себя привычную сдержанность.

— В суде разыгралась безобразная сцена, когда огласили вердикт. Морелл сидел за столом своего адвоката. Он был не лишен театральных задатков, этот недоделанный Борджиа. Коробка с патронами, вещественное доказательство, стояла рядом с ним. Он вынул оттуда один патрон, показал его всем и прокричал: «Сохраню на память о том, что в Англии нет справедливости! Я добьюсь успеха в жизни, а когда добьюсь, это послужит мне напоминанием, чтобы я не забыл сказать вам всем, что я о вас думаю».

— Что потом?

— Судья, господин Уит, велел ему замолчать, или он будет привлечен за неуважение к суду.

Джейн чуть улыбнулась, хотя и невесело. Поглядев на кружку с пивом, она взяла ее и отхлебнула.

— Все благородно встали на защиту Синтии. Хотите, скажу вам то, что знают всего два-три человека на свете?

— Любой, — признал доктор Фелл, — будет счастлив получить подобную информацию.

— Вы когда-нибудь слышали о сэре Чарльзе Хоули?

— Который с тех пор, — подхватил доктор Фелл, — успел превратиться в господина судью Хоули?

— Да. Тогда он был знаменитый адвокат высшего ранга, защищал Синтию. А еще он был большим другом семьи Синтии, и это он умыкнул тот револьвер, о котором я говорила, желая доказать, что и он увяз в этом деле, как и остальные. Это факт! Он спрятал его у себя дома. Я много раз видела его, это «Ив-Гран» тридцать второго калибра, с маленьким крестиком, который нацарапан перочинным ножом прямо под барабаном. Боже, что-то я слишком разоткровенничалась!

Доктор Фелл покачал головой.

— Нет, — серьезно отозвался он, — я так не считаю. Вы некоторое время назад признали,

что кое-какие факты не всплыли в суде. Что это за факты?

Джейн замялась, но доктор Фелл так и сверлил ее взглядом.

— Ну… что Синтия подделывала подпись на чеках отца, чтобы выплачивать Мореллу ежемесячное содержание.

В ее голосе звучало такое откровенное презрение, что доктор Фелл решил копнуть глубже. Она подняла кружку и снова отхлебнула из нее.

— Я так понимаю, вы считаете подобное для женщины неприемлемым? — предположил доктор.

— Подобное? Ах нет. Нисколько. Я и сама могла бы так сделать. Но только, как вы понимаете, не ради Морелла. Не для такой твари, как Морелл.

— И все же, мисс Ли, должно быть, была от него без ума?

— Еще как, несчастная!

— А где она теперь, вы знаете?

Серые глаза затуманились.

— Как ни странно, она живет недалеко отсюда. В частной психиатрической лечебнице. Она не… — не подумайте! — просто нервы у нее всегда были слабые, и это дело ее здоровья не улучшило. Тони Морелл знал, что она неврастеничка, когда

стал крутить с ней роман. И этого ему тоже нельзя простить. Если бы я могла привезти ее сюда и показать Конни Айртон… вы понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю.

Поведя круглыми плечами, Джейн подняла кружку и выпила еще.

— И что же? — поторопила она доктора.

— Полагаю, вы перекладываете это дело на меня.

Джейн села прямо:

— Вы это серьезно?.. Но что вы сделаете?

— Откровенно говоря, пока еще не решил, — признался доктор, разводя руками и с чувством выговаривая слова. — Понимаете, я знаю Горация Айртона много лет, хотя не стану утверждать, будто мы с ним близкие друзья. С его дочерью я познакомился вчера. Вряд ли у нас в ближайшее время появится еще одна Синтия Ли, если все пойдет прахом, однако… Архонты Афин! Мне все это не нравится.

— И никому из друзей Конни не понравится.

— Кроме того, есть еще вы, мисс Икс, — произнес доктор Фелл, виновато краснея, — к которой я — хм! — испытываю немалую симпатию. Это мы тоже должны принимать в расчет. Только один

вопрос. — Его лицо стало серьезным. — Даете мне слово, что вся эта непубличная информация насчет Морелла — чистая правда?

Вместо ответа девушка опустила руку и взяла с пола рядом со своим креслом сумочку из коричневой кожи. Выудив оттуда золотой карандаш, она черкнула несколько слов в записной книжке, вырвала листок и протянула доктору Феллу.

— «Сэр Чарльз Хоули, — прочел он, — Лондон, Саут-Вест, 1, Кливленд-Роу, домовладения Вильерса, 18».

— Спросите сами, — просто посоветовала Джейн. — Если застанете его после ланча, он все вам расскажет. Не о револьвере, разумеется, об этом он никогда в жизни не проговорится. Только заклинаю, не упоминайте, что это я вас прислала.

На прикроватном столике в алькове просторной комнаты зазвонил телефон.

— Прошу прощения, — произнес доктор Фелл.

На каминной полке стояли богато украшенные часы в мраморном корпусе, и небольшой маятник покачивался из стороны в сторону под мерное тиканье. Стрелки показывали двадцать пять минут десятого.

Джейн Теннант не смотрела на часы. Пока док-

тор Фелл ковылял к надрывавшемуся телефону, она вынула из сумочки пудреницу и принялась изучать свое отражение в зеркале. Ее порывистое дыхание давно уже успокоилось, но она как будто все равно гневно спрашивала себя, верно ли поступила.

Она повертела головой из стороны в сторону, глядя в зеркальце. Потом скорчила гримаску. Джейн не пользовалась помадой, только немного пудры, цвет лица у нее был прекрасный, что украшало в целом довольно невыразительные черты. Вместо того чтобы добавить косметики, она вынула расческу и провела ею по густым, жестким каштановым волосам. В ее взгляде отражалась теперь неприкрытая горечь. Снизу, с променада, доносились смех и звуки шагов гуляющих.

— Алло? — прорычал доктор Фелл, который всегда очень невразумительно разговаривал по телефону. — Кто?.. Грэм… А! Как поживаете, инспектор?.. Вот так?

Его восклицание прозвучало настолько громогласно, что Джейн невольно обернулась.

Рот у доктора Фелла был полуоткрыт, отчего усы печально обвисли. Он уставился перед собой невидящим взглядом. Она слышала, как чей-то слабый голос бьется в трубке.

Джейн спросила одними губами: «Что случилось?»

Доктор Фелл прикрыл трубку рукой.

— Тони Морелл убит, — ответил он.

Можно было бы досчитать до десяти, пока Джейн Теннант сидела неподвижно, позабыв о зажатой в окоченевших пальцах пудренице. Затем она уронила ее обратно в сумочку, защелкнула замок и с кошачьей грацией вскочила на ноги. Если бы переживания были звуком, то комнату сейчас заполнил бы рокот прибоя. А так тикали лишь часы, и еще звучал голос доктора Фелла:

— Летний дом Айртона… Примерно час назад. — Его взгляд переместился на циферблат. — Фу ты черт, чушь какая!

Уши у Джейн Теннант болезненно ныли, пока она силилась разобрать, что говорит голос в трубке.

— Что сказал?.. Понял… Ого! Что за револьвер?.. Какого калибра?..

Пока доктор Фелл выслушивал ответ, глаза его широко раскрылись, а затем сощурились за стеклами пенсне на черной ленте. Казалось, у него зародилась смутная, невероятная идея, пока он, в свою очередь, глядел на Джейн Теннант.

— И что, это точно? — Он говорил нарочито

будничным тоном. — Полагаю, на револьвере нет никаких отметин?

Голос в трубке что-то долго отвечал.

— Понятно, — проворчал доктор. — Нет-нет, я вовсе не против оказать посильную помощь. До встречи.

Он положил трубку на место. Наклонив голову, отчего на воротник легло несколько подбородков, он обеими руками оперся на трость с загнутой рукоятью и минуту стоял, уставившись в пол и недоверчиво хлопая глазами.

Глава восьмая

В гостиной летнего дома судьи Айртона мистер Герман Эпплби в задумчивости созерцал эффект разорвавшейся бомбы, который произвели сказанные им слова.

— Но разумеется, — прибавил поверенный, — вы и сами все это знали? В смысле, знали, что мистер Морелл зажиточный человек, даже по меркам наших дней?

Эпплби поглядел на судью, который в ответ наклонил голову.

— Я знал, — согласился мистер Айртон.

Инспектор Грэм шумно выдохнул от облегчения.

— Если точнее, — поправился судья холодно и отчетливо, — именно так мистер Морелл сам описывал свое положение. Он пришел сюда сегодня вечером, чтобы доказать это и преподнести три тысячи фунтов в качестве свадебного подарка для невесты. Э… я забыл, говорил ли я вам уже об этом, инспектор?

Грэм кивнул.

— Говорили, сэр! — заверил он всех собрав-

шихся. — Разумеется, говорили! Теперь я припоминаю.

— Ага. Вы бы лучше это записали — на тот случай, если вы не уверены. Спасибо… Мистер Барлоу!

— Сэр?

— Моей дочери, по-видимому, нехорошо. Я бы предпочел не подвергать ее всем этим неприятным процедурам сверх необходимого. Вы не возражаете, инспектор? Мистер Барлоу, будьте так добры, проводите ее в соседнюю комнату, а потом, когда она придет в себя, отвезите ее домой.

Фред Барлоу протянул Констанции руку. Немного поколебавшись, та приняла ее.

Он был рад, что стоит к остальным спиной, потому что сейчас они проходили через самую опасную эмоциональную стадию. Источником потенциальной опасности была Констанция. Если она сейчас сорвется, в чем бы это ни выражалось, даже судья, при всей его заносчивой самоуверенности, не сможет и дальше плести свою ложь.

Констанция, чьи карие глаза покраснели и запали, а косметика на хорошеньком личике превратилась в клоунскую маску, раскрыла рот,

собираясь что-то сказать. Барлоу бросил на нее предостерегающий взгляд. Искра вспыхнула, едва не запалив бикфордов шнур, но погасла. Констанция оперлась на протянутую руку и с усилием поднялась с дивана. Барлоу приобнял ее за плечи, и они молча вышли из комнаты. Однако оставшиеся трое услышали, как она, оказавшись в коридоре, разразилась истерическими рыданиями.

Судья Айртон часто заморгал.

— Надеюсь, вы простите меня, джентльмены, — сказал он. — Все это расследование дается мне не так уж легко.

Инспектор Грэм кашлянул, а Эпплби чопорно поклонился.

— И тем не менее! От расследования нам никуда не деться, — продолжал судья. — Полагаю, мои предыдущие слова сможет подтвердить этот джентльмен. Вы, сэр. Мистер…

— Эпплби.

— Ах да, Эпплби. Могу я спросить, что сказал мистер Морелл, когда зашел к вам сегодня?

Эпплби призадумался. У инспектора Грэма сложилось впечатление (а инспектор был далеко не дурак), что под этой своей профессиональной маской поверенный сейчас хохочет. Грэм сам

не знал, откуда взялось такое впечатление. Ведь от кончиков своих жалких, но старательно причесанных волос до своей, вероятно, жалкой, но старательно причесанной морали, он был воплощенная корректность, этот поверенный.

— Сказал? Дайте подумать. Он сказал, что затеял одну игру с мистером судьей Айртоном…

— Игру? — резко перебил Грэм.

— …Суть которой обещал объяснить позже. Не могу знать, что это было. Я имел удовольствие много раз видеть вас в суде, сэр.

Брови судьи удивленно взлетели, но он лишь молча склонил голову в знак согласия.

— И еще одно! — прибавил Эпплби, задумавшись. — Он сделал весьма странное замечание, что вы сами определили конечную сумму свадебного подарка мисс Айртон. Он сказал, что пытался убедить вас не мелочиться, однако вы отказались.

— Так и есть. И что тут такого странного?

— Ну…

— Почему же это странно, мистер Эпплби? Кажется, три тысячи фунтов можно считать вполне щедрым подарком?

— Да я и не спорю. Я только… Ладно, оставим это! — Поверенный отмахнулся и рукой в перчат-

ке стряхнул с пальто несуществующую соринку.

— Больше он ничего не сказал?

— Ничего. А теперь могу я задать вопрос в интересах моего покойного клиента? Есть у вас соображения, кто его убил? Что именно здесь произошло? Мне кажется, я имею право это знать.

Инспектор Грэм внимательно поглядел на него:

— Ну, сэр, мы надеялись, вы сможете помочь нам с этим.

— Я? Каким образом?

— Но вы же были хорошо знакомы с убитым, и все такое. Вы ведь действительно, насколько я понимаю, знали его довольно близко?

— Да, в каком-то смысле.

— Он не был ограблен, — подчеркнул Грэм. — Это точно, если уж неточно все остальное. Не было ли у него, к примеру, врагов?

Эпплби замялся:

— Да, были. Я ничего не могу сказать вам о его личной жизни. Но у него имелась пара недоброжелателей в бизнесе. — Как ни удивительно, Эпплби, похоже, решил заострить внимание на этом моменте. Извинившись, он положил свой портфель и шляпу-котелок на шахматный столик и запустил руки в карманы пальто.

— Надо сказать, что в характере бедняги причудливо сплетались противоречивые черты, — продолжал он. — Он умел быть весьма щедрым. Достаточно взглянуть на эти деньги. Но если ему казалось, что кто-то отнесся к нему с пренебрежением, чем-то оскорбил его, он принимался вынашивать самые что ни на есть замысловатые, поистине макиавеллиевские планы, чтобы поквитаться. — Эпплби бросил взгляд на судью. — Вам, конечно же, такое знакомо, сэр.

— Почему это мне должно быть такое знакомо?

Эпплби рассмеялся:

— Не поймите меня неправильно. Ничего личного! В конце концов, подобный подарок для мисс Айртон вряд ли похож на оскорбление. — Он поглядел многозначительно. — Нет, я имею в виду, вы же понимаете подобный образ мысли, ведь у вас богатейший судебный опыт.

— Возможно.

— К тому же в делах он был напорист. А лет пять назад он пережил крайне неудачный роман…

— Вы имеете в виду случай, — прервал инспектор Грэм, — когда он пытался шантажировать молодую леди и она стреляла в него?

Эпплби, кажется, был ошеломлен. Но отвечал

мягко:

— В защиту молодого джентльмена тоже было что сказать, между прочим.

— Этого я не слышал, — отчеканил Грэм. — Вы же не думаете, что молодая леди до сих пор зла на него?

— Мне почти ничего не известно о том деле. Это уж по вашей части, инспектор.

— А что с этими враждебно настроенными конкурентами мистера Морелла?

— Вы должны простить мое нежелание на кого-либо доносить, — решительно проговорил Эпплби. — Если вы просмотрите его деловые бумаги, а вы, вероятно, просмотрите их, то найдете имена и факты, которые сможете толковать по своему усмотрению. Это все, что я могу вам сказать.

Грэм волновался все сильнее и сильнее, словно каждый новый участник этого дела, каждая новая ситуация превращались в очередного обмазанного жиром поросенка у него в руках, которого он никак не может удержать.

— Вам было известно, что он едет сюда сегодня вечером, сэр. Вы не знаете, говорил он об этом кому-нибудь еще?

— Не могу знать. Вполне возможно, что и гово-

рил. Мистер Морелл был не из скрытных, если только не задумывал какой-нибудь подвох.

— Прошу, напрягите память, сэр. Может, вам известно что-нибудь еще, что угодно, способное нам помочь?

Эпплби принял задумчивый вид:

— Нет, сомневаюсь. Когда он уходил из моей конторы, я сказал: «Если мы оба должны быть там вечером, почему бы сразу не поехать вместе? Давайте я подвезу вас на своем автомобиле». Он ответил: «Нет. Я хочу повидаться с мистером Айртоном до того, как появитесь вы. Я поеду поездом в шестнадцать ноль пять, и тогда в Тонише буду ровно в восемь. Может, даже встречу судью прямо в поезде. Он говорил, что собирается сегодня в Лондон». Это может быть вам полезно?

Грэм развернулся к судье:

— Вот как? Вы были сегодня в Лондоне, сэр?

— Да.

— Могу я узнать, чем вы там занимались?

Тень усталого раздражения пробежала по широкому гладкому лбу судьи Айртона.

— Обычно я бываю в Лондоне каждую субботу, инспектор.

— Да, сэр, но…

— Да будь оно неладно! Я сделал кое-какие

покупки и заглянул в свой клуб. Однако не имел удовольствия видеть мистера Морелла в поезде. Мой старый друг сэр Чарльз Хоули пригласил меня на ранний ланч. После чего я сел на поезд до Тониша в четырнадцать пятнадцать, а затем доехал до дома от станции на такси.

Глубоко вздохнув, Грэм снова сосредоточил внимание на поверенном Морелла:

— Всего одно уточнение, мистер Эпплби. Этот револьвер на столе, рядом с вашим портфелем, — вам когда-нибудь доводилось видеть его раньше? Да, можете взять в руки, если угодно.

Эпплби отнесся к этому вопросу со своей обычной дотошностью. Он взял оружие руками в перчатках, встал прямо под люстрой и повертел револьвер из стороны в сторону.

— Нет, не могу утверждать наверняка. Но ведь подобные штуковины похожи друг на друга. — Он присмотрелся. — Номер, как я вижу, спилен. Судя по всему, довольно давно.

— Да, сэр, — сухо подтвердил Грэм. — Мы тоже это заметили. Но могло оружие принадлежать мистеру Мореллу?

Эпплби как будто встревожился:

— Что за странная мысль! Конечно, я не знаю точно, но сомневаюсь. Он терпеть не мог огне-

стрельное оружие. Он…

— Стойте, сэр! — резко прервал его Грэм.

Стряпчий, темная оправа которого сверкала под люстрой на четыре рожка, вздрогнул и застыл, вздернув одно плечо выше другого. На его лице отразилось изумление, за которым крылась какая-то иная эмоция.

Но в тоне Грэма не было ничего угрожающего. Когда «Ив-Гран» 32-го калибра оказался на свету, взгляд Грэма упал на что-то, чего он не замечал раньше. Инспектор взял оружие из рук Эпплби и внимательно осмотрел. Сбоку, прямо под барабаном для патронов, кто-то нацарапал на стали маленький значок, похожий на крест: горизонтальная перекладина покороче, вертикальная — подлиннее.

— Похоже на распятие, — решил он. — Может нам пригодиться.

— Или, — безмятежно вставил судья Айртон, — не пригодиться.

Никто из них не увидел, как шевельнулась ручка двери, и не услышал, как щелкнул замок. Фред Барлоу, подслушивавший из коридора, тихонько отступил в сторону спальни.

Свет в коридоре не горел. Входная дверь стояла открытая. Барлоу видел, как снаружи, где небо

прояснилось и ночь мерцала крупными звездами, констебль Уимс вышагивает взад и вперед по выложенной плитками дорожке, ведущей к калитке.

В спальне судьи тоже было темно, потому что Констанция погасила свет. Габаритная, тяжелая мебель — принадлежавшая прежнему хозяину домика, мистеру Джонсону из Оттавы, — отбрасывала тени в звездном свете, лившемся в открытые окна. Барлоу различил белое пятно в том месте, где, сгорбившись в кресле-качалке у среднего окна, сидела Констанция. Констанция рыдала, точнее, раздраженно хлюпала носом — и сварливо буркнула, чтобы он уходил.

— Нет, не ходи никуда, — тут же поправилась она, раскачиваясь в кресле так, что оно заскрежетало. — Иди сюда. Я такая несчастная, что впору умереть!

Он в полумраке опустил руку ей на плечо:

— Знаю. Очень тебе сочувствую.

— Ничего ты не сочувствуешь, — огрызнулась Констанция, сбрасывая его руку. — Ты его презирал.

— Конни, я его видел всего раз в жизни.

— Ты его презирал! Сам знаешь, что презирал!

Где-то в глубине души Барлоу ощутил внезап-

ный укол, который больше всего походил на разочарование. Как бы то ни было, подумал он, но сейчас он не имеет права разочаровываться. Констанция за это время успела дважды испытать мучительную боль, дважды доводившую ее до противоположных крайностей.

И тем не менее его снова охватило чувство, которое преследовало и ставило его в тупик на протяжении нескольких лет: как будто он обнаружил, ощутил нехватку чего-то, понял, что жизнь его недостаточно полна. Фредерик Барлоу был не из тех, кто любит покопаться в себе. За исключением одного черного пятна, недавнего случая, тяжким грузом лежавшего на душе, о котором он запрещал себе думать, он принимал мир таким, какой он есть. И все же…

— Ладно, — произнес Барлоу. — Я его презирал. Тебе будет лучше без него, Конни.

— Да он стоил двоих таких, как ты!

— Вполне возможно. Допускаю. Я просто говорю, что тебе будет лучше без него.

Настроение Констанции изменилось.

— Он был такой невозможный дурак! — воскликнула она, заставляя кресло-качалку яростно скрипеть. — Почему он не мог сказать, что у него есть деньги? Почему мы не могли просто прийти

к папе и прямо так и сказать? Зачем он заставил папу — и меня! — думать, что он… Фред?

— Да?

— Как ты считаешь, это папа его убил?

— Тсс!

Три французских окна, такие же как в гостиной, были завешены белым тюлем, который едва ли мог заменить полноценные шторы, а лишь превращал звездный свет в путаницу теней.

Прижавшись лицом к занавеске, Барлоу видел, как констебль Уимс по-прежнему расхаживает по дорожке, и слышал негромкий скрип его ботинок. Констанция заговорила испуганным шепотом:

— Но они ведь нас не услышат?

— Не услышат, если ты не будешь кричать.

— Так что? Думаешь, это сделал папа?

— Послушай, Конни. Ты доверяешь мне?

Ее глаза широко распахнулись в полумраке.

— Конечно, — ответила она.

— В таком случае неужели ты не понимаешь, — он говорил тихо, но отчетливо, — благодаря одной только силе характера старика, его поистине нечеловеческой уверенности, что все сказанное им принимается другими за чистую монету, его еще не арестовали? Не понимаешь?

— Я…

— Он загипнотизировал этого констебля. Он почти загипнотизировал Грэма. До сих пор, слава богу, ему немного везло. Я имею в виду новость об этом неведомом богатстве Морелла. Ты ведь видела, как он моментально ухватился за идею и выжал из нее все возможное. Не могу не восхититься тем, как он скользит по тонкому льду, даже глазом не моргнув. Он может сказать теперь Грэму: «Я человек небогатый, живу не по средствам. Разве с моей стороны разумно застрелить человека, честно просившего руки моей дочери, который мог бы дать ей все, чего бы она только ни пожелала?»

Взгляд Констанции снова затуманился, и она принялась раскачиваться в кресле с истерическим неистовством.

— Мне жаль. Как же мне жаль! Однако ты должна понять это и держать себя в руках, чтобы помочь ему подтвердить все, что он скажет.

— Так, значит, ты думаешь, это сделал папа!

— Я думаю, его могут арестовать. Заметь, я говорю «могут». Как только они начнут проверять его слова насчет того, как он в кухне открывал банку со спаржей, когда Морелла застрелили в передней комнате, вполне вероятно, начнутся неприятности. Разве ты не видишь изъянов в

этой версии? — Его голос звучал угрюмо. — Нет, похоже, не видишь.

— Я ведь не такая у-умная, как некоторые.

— Давай не будем ссориться, Конни.

— Уйди! Ты тоже его бросаешь.

— Вовсе нет, — возразил Барлоу с большей горячностью, чем собирался. Он опустил колено на край кресла-качалки, остановив его движение. Взялся руками за подлокотники и склонился над Констанцией. Под этими равнодушными звездами он почувствовал, что обязан объяснить, как ощущает себя затерянный в пространстве атом.

— Послушай меня. Мы с твоим отцом всегда толковали свод законов совершенно по-разному. Он великий человек. Он научил меня тому, что я и не надеялся когда-либо узнать. Однако он не смог научить меня презирать побитого, сломленного, побежденного человека, неспособного сражаться дальше, потому что ему не хватает образования, неспособного объясниться, потому что ему не хватает слов. Как Липиат. Помнишь лицо Липиата, когда ему объявили приговор?

Он ощутил, как все ее тело окаменело, и услышал, как тикают ее наручные часы.

— Конни, я ненавижу чванство судейских. Ненавижу их равнодушные глаза. Ненавижу их

заявления вроде: «Мотивы этого человека не имеют значения. Он украл, потому что был голоден, или убил, потому что был доведен до предела, следовательно, будет признан виновным». Я хочу выигрывать в честной борьбе, чтобы сказать: «Мотивы этого человека имеют значение. Он украл, потому что был голоден, или убил, потому что был доведен до предела, следовательно, во имя Господа, будет свободен».

— Фред Барлоу, — сказала Констанция, — что за бред ты несешь?

Он убрал колено с кресла-качалки и распрямился. Ее прямодушное здравомыслие было подобно ушату холодной воды и всегда заставляло его стыдиться себя. Как правило, он хорошо держал себя в руках. Но сейчас ночь насмешничала над ним.

— Прости, — произнес он будничным тоном и рассмеялся. — Из-за случившегося все мы немного на взводе. Просто захотелось высказаться, вот и все.

— Но что ты имел в виду?

— Я имел в виду, что хочу помочь твоему отцу. Боюсь только, что он не примет ничьей помощи, а это, поверь мне, Конни, плохо.

— Почему?

— Потому что он считает, что неспособен на

ошибку.

На дороге за окном появились пятна света, и к калитке летнего домика подъехала машина. Разглядев ее очертания на фоне неба, Барлоу догадался, что это, должно быть, фотограф и криминалист из Эксетера. Он всмотрелся в светящийся циферблат часов на руке Констанции и отметил про себя, что уже почти двадцать пять минут десятого.

— От тебя требуется, моя дорогая, — это ведь понятно? — крепко держать себя в руках и подтверждать его версию, что вы знали о состоянии Морелла. В этом твоя работа, и постарайся сделать ее как следует, или ты не дочь своего отца. А теперь слушай, я объясню тебе, что еще ты должна сказать.

Пока он наставлял ее, говоря уверенно и убеждаясь, что она все поняла, кресло-качалка скрипело, раскачиваясь взад-вперед. Но когда она заговорила сама, ее умоляющий голосок прозвучал едва слышно и болезненно:

— Ты так и не ответил на мой вопрос, Фред. Ты считаешь, это сделал папа?

— Откровенно говоря, я не могу пока решить.

Кресло снова заскрипело.

— Фред!

— Да?
— Я знаю, что это сделал папа.

Глава девятая

Когда он уставился на нее в полутьме, она так и кивала бездумно головой, словно китайский болванчик.

— Ты же не хочешь сказать, что видела…

— Да, — подтвердила Констанция.

Он жестом велел ей молчать. За окном вновь прибывшие, перебросившись парой слов с констеблем Уимсом, затопали по плиткам дорожки. Барлоу ощупью пересек комнату и открыл дверь в коридор. Он видел на другой стороне свет из гостиной, дверь которой была приоткрыта. Оттуда доносился гулкий голос инспектора Грэма:

— В таком случае нет нужды задерживать вас и дальше, мистер Эпплби. Можете возвращаться в Лондон, оставьте только свой адрес.

Неразборчивое бормотанье.

— Нет! В последний раз объясняю: вы не можете забрать банкноты! Признаю, это крупная сумма, признаю, она принадлежит мистеру Мореллу, однако же это вещественное доказательство, и я намереваюсь приобщить его к делу. Будьте спокойны, мы позаботимся о сохранности денег.

Доброй ночи, сэр!.. А, парни, приступайте!

Эпплби, нахлобучивая на ходу котелок, с угрюмым видом протиснулся между двумя мужчинами в мундирах, которые прибыли только что.

— Первым делом проверьте, есть ли отпечатки на телефоне, — распорядился Грэм. — Как только сделаете, я хочу позвонить одному другу в «Эспланаде». — Его голос зазвучал иначе, словно он развернулся кругом. — Вы ведь согласны, что это хорошая идея — позвонить доктору Феллу?

— Если желаете, — согласился голос судьи. — Хотя он очень плохо играет в шахматы.

У Барлоу по спине побежали мурашки, словно в предчувствии катастрофы, когда он уловил знакомые нотки в голосе судьи Айртона. Эти нотки выражали презрение.

Он закрыл дверь и вернулся к Констанции.

— Расскажи мне, — попросил он вполголоса.

— Там нечего рассказывать. Я видела, как Тони приехал сюда.

— Ты хочешь сказать, что встретилась с ним?

— Да нет же. Я видела его.

— Когда это было?

— Примерно в двадцать пять минут девятого.

— Как это было?

— Ну, Тони шел по дороге, жевал резинку и

бормотал себе под нос, явно страшно разозленный чем-то. Я стояла так близко, что могла бы коснуться его, но он меня так и не заметил.

— Где же ты в таком случае находилась?

— Я… я присела на корточки за забором перед домом.

— Какого лешего?

— Чтобы Тони меня не заметил. — В голосе Констанции смешивались гнев, попытка защититься и страх. — Понимаешь, машина, которую я взяла, заглохла у залива Подкова, на другой стороне Тониша, недалеко от твоего дома. На самом деле, там бензин закончился.

— И?..

— И я подумала зайти к тебе и попросить меня подвезти. Но мне не хотелось, чтобы ты что-то знал об этом деле и о моих переживаниях. Поэтому я пошла дальше по дороге пешком. Когда была уже почти у калитки, я услышала, как подходит Тони. Там недалеко фонарь, и я отчетливо видела его. Мне не хотелось, чтобы он заметил меня. Я решила: пусть зайдет в дом, к папе… для моральной поддержки, прежде чем я скажу ему все, что о нем думаю. Ты ведь понимаешь, правда?

— Наверное, да. Продолжай.

Ее тонкий голосок задрожал:

— Тони открыл калитку и вошел, двинулся наискось через лужайку к французским окнам гостиной. Открыл одно и вошел. Ну почему ты так морщишься?

— Потому что пока все подтверждает рассказ твоего отца. Хорошо!

Констанция обхватила себя руками, словно ей стало холодно.

— Если подумать… да, подтверждает, разве нет?

— Продолжай; что было дальше?

— Не знаю. Знаю только, что кто-то включил свет.

— Разве свет уже не горел?

— Только маленькая настольная лампа под металлическим абажуром. А люстра до того момента не была включена. Мне все еще не хотелось туда входить. Поэтому я перешла дорогу и спустилась к берегу, села недалеко от дороги на краю пляжа — я была такая несчастная. Я так и сидела там, когда услышала — ну, знаешь — хлопок. Я догадалась, что' это. Не такая уж я дурочка, как ты думаешь.

— Что ты сделала потом?

— Я посидела еще, наверное, пару минут, напуганная до смерти. Потом кое-как поднялась

на берег с полными туфлями песка и побежала к дому.

Барлоу попытался упорядочить мысли.

— Подожди секунду, — попросил он. — Пока ты находилась там, внизу, на другой стороне дороги, ты разве видела дом?

— Нет. Конечно не видела.

— В таком случае кто-нибудь мог войти следом за Мореллом и застрелить его, а потом выйти так, что ты не заметила?

— Да, наверное, мог.

— Отлично, какое… Впрочем, продолжай!

— Фред, я прокралась по лужайке и быстро заглянула в окно. Тони лежал на полу — в точности так, как ты видел. Папа сидел в том самом кресле с револьвером в руке, как ты видел своими глазами несколько минут назад. Только он был напуган гораздо, гораздо сильнее, чем в тот момент, когда ты пришел с полицейским. Вот и все.

Повисло долгое молчание.

Барлоу порылся в карманах просторной спортивной куртки, отыскивая сигареты со спичками. Выудил одну и закурил. Пламя спички отразилось в оконных стеклах, осветило его зеленые внимательные, полные недоумения глаза, тонкие морщинки, прорезанные вокруг, и складки

у рта. На мгновение из тьмы вынырнуло лицо Констанции со вздернутым подбородком. Затем спичка потухла.

— Послушай меня, Конни, — мягко заговорил он. — Я все-таки не понимаю.

— Не понимаешь чего?

— Минуточку. После того как ты услышала выстрел, сколько времени прошло до того, как ты заглянула в окно?

— О, ну неужели ты всерьез думаешь, что я могу сказать точное время? Мне показалось, минуты две. Может быть, меньше.

— Хорошо. После того как ты заглянула в окно и увидела их, что ты сделала?

— Я не знала, что мне делать. Я вернулась к калитке и осталась там. Затем я не выдержала и расплакалась, словно маленькая девочка. Я так и стояла, когда появился тот полицейский.

Барлоу кивнул, глубоко затянувшись сигаретой. Одна фраза из ее повествования, особенно выделявшаяся своей бесхитростностью, вдруг вспомнилась ему очень отчетливо: «Только он был напуган гораздо, гораздо сильнее, чем в тот момент, когда ты пришел с полицейским». Невиновный, ставший жертвой обстоятельств? Однако Фред Барлоу по-прежнему чего-то не по-

нимал — и сказал об этом.

— Разве ты не видишь, — подчеркнул он, — что каждое сказанное тобой слово прямо-таки подтверждает версию твоего отца?

— Ну…

— Он клянется, что не впускал Морелла в дом. Подтверждено. Он клянется, что, подняв револьвер, просто сел в кресло и уставился на него. Подтверждено.

— Д-да.

— Да. В таком случае почему ты говоришь «знаю», что он застрелил Морелла? Почему ты так в этом уверена? Если я правильно помню, как только ты впервые заговорила с отцом сегодня вечером, в твоих словах звучала уверенность, что это сделал он. Почему?

Ответа не последовало.

— Конни, посмотри на меня. Ты видела что-то через окно, о чем не рассказала мне?

— Нет!

— Ты совершенно уверена?

— Фредди Барлоу, я не собираюсь сидеть здесь как на допросе, словно ты мне не веришь. И я тебя не боюсь, кстати. Ты сейчас не в суде. То, что я говорю, правда. Если ты не це-нишь то, что я стараюсь сделать, можешь катиться отсюда и… и

заниматься любовью с Джейн Теннант.

— Господи, Джейн Теннант-то здесь каким боком?

— Хотелось бы знать.

— Что?

— Ничего.

— Мы говорили о твоем отце. Не понимаю, почему ты все время тычешь мне в лицо Джейн Теннант.

— Она совершенно помешана на тебе. Но ты, конечно же, этого не замечаешь?

— Нет. Я повторю: мы говорили о твоем отце. Конни, эта твоя история правдива, так?

— До последнего слова.

— Ничего не забыла?

— Ничего не забыла, так что помоги мне.

Тлеющий кончик сигареты пульсировал, разгораясь и темнея.

— В таком случае инспектор Грэм должен услышать твои показания. Это будет не полное подтверждение, возможно, оно вызовет некоторое недоверие, поскольку исходит от тебя, но, если это правда, настаивай на своем — и тогда сумеешь помочь. Но мне хотелось бы уточнить…

— Слушай! — торопливо перебила Констанция, вскинув руку.

Перегородки в летнем домике были тонкие. С другой стороны коридора до них постоянно доносилось невнятное бормотание. А теперь кто-то звучно выругался, после чего последовали громкие восклицания. Не требовалось обладать острым умом, чтобы догадаться: полиция только что сделала какое-то поразительное открытие. Сигарета у Барлоу выпала, и он затоптал ее.

Барлоу поспешил к двери. Он даже не потрудился скрыть свое присутствие, поскольку никто и так не обратил на него внимания. Дверь гостиной была широко распахнута, и потому он смог рассмотреть картину во всех подробностях.

Тело Тони Морелла лежало примерно на том же месте: два-три фута от письменного стола и параллельно ему. Однако, сделав несколько фотографий под разными углами, фотограф перекатил тело. Телефон успели вернуть обратно на стол, трубка лежала на месте. Опрокинутое кресло рядом с письменным столом поставили и отодвинули в сторонку. Грэм, Уимс и еще двое полицейских стояли на пятачке пола между телом Морелла и столом, оживленно что-то обсуждая.

На диване у противоположной стены устроился судья Айртон, покуривая сигару.

Заговорил один из экспертов из Эксетера.

— Я родился и вырос в этих местах, — заявил он. — Я их знаю как свои пять пальцев. И я говорю вам как на духу: никогда раньше не видел ничего подобного.

Инспектор Грэм, пошедший особенно яркими земляничными пятнами, не соглашался:

— Я все равно не понимаю. Что здесь такого? Это же песок.

— Ага! Только какой песок? Об этом-то я и толкую. Что за песок?

— Да всего-то нужно, — вмешался Уимс с весьма важным видом, — прогуляться по этой дороге вдоль берега, и песка надует. Он будет у вас на пиджаке и в карманах, в отворотах брюк — если на вас брюки. Я имею в виду, если на вас обычные штатские брюки, а не форменные. Вот и этому парню надуло. Смотрите.

— Глупости, Альберт, — возразил эксперт из Эксетера, явно большой любитель детективных фильмов. — Отметь хотя бы, сколько его здесь. Одной этой кучки хватит, чтобы заполнить емкость на две унции.

Инспектор Грэм отступил, чтобы поглядеть со стороны, словно художник, оценивающий перспективу, и теперь ничто не заслоняло вид Фреду Барлоу.

На ковре, на пятачке, до того скрытом мертвым телом, лежала небольшая кучка песка. Пока тело не сплюснуло ее, она, вероятно, имела форму пирамидки, но теперь была не только сплюснута, но и рассыпана по полу. Отдельные песчинки и пятна разбежались по ковру на небольшом участке. Немного песка прилипло к влажным лацканам двубортного серого костюма Морелла. И песок этот был отчетливо виден из-за своего цвета — рыжеватого.

— Рыжий! — гнул свое эксперт. — А я могу поклясться, что весь песок в округе, до самой последней песчинки, белый. Белый, как кость.

Грэм проворчал что-то невнятное.

— Это правда, — признал констебль Уимс.

— Так вот, — продолжал эксперт, — либо этот парень сам принес сюда откуда-то горсть песку и высыпал на пол. Либо его убийца высыпал песок на пол, а потом бросил сверху покойника.

Грэм напустился на него.

— Не мели ерунды, — сурово отчеканил инспектор. — И не забывай, кто здесь старший по званию.

— Ладно! Я был обязан сообщить вам, вот и все. Больше в этой комнате песка нигде нет, поскольку мы с Томом обшарили все углы и закоулки.

— Но с чего бы кому-то сыпать на пол песок?

На другой стороне комнаты судья Айртон вынул изо рта сигару и выпустил колечко дыма. Сейчас на его лице не было никакой маски — он понятия не имел, что кто-то наблюдает за ним со стороны, и Барлоу мог бы поклясться, что судья озадачен не меньше полицейских.

— Я вас спрашиваю, — с нажимом произнес Грэм, — с чего бы кому-то сыпать на пол песок?

— Не могу знать… сэр, — усмехнулся его мучитель. — Это уж ваша работа. Возьмите себе пинту в «Перьях» и поразмыслите как следует. А мы с Томом хотим по домам. Нужно что-нибудь еще?

Инспектор засомневался.

— Нет. Пришлите мне утром фотографии. Стойте! Что там у нас по отпечаткам?

— Отпечатки покойника на телефоне и трубке. Так. Несколько отпечатков, смазанных, на краю письменного стола и подлокотниках кресла. Остальные отпечатки принадлежат старикану… — Он резко осекся и втянул голову в плечи.

— Ничего страшного, — заверил его судья Айртон. — Я не возражаю, чтобы меня называли стариканом. Прошу, продолжайте…

— Благодарю вас, сэр. Только его отпечатки — старые, по всему дому. Его же отпечатки на

пушке: рукоять, бока, барабан. И еще ваши, инспектор. Больше ничего, хотя имеются и смазанные отпечатки, как будто кто-то брал оружие руками в перчатках.

— Эпплби, — кивнул Грэм. — Ладно. Можете отправляться по домам. И в следующий раз чтобы без шуточек.

Барлоу дождался, пока эта далекая от раскаяния парочка экспертов уйдет вместе с провожавшим их Уимсом. Затем он вошел в гостиную. Грэм поглядел на него без всякого интереса, а вот судья Айртон внезапно гневно отчеканил:

— Мне казалось, я велел вам отвезти Констанцию домой.

— Боюсь, она пока еще не готова ехать. Я зашел за бренди для нее, если не возражаете.

На мгновение замявшись, хозяин отрывисто кивнул в сторону серванта. Барлоу подошел, пробежался взглядом по ряду бутылок и выбрал отличный арманьяк. Уж это точно ее подкрепит. Пока Барлоу наливал напиток в бокал, инспектор Грэм, мрачно задумавшись, прохаживался вокруг мертвого тела. Он взял с вращающегося кресла довольно грязную на вид подушку и хлопнул по ней — на пол высыпалась еще одна кучка красного песка.

— Песок! — вспылил Грэм, швыряя подушку обратно. — Песок! Можете вы мне что-нибудь сказать по этому поводу, сэр?

— Нет, — отозвался судья Айртон.

— Может, эта дрянь уже была в доме, просто вы не знали об этом?

— Не было.

Грэм не собирался сдаваться так просто:

— Вы понимаете, о чем я толкую. Кто-то принес сюда песок. Либо мистер Морелл, либо… кто-то другой. В какой момент, вспомните, песка здесь еще не было? К примеру, когда вы заходили в эту комнату в последний раз, перед тем как услышали выстрел?

Судья Айртон вздохнул:

— Я ждал, что вы зададите этот вопрос, инспектор. Я просидел здесь до двадцати минут девятого, потом пошел в кухню приготовить ужин. Тогда песка здесь еще не было.

— Двадцать минут девятого. — Грэм записал это в блокнот. — Обычно вы сами готовите, когда у миссис Дрю выходной?

— Нет. Терпеть не могу возиться со всеми этими кастрюлями и сковородками. Чаще всего, как я, кажется, уже сообщал вам, я провожу субботы в столице. А сюда приезжаю поздно, ужинаю в та-

ком случае в поезде и дома просто ложусь спать. Однако сегодня, ожидая посетителя…

— Значит, в этой комнате никого не было минут десять, между двадцатью минутами и половиной девятого?

— Прошу прощения, не могу сказать, как долго здесь никого не было. Я могу лишь сказать, что мистер Морелл был здесь, мертвый, когда я вернулся.

— Вы тогда заметили песок, сэр?

— Нет, конечно. А вы разве заметили, пока не перевернули тело?

Грэм стиснул зубы.

— Ладно, что-нибудь еще на тот момент изменилось? Изменилось хоть что-нибудь в комнате по сравнению с тем, что вы запомнили, уходя в кухню?

Судья Айртон дважды пыхнул сигарой.

— Да. Верхний свет горел.

— Свет?

— Это слово должно быть вам знакомо. Свет. Люстра у вас над головой. Когда я выходил из комнаты, была включена только настольная лампа.

Фред Барлоу, очевидно до сих пор старательно изучавший бренди в бокале, развернулся от серванта.

— Мне кажется, вам стоит выслушать показания мисс Айртон, инспектор, — предложил он.

— Мисс Айртон? Какие у нее показания?

— Мистер Барлоу, — произнес судья, и кровь так прилила к его лицу, что гладкие щеки пошли пятнами, — окажите мне услугу, не вмешивайтесь. Моя дочь не имеет к этому делу никакого отношения.

— Согласен, сэр. Но у нее есть что сказать, и, мне кажется, это поможет вам.

— У вас сложилось впечатление, что я нуждаюсь в помощи, мистер Барлоу?

«Опасность! Внимание! Ты сейчас сболтнул лишнее!»

Рука с сигарой у судьи задрожала. Переложив сигару в левую руку, он снова вынул очки из нагрудного кармана и принялся покачивать ими. Вечер и так уже изрядно затянулся. А Барлоу опасался, что им предстоит терпеть чисто детские капризы, случавшиеся редко, однако являвшие обратную сторону бесстрастной натуры Горация Айртона.

— Я не желаю, чтобы мою дочь вмешивали в это дело, — заявил он.

— Уж извините, — веско вставил Грэм, — но тут мне судить; вынужден напомнить, что решения

здесь принимаю я.

— Я не желаю, чтобы мою дочь допрашивали!

— А я говорю: если мисс Айртон есть что мне рассказать, ее долг — прийти сюда и рассказать.

— Вы на этом настаиваете?

— Да, сэр, настаиваю.

Глаза судьи широко раскрылись.

— Осторожнее, инспектор.

— Я еще как осторожен, сэр! Мистер Барлоу, вы не могли бы…

Во что бы ни вылилась эта перепалка, она вряд ли сделала бы честь кому-нибудь из них, однако в этот момент их прервали. Послышался скрип тормозов, короткая гневная тирада, а вслед за тем из коридора пришел констебль Уимс.

— Инспектор, доктор Фелл приехал, — доложил он. — Тот джентльмен, которому вы звонили.

Грэм взял себя в руки, выкатив грудь под синим мундиром.

На его лице застыла механическая улыбка, вероятно означавшая, что все будет хорошо, если ему дадут хотя бы полсекунды подумать.

— И с ним молодая леди, — продолжал Уимс, — молодая леди, которая привезла его сюда. Она тоже хочет зайти, если вы не возражаете, сэр. Ее фамилия Теннант, мисс Джейн Теннант.

Глава десятая

Нависшая на короткий миг опасность отступила и рассеялась.

— Инспектор, — произнес судья Айртон, — я прошу прощения. Это было крайне глупо с моей стороны. У вас, разумеется, имеются все права допрашивать всех, чьи показания представляются вам полезными. Очень прошу меня простить, я забылся.

— Все в порядке, сэр! — заверил его Грэм, облегченно выдыхая и заметно оживляясь. — Подозреваю, я и сам несколько погорячился. Без обид. — В его взгляде на Уимса читалась угроза. — Теннант? Теннант? Кто это?

— Это подруга мисс Айртон, — ответил вместо констебля Барлоу. — Живет в Тонтоне.

Грэм не сводил взгляда с Уимса.

— Вот как? И чего она хочет? В смысле, у нее имеются какие-то сведения для нас или ее визит сюда, скажем, просто дружеский?

— Она не сказала, инспектор.

Грэм окончательно сокрушил несчастного констебля взглядом и развернулся к Барлоу:

— Вы знакомы с ней лично, сэр?

— Да, и довольно хорошо.

— В таком случае окажите мне услугу, ладно? Выйдите ей навстречу. Узнайте, чего она хочет. Если ей есть что рассказать нам, приведите ее сюда. Если нет… ну, сами понимаете. Как можно тактичнее сплавьте ее отсюда. Мы не можем допустить, чтобы в такое время посторонние болтались по дому. А вы, Берт, пригласите сюда доктора Фелла.

Прихватив с собой бренди, Барлоу поспешил в спальню. Он застал Констанцию рядом с креслом-качалкой, словно она только что отскочила от двери, под которой подслушивала.

— Как ты себя чувствуешь? Готова?

— Да, если это необходимо.

— Тогда выпей пока. Нет, не цеди, пей залпом. Прибыл великий доктор Фелл, он во всем разберется. Потребуется некоторое время, чтобы завести его в дом, а потом усадить, что весьма кстати. Мне придется оставить тебя на минутку, но я вернусь, чтобы тебя поддержать.

— Куда ты идешь?

— Вернусь через минуту!

Он отодвинул щеколду на среднем окне и выскользнул наружу.

Уимс, вышагивая важно, словно папский легат, был уже рядом с калиткой. Барлоу дождался, пока затихнет гул голосов. Несколько мучительных сиплых вдохов и стук сообщили ему, что доктор Фелл выбрался из автомобиля и опустил ногу на землю.

Фред подождал в сторонке, пока доктор Фелл, в пелерине и пасторской шляпе, шагал вслед за Уимсом по дорожке. Затем он распахнул калитку. Большой двухместный «кадиллак» с работающим мотором стоял на другой стороне дороги. Его передние фары освещали полоску земли, клочковатую траву и песок. С моря дул сильный, но мягкий ветер. Когда он всколыхнул Фреду Барлоу волосы и охладил веки, молодой человек подумал: «Я чертовски устал».

— Привет, Джейн.

— Привет, Фред.

Эти двое всегда держались бодро и весело в обществе друг друга. Кажется, это был лейтмотив их знакомства. Сейчас же оба вели себя сдержаннее обычного.

— Констебль сообщил, — заметила Джейн, — что «со мной будет говорить мистер Барлоу». Все в порядке, я на самом деле и не хочу заходить. Если только это чем-то поможет Конни.

— Значит, ты уже слышала, что случилось?

— Да, инспектор в общих чертах обрисовал все доктору Феллу по телефону.

Барлоу облокотился на дверцу машины и просунул голову внутрь. Джейн сидела за рулем, и их разделяло красное кожаное сиденье. Она повернула голову, и свет приборной доски осветил сбоку ее лицо. В салоне машины было тепло. Он ощутил работу двигателя, опустив локти на дверцу.

Сводило икроножные мышцы, это свидетельствовало о переутомлении. Конец выездной сессии. Пять трудных дел. Четыре выигранных и одно проигранное — дело Липиата.

«Отсюда вы будете доставлены туда, откуда прибыли, а оттуда — к месту казни, и будете повешены за шею, пока не умрете. И да смилуется Господь над вашей душой».

Он отогнал от себя это воспоминание. Он был рад видеть Джейн Теннант. Причем не в обычном формальном смысле, заключенном в этой фразе; напротив, на него накатила живая, теплая волна удовольствия.

Джейн была необыкновенной. Боже, и еще какой! Одно ее спокойствие было как бальзам на душу. Он отметил про себя изящные кисти рук на

рулевом колесе, барабанившие по нему пальцы, ногти без лака. Отметил, как глядят на него серые, широко расставленные глаза.

— Насколько все плохо? — Тон был настороженный. — Доктор Фелл считает, что судья может… иметь отношение. Более чем может.

— О, все не настолько плохо. Не возражаешь, если я немного посижу рядом?

Джейн ответила не сразу.

— Садись, пожалуйста, — сказала она.

Он заметил ее сомнение. Оно немного приглушило его удовольствие. Джейн всегда была такой. Не сказать чтобы она избегала его или выказывала что-нибудь иное, кроме исключительного дружелюбия. Однако все равно всегда возникало ощущение, будто она отодвигается от него, оставляя между ними свободное пространство — и фигурально, и буквально. Если они (к примеру) пили вместе чай и на диване хватало места для двоих, она обязательно проходила дальше и садилась в кресло. Он размышлял об этой особенности, удивляясь, как же плохо, должно быть, Констанция Айртон разбирается в людях.

— Места здесь полно, — заметила она. — Хватило даже для доктора Фелла, а, видит Бог, это убедительное доказательство. — Она нервно

рассмеялась, но тут же одернула себя. — Я всегда считала, что внутри этих американских машин довольно просторно, вот только никак не могу привыкнуть к их левому рулю. Они…

Он откинулся на спинку красного кожаного сиденья.

— Джейн, — произнес он, — можешь нам помочь?

— Помочь тебе?

— Дать свидетельские показания.

Она долго молчала. И даже, отметил он, не заглушила мотор. Его ровное гудение развеивало ощущение одиночества и отстраненности, сомкнувшееся вокруг этого автомобиля. Никогда раньше он так явственно не сознавал физического присутствия Джейн.

— Я хочу, чтобы все было по справедливости, Фред, — произнесла она в итоге. — Я действительно кое-что знаю о нем. То дело, пять лет назад…

— Да. — У него разболелась голова. — Все это правда, не так ли? Если это то дело, о котором я читал, я помню подробности. Так это правда? Это тот самый Морелл?

— Другому взяться неоткуда. И все равно я не в силах этого понять! Доктор Фелл говорит, — во всяком случае, со слов мистера Грэма, — что Мо-

релл вовсе не полунищий сам знаешь кто. Грэм говорит, он зажиточный человек с процветающим бизнесом. Не может это быть его брат или еще какой-нибудь родственник?

— Нет, это тот же самый человек.

— Но ты понимаешь, как такое могло получиться?

— Да, думаю, понимаю. — Он уставился на приборную доску. — Это латинская логика в действии, ничего более. Морелл, или Морелли, решил, что у него имеется полное право монетизировать свое обаяние, перед которым женщины не в силах устоять. Это не нечистоплотность, а логика. Затем он испытал потрясение. Общество приперло его к стенке и выставило дураком на открытом суде. И он принял решение: он применит ту же логику и будет так же упорно трудиться на другом поприще. Все тут сходится. Можно проследить за каждым его шагом.

— Как же хорошо, — заметила Джейн не без доли иронии, — как хорошо ты судишь людей!

Он уловил эту иронию, и она рассердила его.

— Благодарю. Но шутки в сторону: он не стал лучше, потому что сделался процветающим дельцом. Знаешь, Джейн, я его ненавижу даже после смерти.

— Бедняга Фред.

— Почему это я «бедняга Фред»?

— Просто фигура речи. Я тебе сочувствую, если хочешь. Больше я под этим ничего не подразумевала.

— Джейн, чем я тебя так оскорбил?

— Ты ничем меня не оскорблял. Можно мне сигарету?

Он покопался в кармане и вытащил пачку. Она сидела, прислонившись к противоположной дверце, опираясь на нее рукой, и ее грудь бурно вздымалась и опадала.

Он протянул ей сигарету, придвинулся ближе, чтобы поднести огонь, и чиркнул спичкой. Свет приборной панели теперь заливал все ее лицо, и они посмотрели друг другу прямо в глаза. Он держал спичку, пока она не сгорела наполовину. Тогда он задул ее и вынул сигарету у Джейн изо рта. Увидел, как ее веки начали смыкаться.

Звонкий голос проговорил:

— Я очень надеюсь, что ничему не помешала. — И на подножку встала Констанция Айртон.

Последовала пауза.

— Он обещал вернуться, — продолжила Констанция, — чтобы поддержать меня. А я не могла понять, что же его задержало.

Фред Барлоу не глядел на Джейн. Он ощутил, как поток вины, вскипая, захлестывает его. Джейн тоже на него не смотрела. Она сняла ногу с педали сцепления, а другой ногой нажала на газ, заставив мотор взреветь, и этот рык распорол тишину, перекрывая шум моря.

— Я должна вернуться домой, — произнесла Джейн, возвышая голос. — А то какая же я хозяйка, раз бросила гостей одних. Правда… я слышала о том, что произошло, Конни. Мне ужасно жаль.

— Не сомневаюсь, — согласилась Констанция. Она выждала пару секунд. — Ты не против, дорогая, если я немного припозднюсь с возвращением в Тонтон? Меня желает видеть полиция.

— Нет, конечно. А ты сама доберешься?

— Да. Я взяла твой «бентли».

— Я знаю, — отозвалась Джейн, переключаясь на нижнюю передачу. — Там под задним сиденьем запасная канистра с бензином. Доброй ночи.

— Доброй ночи, дорогая. Фред, тебя ждут в доме.

Главный злодей этой пьесы выбрался из автомобиля. Все снова попрощались, и машина отъехала. Констанция с Фредом подождали, пока красные габаритные огни скроются дальше по

дороге в стороне залива Подкова, после чего он открыл калитку. Не было сказано ни слова, пока они не подошли почти к самому дому.

— Ну так что, — произнесла Констанция, — ты не собираешься объясниться?

(Нет! Будь он проклят, если станет!)

— По какому поводу?

— Знаешь, я думала, что могу на тебя положиться.

— Ты прекрасно знаешь, что можешь на меня положиться, Конни.

— Что вы там делали вдвоем?

Ему хотелось ответить: «Ничего. Ты не оставила нам такой возможности». Но, вспомнив, сколько ей пришлось пережить за этот вечер, он взял себя в руки и просто ответил:

— Ничего.

— Подозреваю, ты завтра вечером придешь на ее купальную вечеринку?

— Что еще за купальная вечеринка?

— В отеле «Эспланада». Ужин, танцы, выпивка, а потом позднее купанье в большом крытом бассейне. Только не говори, что она тебя не пригласила! Она очень даже недурно выглядит в купальнике.

Барлоу резко остановился.

Он увидел сквозь воздушные тюлевые занавески на окнах, как в гостиной доктор Фелл склонился над телом Морелла. Констебль Уимс, стоя тут же на коленях, вынимал содержимое карманов покойника. Грэм наблюдал за ним. Как и судья Айртон, который дымил коротким остатком сигары.

— Посмотри туда, — сказал Барлоу. — Не иду я ни на какую купальную вечеринку. И ты тоже. И, упаси господи, твой старик. И тому есть причины. Ради бога, хватит уже болтать о Джейн Теннант и… — Он перевел дух. — Кроме того, какая тебе разница? Я же тебе не интересен.

— Нет. Не в этом смысле. Просто я привыкла, что ты всегда под рукой, Фред. Я привыкла зависеть от тебя. И не могу от этого отказаться. Не могу! Особенно сейчас. — В ее голосе зазвенели истерические нотки. — Все это, между прочим, по-настоящему ужасно. Ты ведь не бросишь меня, правда?

— Ладно.

— Обещаешь?

— Обещаю. А теперь иди туда, но не попадайся никому на глаза, пока они не позовут.

Но лицо Джейн Теннант так и всплывало перед его мысленным взором, когда он отправил Кон-

станцию по коридору, а сам вошел в гостиную через одно из французских окон. Инспектор Грэм как раз закончил терпеливо перечислять улики.

— И все это, доктор, вещественные доказательства, которые мы должны учесть. Не хотите ли высказать свое мнение — неофициально?

Пелерина и пасторская шляпа доктора Фелла покоились на диване рядом с судьей Айртоном. Сам доктор Фелл медленно развернулся вокруг своей трости, словно лайнер, входящий в гавань, и поочередно оглядел все части комнаты. На его лице была написана рассеянность и едва ли не тупость. Лента пенсне вяло болталась. Однако Барлоу, который много раз выслушивал свидетельства доктора в суде, не обманул его внешний вид.

— Больше всего меня беспокоит этот красный песок, сэр, — признался Грэм.

— О, вот как? Почему же?

— Почему? — изумился инспектор. — Что он тут делает? Что это значит? Откуда он взялся? Готов побиться об заклад, вы не сможете найти ни одного приемлемого объяснения, с чего бы кому-то держать в доме унцию песку.

— И проспорите свой заклад, — заметил доктор Фелл. — Как насчет песочных часов?

Наступила тишина.

Судья Айртон устало сомкнул веки.

— Как и герой из «Панча», — отчеканил он, — я считаю, что гораздо удобнее носить наручные часы. Нет здесь никаких песочных.

— Вы уверены? — переспросил доктор Фелл. — Многие хозяйки используют их — они же, по сути, отсчитывают только минуты — для варки яиц. И обычно в таких часах красноватый песок: во-первых, он очень мелкий, во-вторых, его лучше видно. Как насчет той женщины, которая ведет ваше хозяйство?

Инспектор Грэм присвистнул:

— Очень может быть! Если покопаться в памяти, я и сам видел такие штуки. Думаете, это они?

— Не имею ни малейшего понятия, — признался доктор Фелл. — Я просто заметил, что вы проспорите, если поставите на то, чему никто не сможет найти объяснения. — Он задумался. — Кроме того, этот песок светлее, чем обычно в песочных часах. В моей дырявой голове смутно вертится какое-то название. Озеро Как-Бишь-Там. Озеро… Нет, забыл. — Его широкое лицо разгладилось. — Но если вы спросите, что больше всего беспокоит меня, инспектор, я бы ответил: телефон.

— Телефон? А что с ним?

Пока судья Айртон наблюдал, доктор Фелл подошел к телефону и заморгал, уставившись на него. Прошло какое-то время, прежде чем он ответил.

— Вы отметили, что со стороны микрофона отколот кусочек, а еще по всей трубке сбоку тянется трещина. Причины?

— Телефон упал на пол.

— Да. Это понятно. И ковер здесь не очень толстый. — Он попробовал ковер ногой. — И все равно я сильно сомневаюсь. Мне самому доводилось сбивать со стола телефон. На самом деле, чрезмерно жестикулируя в приступе красноречия, я даже пару раз отправлял это гнусное изобретение в полет. Но ни разу мне даже близко не удалось нанести ему такие повреждения, какие получил этот аппарат.

— Но он все равно их получил.

— Да, получил. Давайте-ка посмотрим.

Перешагнув через тело Морелла, он прислонил свою трость к письменному столу, поднял телефонный аппарат и принялся неловко откручивать микрофон. Тот поддался с трудом, вытянув за собой провода.

Доктор Фелл поднес его к свету, всматриваясь

в отверстия на внутренней стороне, и даже понюхал. Нахмурился. Но, когда он взялся за саму трубку, нежные внутренности которой были выставлены теперь, со снятым микрофоном, напоказ, он не удержался от удивленного восклицания.

— Треснута, — показал он. — Вся часть со стороны микрофона треснута. Это совершенно точно позволяет нам выдвинуть предположение. Неудивительно, что последние слова, которые слышала девушка на коммутаторе, показались ей бессмысленными и невнятными.

— Я знал, что он не работает, — признался Грэм. — Когда я попытался позвонить вам в гостиницу, этот аппарат так трещал, что пришлось взять отводную трубку в кухне. Но как это поможет расследованию, даже если телефон разбит?

Доктор Фелл не слушал его. Он поставил телефон на место после безуспешной попытки прикрутить микрофон. Он выглядел еще более озабоченным и встревоженным.

— Нет, нет, нет! — бормотал он, как будто скептически и не обращаясь ни к кому в частности. — Нет, нет, нет!

Инспектор Грэм с судьей Айртоном обменялись сердитыми взглядами. Последний взглянул на

наручные часы.

— А время-то, — произнес он, — позднее.

— Так и есть, сэр, — согласился Грэм. — А мы до сих пор даже не выслушали мисс Айртон. Берт, вы все вынули из карманов Морелла?

— Все здесь, инспектор, — ответил констебль Уимс, который успел выложить все предметы аккуратным рядком на ковре.

— И что там?

— Прежде всего три пачки банкнот…

— Да-да, их мы уже видели! Что еще?

— Бумажник, в нем четыре фунта с мелочью и несколько визитных карточек. Девять и одиннадцать пенсов монетками. Связка ключей. Записная книжка. Карандаш и перьевая ручка. Карманная расческа. Пачка жевательной резинки «Сладости Тони», не хватает пары пластинок. Это все.

Доктор Фелл хотя и слушал, но не выказал интереса. Он поднял подушку с вращающегося кресла и уставился на нее, часто моргая. Пока Уимс бубнил, он подошел к шахматному столику и взял с него револьвер. Поднеся его к свету, чтобы рассмотреть крохотный крест, нацарапанный на стали под барабаном, он бросил взгляд на судью Айртона.

Судья заговорил только тогда, когда он положил оружие обратно.

— Вы все равно плохо играете в шахматы, — заявил он.

— Вот как? Неужели это написано у меня на лбу?

— Да.

— И что же вы там читаете?

— Что вы все равно плохо играете в шахматы.

— А что-нибудь еще?

Судья Айртон задумался, поджав губы.

— Да, наверное, кое-что еще. Дорогой Фелл, до этой минуты я совершенно не сознавал, насколько вы меня недолюбливаете.

— Я? Недолюбливаю вас?

Судья Айртон нетерпеливо отмахнулся:

— Ну, может быть, не меня лично!

— В таком случае я отважусь спросить, какого черта вы имеете в виду?

— Я имею в виду мои принципы. Они задевают вашу сентиментальную душу. Я не стал бы оскорблять ваш интеллект упоминанием чувств, дружеских или нет. Вряд ли в мире найдется что-нибудь менее ценное, чем взаимоотношения, основанные на одних лишь чувствах.

Доктор Фелл внимательно смотрел на него:

— Вы действительно в это верите?

— У меня нет привычки говорить то, во что я не верю.

— Хм, ладно. Если переходить на личности…

— О да, я понимаю. У меня есть дочь. Я ее обожаю, поскольку я всего лишь живой человек. Природа такова, что я ничего не могу с этим поделать, как и с тем, что у меня две руки и две ноги. Но даже такому чувству, — его маленькие глазки распахнулись, — даже такому чувству положен предел. Вы следите за ходом моей мысли?

Доктор Фелл вздохнул.

— Да, — сказал он. — Мне показалось, вы излагаете свое кредо. Но теперь я вижу, что мы всего лишь играем в шахматы.

Судья Айртон не удостоил его ответом.

В просторной комнате с тошнотворными обоями в голубой цветочек было тихо, если не считать шуршания ручки Грэма, описывавшего содержимое карманов Морелла.

Доктор Фелл рассеянно выдвинул ящик шахматного столика. Обнаружив в коробке со сдвижной крышкой шахматные фигуры, он принялся все в той же рассеянности перебирать их. Он выставил короля, слона и коня. Взял пешку и повертел ее в руках. Подбросил, затем поймал,

хлопнув по ладони. Подбросил еще раз. Подбросил в третий раз. Вдруг он выронил фигуру и, словно захваченный каким-то воспоминанием, сделал очень глубокий вдох.

— О боже! — выдохнул он. — О Бахус! О, моя старая шляпа!

Инспектор Грэм развернулся от письменного стола.

— Приведите мисс Айртон, Берт, — велел он.

Представ перед трибуналом, Констанция выступила блистательно. Ее отец смотрел в пол, словно не желая расстраивать ее, однако его уши, похоже, ловили каждое слово.

Она рассказала, как увидела Морелла входящим через французское окно в двадцать пять минут девятого. Она рассказала, как сразу после того включился верхний свет. Она рассказала, как сидела на берегу и глядела на море, когда услышала выстрел. Она рассказала, как после того побежала к дому и заглянула в окно.

Затем они подошли к той части, где Барлоу натаскивал ее во лжи, и Барлоу затаил дыхание.

— Я понял, мисс, — произнес инспектор Грэм, охваченный подозрениями, однако явно впечатленный. — Только мне все равно неясен один момент. Зачем вы приехали сюда сегодня?

— Увидеться с папой.

— Вы не знали, что к нему должен приехать мистер Морелл?

Ее глаза расширились.

— О нет! Понимаете, Тони сегодня утром уехал в Лондон. Я ожидала его уже поздно вечером в Тонтоне, если бы он вообще успел вернуться.

— Я вот что имею в виду, — нахмурился Грэм. — Вы позаимствовали машину. Она сломалась. Вы пошли к дому пешком, увидели, как мистер Морелл идет по дороге. Почему же вы не окликнули его, не догнали его?

Констанция скромно потупилась.

— Ну, я… как только я его увидела, я догадалась, для чего он, должно быть, приехал. Они с папой собирались встретиться, чтобы говорить обо мне. Возможно, о свадебном подарке Тони, который папа назвал весьма щедрым. Я не хотела присутствовать при разговоре, чтобы не смущать их, а заодно себя. Поэтому я подумала: подожду немного, а потом зайду невзначай, как будто бы я ничего не знала.

Судья Айртон так и смотрел в пол. Фред Барлоу ощутил, как потеплело на сердце от профессионального удовлетворения. А инспектор Грэм кивнул.

— Да, мисс, — произнес он после некоторой внутренней борьбы, — это действительно звучит весьма разумно, вынужден признать.

Спустя двадцать минут все закончилось. Местный судмедэксперт, задерганный врач общей практики, согласившийся на эту работу в дополнение к своей основной, вихрем ворвался, когда Констанция договорила. Он объяснил свое опоздание тем, что принимал трудные роды. Он заявил, что Морелл умер в результате проникающего ранения мелкокалиберной пулей, убившей его мгновенно. Пообещав извлечь пулю первым делом с утра, доктор Эрли помахал всем шляпой и спешно удалился.

Тело Морелла забрали. Фред Барлоу повез Констанцию в Тонтон. Судья Айртон сказал, что вовсе не возражает провести ночь здесь, и эту, и любую другую. В половине двенадцатого, когда все западные графства крепко спали, доктор Фелл с инспектором Грэмом и сами отправились в Тониш.

Когда инспектор высадил доктора Фелла на крыльце отеля «Эспланада», тот заговорил, наверное, первый раз за весь последний час.

— Один финальный вопрос, — произнес он, цепляясь за руку Грэма. — Вы действительно

тщательно осмотрели гостиную?

— Еще бы, сэр!

— Все, до последней щели?

— Все, до последней щели.

— И не нашли, — не отступал доктор Фелл, — ничего, кроме того, что нам уже известно?

— Совершенно верно, доктор. Однако, — многозначительно прибавил Грэм, — утром я позвоню вам, если не возражаете. Мне бы хотелось немного с вами поболтать. Идет?

Доктор Фелл согласился. Однако же он был недоволен. Забираясь по ступенькам отеля, где фонари были уже погашены, а на весь богато украшенный фасад наброшена вуаль звездного света, он резко стучал по камню металлическим наконечником своей трости. Несколько раз он с упрямой решимостью покачал головой.

— Нет, нет, нет! — не переставая бормотал он, как и в самом начале этого вечера. — Нет, нет, нет!

Глава одиннадцатая

Это было вечером в субботу, 28 апреля. В воскресенье утром, уже после полудня, инспектор Грэм сумел добраться до доктора Фелла.

Для многих прошедшая ночь была полна сновидений.

Инспектор Грэм еще раз прочел свои записи, выкурил трубочку на ночь, после чего крепко заснул.

Герман Эпплби, стряпчий, — который провел ночь в весьма неожиданном для всех месте — отправился в постель похвально рано, после того как завел часы и положил вставную челюсть в стакан с водой.

Фреду Барлоу снилась Джейн Теннант, его не покидала мысль, которую заронила Конни Айртон. Его подсознание двигалось в том направлении, куда стремилось изначально.

В большом белом доме на окраине Тонтона сама Джейн Теннант металась в беспокойном сне, ворочаясь с боку на бок.

Констанция Айртон заснула, только приняв пару таблеток люминала, которые достала из

медицинского шкафчика в ванной. Возвращаясь к себе, она остановилась у двери Джейн. Прислушалась к доносившемуся изнутри бормотанью. Затем открыла дверь. Осторожно присела на стул у кровати и снова прислушалась. После чего проскользнула к себе в комнату и задремала, погрузившись в сонм фантазий.

Недалеко от этого места, в частной психиатрической лечебнице, девушка по имени Синтия Ли лежала и смотрела широко раскрытыми глазами в потолок.

Судья Айртон в черной шелковой пижаме сидел в постели и читал Фрэнсиса Бэкона. Отточенные сентенции доставляли ему наслаждение. Заметив, что отведенная для чтения четверть часа прошла, он выключил свет, заснул, и ничего ему не снилось вовсе.

Последним погасил свою лампу доктор Фелл. Пока часы звучно тикали в ночи, он сидел за столом у себя в гостиничном номере, куря черную трубку, которую то и дело набивал табаком, отдававшим запахом металлической мочалки, предназначенной для чистки кухонных раковин. Комната была полна едкого дыма, и свет начал разливаться над морем, когда он распахнул окно, прежде чем лечь.

Так что уже перевалило за полдень, когда пронзительная трель телефона у кровати разбудила его.

Он протянул к трубке руку.

— Доброе утро, сэр, — строго произнес голос инспектора Грэма. — Я уже звонил, но мне сказали, вы велели никому не беспокоить вас раньше полудня.

— И сейчас вы собираетесь, — просипел доктор Фелл, заходясь в приступе утреннего кашля, — процитировать мне Наполеона. Шесть часов сна для мужчины, семь для женщины, и восемь — для дурака. К черту Наполеона! Я должен выспаться.

Инспектор Грэм вовсе не собирался цитировать Наполеона.

— Пуля, убившая Морелла, — сообщил он, — была выпущена из этого револьвера. Капитан Экли говорит, тут никаких сомнений.

— А разве вы сомневались на этот счет?

— Нет, но вы же знаете правила. Следующее: мы отследили передвижения мистера Морелла. Восьмичасовой поезд из Лондона вчера вечером опоздал на семь минут. Примерно в восемь десять или чуть позже Морелл, и это подтверждено, был уже на дороге у моря. Свидетель особенно хорошо его запомнил, потому что он снимал обертку с

пластинки жвачки, а потом впился в нее зубами, как голодная гиена. Получается, между этим моментом и двадцатью пятью минутами девятого у него остается чуть меньше пятнадцати минут, чтобы пройти остаток пути, что соответствует действительности.

— И что же?

— Нам необходимо связаться с единственным в Англии родственником мистера Морелла. С его братом. Луиджи Морелли. Старшим официантом в лондонском отеле «Айсис».

— Как вы о нем узнали?

— От мистера Эпплби. Вчера вечером. Так что же, когда можно к вам зайти и поговорить о текущем деле?

— Приходите прямо сюда на ланч, — предложил доктор Фелл, — примерно через час.

Грэм ответил почтительно, хотя и с некоторым недоумением:

— Премного вам обязан, сэр. Но вы ведь еще не завтракали, как я понимаю?

— Так я прямо сейчас позавтракаю, — просто пояснил доктор Фелл, — а ланч еще только через час. В общем, эта проблема решается просто. До встречи!

Он положил трубку, нашел и насадил на нос

свое пенсне, а потом откинулся на гору подушек, чтобы поразмыслить. Вскоре он снова взялся за телефон. После долгого и местами колкого обмена репликами с коммутатором он добился, чтобы его соединили с коттеджем Фреда Барлоу в заливе Подкова.

Барлоу, хотя и удивился, с готовностью принял приглашение доктора на ланч примерно через час.

— Я подумывал поехать в Тонтон, — сказал он. — Но если это что-то важное…

— Очень важное, — пророкотал доктор Фелл.

— Вас понял. Большое спасибо.

Утро стояло прекрасное, теплое, словно в середине мая. Обманчивое тепло. В приятно обставленной гостиной своего коттеджа Фред Барлоу побарабанил пальцами по телефону и в свою очередь погрузился в размышления.

Он должен был бы хорошо выспаться, однако отдохнувшим не выглядел. Беспокойство и тревога переполняли Фреда Барлоу. Судья Айртон этого не одобрил бы.

Солнце струило тепло в окна, освещая корешки старых книг, пару весел, которые Барлоу принес, чтобы починить, и в целом уютный беспорядок. Он сменил галстук и принялся неспешно читать

«Санди таймс», чтобы скоротать время. Затем он выгнал за ворота машину, которую не стал оставлять у обочины — это напоминало ему о происшествии и о бесформенной фигуре на земле, — после чего медленно поехал в Тониш, даже не притормозив у летнего дома судьи.

Отель «Эспланада» казался заброшенным. Просторный холл был безлюдным и пустынным, если не считать двух человек.

Одним был Герман Эпплби, надраенный до блеска по случаю воскресенья, — он сидел в широком кресле, просматривая газету.

Тут же находилась Джейн Теннант.

Сначала он увидел Джейн и сделал шаг в ее сторону. Но стряпчий опередил его: поднявшись с ленцой, он отбросил газету и двинулся ему навстречу с любезной улыбкой:

— Мистер Барлоу, не так ли?

— Да. Мистер Эпплби? Что вы здесь делаете?

— Мне показалось вчера, что уже нет смысла возвращаться в Лондон. И если я найду парикмахерскую, открытую в воскресенье с утра, — Эпплби потер небритую щеку, наглядно поясняя, что имеет в виду, — я снова буду вполне счастлив. Отличное утро для прогулки, не правда ли?

— Прекрасное. Я полагаю…

— Вы, случайно, не знаете, — спросил Эпплби, понижая голос и сдвигая брови к переносице, — судья Айртон ночевал у себя в летнем доме? Или, может быть, в каком-нибудь более подходящем месте?

— Он до сих пор у себя, насколько я знаю. Однако обычно в это время суток он сильно не в духе.

— Ага! Ну, все мы бываем не в духе время от времени, — отозвался Эпплби. — Благодарю вас.

Он направился обратно к креслу, чтобы забрать свой котелок. Стряхнув с него пылинки, он отсалютовал им Фреду на прощанье и протиснулся во вращающиеся двери. После некоторого колебания Фред подошел к Джейн. Она повторила его слова.

— Что, — спросила она, — ты здесь делаешь?

— Доктор Фелл пригласил меня на ланч. А ты?

— Доктор Фелл пригласил и меня тоже…

Оба помолчали.

Никогда Фред Барлоу не сознавал так остро, что выглядит не лучшим образом. Он не был небрит, однако чувствовал себя небритым. С другой стороны, он никогда прежде не замечал, как неподдельно хорошо и даже блистательно выглядит Джейн Теннант. Она была в голубом платье с белой отделкой у ворота и на манжетах.

— Я ему говорила, что у меня полный дом гостей и я, вероятно не смогу прийти. — Она коротко рассмеялась. — Но он просто не принимает «нет» в качестве ответа. Впрочем, вся эта публика едва ли вообще заметит, дома я или нет. Кроме того, у меня имеется предлог.

— Предлог?

— Чтобы поехать сюда. Сегодня вечером я устраиваю здесь купальную вечеринку. В «Эспланаде». И я сказала, что должна поговорить с управляющим. — Она с сомнением умолкла. — На самом деле я хотела отменить вечеринку из-за Конни. Но все остальные подняли из-за этого такой шум, что я так и не решилась.

— Как там Конни?

— Чувствует себя отвратительно. Она принялась было собирать вещи, чтобы вернуться в Лондон. Но я сказала, что там, в доме ее отца, не будет ни души, а здесь она хотя бы в кругу друзей, которые о ней позаботятся. Кажется, мне удалось ее убедить.

— Это платье так тебе идет, Джейн.

— А, старый проверенный метод. Стоит лишь надеть голубое, и любой мужчина скажет: как ты прекрасно выглядишь!

— Нет, я серьезно! Оно…

— Благодарю вас, сэр. Сегодняшняя вечеринка в узком кругу. Совершенно неформальная. Ужин, танцы, коктейли у бассейна. Сомневаюсь, что ты захочешь прийти, верно? Или же все-таки… сделаешь одолжение?

Он терпеть не мог танцы, зато был очень хорошим пловцом.

— Приду с удовольствием, — ответил он, — если ты простишь мне небольшое опоздание.

— Охотно! Приходи когда угодно. Можешь прихватить свой купальный костюм или взять в отеле. Компания… компания состоит в основном из любителей искусства, тебе они не понравятся, но если ты все же не заскучаешь…

— Боже! Это я-то заскучаю! — внезапно перебил он, но тут же взял себя в руки.

— Тогда договорились. Может, пойдем наверх? Доктор Фелл велел подниматься. Я знаю номер его комнаты.

Перед его мысленным взором возник образ Констанции Айртон, когда он пошел вслед за Джейн к лифту.

— Не думал, — произнес он, стараясь отделаться от видения сменой темы, — что ты настолько хорошо знакома с доктором Феллом.

— О, мы старинные приятели. — Она быстро

нажала кнопку лифта. — Я не знала, что вы с ним друзья.

— Мы вовсе не друзья. До вчерашнего вечера я встречал его все пару раз и слышал, как он дает показания в суде. — Новые сомнения, обостренные новыми подозрениями, ввинтились в разум Фреда Барлоу. — Он достойнейший человек на свете, но с академической точки зрения он ходячий кошмар. Он способен рассечь волосок шестнадцатью разными способами, и у него в запасе останутся еще. Если он тебе симпатизирует, то угождает чем только может. Но разумеется, ты и сама это знаешь. Просто мне интересно, что он припрятал в рукаве на сегодня.

Что доктор Фелл припрятал в рукаве, стало ясно далеко не сразу.

Он пригласил их войти, одна сплошная сияющая улыбка, словно у Духа нынешнего Рождества, только в блестящем черном костюме из шерсти альпаки и галстуке-ленточке. На небольшом балконе за залитыми солнцем окнами с видом на променад был накрыт для ланча стол на четыре персоны.

— Сегодня мы едим, — пояснил доктор Фелл, — на балконе. Обожаю есть на балконах или, на самом деле, в любом другом месте. Однако в этом

имеется особенный источник удовольствия — как мог бы выразиться судья Айртон — сидеть, словно бог, над проходящей под тобой толпой, размышляя (буде придет такая фантазия), как засуетятся внизу, если ловко метнуть хлебные шарики или применить сифон с содовой. Полагаю, с этим джентльменом вы знакомы?

За спиной доктора Фред Барлоу с тревогой заметил зловещую фигуру инспектора Грэма.

— Я встречался с мистером Барлоу, — произнес Грэм, который, отдавая долг гостеприимству, снял форменную фуражку, выставив напоказ розовую лысину. — Но вот удовольствия знать юную леди не имею.

— Инспектор Грэм, мисс Теннант. Давайте уже войдем и приступим?

Доктор определенно что-то задумал.

На протяжении всей трапезы Грэм держался учтиво, но без воодушевления. Казалось, у него есть что-то на уме, и он предпочел бы, чтобы здесь не было других гостей. Кроме того, он так неудачно сел спиной к кованым перилам балкона, что солнце припекало ему лысую голову.

Казалось, этот ланч под тяжелым взглядом инспектора был обречен на провал. Но на самом деле они подкрепились очень даже хорошо. Вы-

пили доброго кларета, и довольно много, хотя Грэм предпочел бы горькое пиво. Но то, что ланч не пошел прахом, было полностью заслугой доктора Фелла, который рассказывал байки, пока даже Грэм вдруг не откинулся на спинку стула и не захохотал. После очередной истории доктор с ангельским видом поднимал брови, якобы изумляясь, что его гости находят в ней что-то забавное, после чего приступал к следующей.

И все равно даже в разгар ланча что-то не давало покоя Фреду Барлоу. Он чувствовал, что на самом деле стоило бы махнуть на все рукой и веселиться, но…

Опять то черное пятно? Или присутствие Джейн Теннант? Джейн, как он заметил, была чем-то озабочена. А позади них лежало темно-серое море, подернутое пурпурной дымкой, и домики с острыми крышами стояли вдоль береговой линии — раскрашенные, словно в мультфильмах Уолта Диснея.

Подали кофе и бренди. На столе лежали три сигары и пачка сигарет. Наклонившись через стол, чтобы дать Джейн прикурить, Фред вспомнил прошлый вечер. А доктор Фелл приступил к предмету обсуждения с плавностью и деликатностью кучи кирпичей, летящих в окно.

— Сегодняшняя встреча, — объявил он, барабаня по столу, — наконец пойдет в правильном русле. Протокол зачитан и утвержден. Ваш председатель предполагает, что заседание откроет инспектор Грэм, рассказав нам, почему он считает, что господин судья Айртон виновен или невиновен в убийстве.

Глава двенадцатая

На лице инспектора Грэма был написано: «Я так и знал!» Он бросил на стол свою салфетку. Однако доктор Фелл предостерегающе поднял руку.

— Минуточку! — потребовал он, сдувая щеки. — Я ставлю вопрос так откровенно, потому что наша проблема отличается от обычной. Жизненно важный вопрос — для нас — другой. Жизненно важный вопрос звучит не: «Кто мог совершить это убийство?» Жизненно важный вопрос звучит: «Совершил ли его судья Айртон?»

Что касается возможных и потенциальных убийц, их тут полным-полно. Я могу с лету назвать двух-трех подозреваемых. Могу даже состряпать против них дело. Однако все это отметает в сторону более конкретный, волнующий и мучительный личный вопрос: «Он или не он?»

Мучителен он в своей простоте. Уж не слетел ли этот нагоняющий страх на подсудимых джентльмен с катушек, чего, как он всегда считал, с ним произойти не может? Или же он просто стал жертвой тех самых «косвенных улик», которые, по его личному убеждению, не в силах погубить

невиновного? Вот в чем суть.

Доктор Фелл раскурил сигару.

— Исходя из этого, — продолжил он, — я подумал: было бы полезно устроить дискуссию. Ну, скажем, мистер Барлоу будет выступать как адвокат ответчика…

Барлоу прервал его.

— Я не могу этого сделать, — проговорил он резко. — И не стал бы, если возможно этого избежать. Предполагается, что судье требуется защитник? Или же его положение сейчас или в ближайшем будущем столь шатко? Чепуха!

— Хм. Ладно. Спросим инспектора Грэма, что думает он.

Земляничные пятна на лице Грэма сделались особенно яркими. Он заговорил убедительно и с чувством собственного достоинства.

— И я скажу, сэр, что тоже не могу это обсуждать. Я имею в виду — публично. Вы должны бы понимать. Я пришел сюда в уверенности…

— Что мы с вами пошепчемся приватно? Так?

— Можно и так сказать. Я уверен, мистер Барлоу понимает мое положение. — Грэм улыбнулся. — И я уверен, что молодая леди тоже, — прибавил он с тяжеловесной галантностью. — Я обязан исполнять свой долг. Я не могу налево и направо

высказывать свои подозрения, даже если они у меня имеются.

Доктор Фелл вздохнул.

— Верно, — произнес он. — Приношу свои извинения. В таком случае, может быть, вы не станете возражать, если выскажусь я?

Грэм поглядел на него невозмутимо, но с затаенным ожиданием на лице:

— Так ведь я никак не могу этому помешать, верно?

Мысль, вспыхнувшая в сознании Фреда Барлоу, сводилась примерно к следующему: «Я недооценивал Грэма. Он считает старика виновным. А это, между прочим, болезненный удар».

— Чтобы обосновать свою позицию, — продолжал доктор Фелл, — нам придется пользоваться только теми доказательствами, которые могут быть приняты в суде. Мотив у нас сомнителен. Вообще никуда не годится. Вы можете заявить, если пожелаете: допустим, Гораций Айртон не знал, что Морелл богатый владелец легального бизнеса, и считал его всего лишь нищим вымогателем. Допустим, он убил Морелла, чтобы предотвратить женитьбу.

Вы можете это предположить, только ваше предположение ни к чему не приведет. Вы не

сумеете доказать, что он этого не знал. Нельзя доказать, что человек чего-то не знал, если тот будет клятвенно заверять, что знал. Если я заявлю, что знаю об открытии Колумбом Америки в тысяча четыреста девяносто втором году, а меня никогда прежде не спрашивали об этом, вы не сможете доказать, что я понятия не имел об этом факте вплоть до вчерашнего дня. Вы можете заключить это по моим речам. Однако доказать не докажете.

И потому давайте взглянем на конкретные факты, касающиеся убийства, благодаря которым мы хоть что-то сможем доказать. Что же это за факты? Вечером двадцать восьмого апреля, в половине девятого, Энтони Морелл был застрелен в гостиной летнего домика судьи Айртона. Оружие, из которого совершено убийство, револьвер тридцать второго калибра марки «Ив-Гран»…

Вмешался Фред Барлоу.

— А кстати, это точно установлено? — быстро спросил он.

Инспектор Грэм ответил с заминкой:

— Да, сэр. Я не разглашу никакой важной информации, если скажу, что это установлено.

— Револьвер «Ив-Гран» тридцать второго калибра, — продолжал доктор Фелл, — един-

ственным отличительным признаком которого является небольшой крест, нацарапанный на стали под барабаном.

Именно в этот момент Джейн Теннант опрокинула свой кофе.

Чашечка была маленькая, неустойчиво качавшаяся на блюдечке. Всем нам доводилось так сделать, неосторожно взмахнув рукой. Кофе в чашке оставалось на донышке, поэтому никакой катастрофы не произошло. Джейн никак это не прокомментировала, и остальные тоже не обратили внимания. Однако Фред, всегда чувствительный к психологической атмосфере, ощутил исходившую от Джейн волну эмоций, не поддававшихся определению.

Она неотрывно глядела на доктора Фелла серыми задумчивыми глазами. На щеках разгорелся слабый румянец. Доктор Фелл на нее не смотрел.

— Получается, проследить, откуда взялся этот револьвер, трудно. Очень трудно проследить. — Он помолчал, сипло дыша. — Следующий момент: где находились разные люди, когда это случилось? Судья Айртон был в кухне. Морелл — в гостиной, у телефона. Констанция Айртон сидела внизу на пляже, и поднимающийся берег заслонял от нее дом, к которому она все равно

сидела спиной. Мистер Барлоу…

Он снова выдержал паузу, на этот раз умолкнув резко, и пальцами зачесал назад копну тронутых сединою волос.

— Минуточку! Где находился мистер Барлоу? — Он поглядел на Фреда. — Сэр, в этом вопросе нет никакого зловещего подтекста. Просто я как-то до сих пор не слышал.

— Кстати, — неожиданно согласился инспектор Грэм и после очередного раунда внутренней борьбы развил тему: — На самом деле жаль портить такой обед разговорами о делах. Однако я тут кое-что вспомнил. Мистер Барлоу, Берт Уимс сообщил, что, когда он вчера вечером ехал к дому судьи на велосипеде, он встретил вас.

— Так и есть.

— По его словам, ваша машина стояла на обочине встречной полосы дороги, прямо перед переулком Влюбленных. Он говорит, вы остановили его и начали рассказывать что-то о «бродяге» или о «докторе Феллоузе». Я намеревался расспросить вас вчера вечером, но потом позабыл. Что же там было?

— Там был Черный Джефф, — отвечал Барлоу. — Он снова вернулся.

Грэм понимающе промычал что-то, а вот док-

тор Фелл явно был озадачен.

— Черный Джефф? — повторил доктор. — Кто или что такое Черный Джефф?

Грэм объяснил:

— Это, некоторым образом, бельмо у нас на глазу. Бродяга, бездомный, если хотите дать ему определение. Обязательно сваливается как снег на голову после долгого отсутствия.

— Черный Джефф. Он негр?

— Нет, просто у него весьма примечательные черные волосы и бакенбарды. Видывал я на своем веку пьяниц, — продолжал Грэм, задумчиво покачивая головой, — но среди них и полдюжины не наберется таких умельцев надраться исподтишка, как Джефф. Откуда он берет деньги — никому не известно. Мы даже не знаем, кто продает ему выпивку, потому что в большинстве пабов ему отказывают. Главная беда в том, что когда он доходит до кондиции, то попросту падает и засыпает, где бы ни находился. Он безобидный, и мы не любим таскать его в участок, но — ей-богу!

Фред был мрачен. Он снова видел перед собой черный асфальт, далеко отстоящие друг от друга фонари, сгорбленную фигуру.

— Так вот, — заговорил Фред, — вчера вечером он едва не заснул посреди улицы в последний

раз.

— В самом деле?

— Да. Я ехал в Тониш купить сигарет. И был как раз рядом с переулком Влюбленных… — Он обернулся к доктору Феллу. — Это небольшая боковая улочка, которая пересекает главную дорогу под прямым углом примерно в трех сотнях ярдов от дома судьи со стороны Тониша. Одна компания по продаже недвижимости когда-то пыталась «освоить» участки под застройку, вдоль которых проложена улица. Там имеется телефонная будка и парочка демонстрационных домов, однако сам проект провалился. Не знаю, замечали ли вы когда-нибудь, что там есть улица?

— Нет, — признался доктор Фелл. — Но продолжайте.

— Я был как раз рядом с переулком Влюбленных, когда увидел, что Джефф лежит, шлепнувшись прямо посреди главной дороги. На самом деле, когда я только заметил его, мне показалось, кто-то сбил его и уехал. Я остановил машину и вышел. Это точно был Джефф, пьяный в стельку. Но я так и не понял, пострадал ли он. Я перетащил его на другую сторону от шоссе — в сторону моря, — где положил на песок.

Как раз в этот момент появилась машина док-

тора Феллоуза, едва не переехав нас обоих. Я рассказал доктору о случившемся, но он ответил лишь: «Вздор, перекатите его пониже, и прилив его протрезвит» — после чего уехал. Признаю, Джефф действительно вроде был цел, но я пошел к своей машине и взял электрический фонарик, чтобы удостовериться. Когда я вернулся на то место, где, как я думал, оставил Джеффа, его там не оказалось.

Инспектор и доктор Фелл дружно уставились на него, часто моргая сквозь сигарный дым.

— Не оказалось? — переспросил последний.

— Хотите верьте, хотите нет, он ушел.

— Но куда?

— Не могу знать. Я до сих пор не имею ни малейшего представления. Сначала я подумал: должно быть, я перепутал место, где оставил его. Я прошелся вдоль моря туда-сюда. В итоге вернулся к машине и перегнал ее на другую сторону шоссе, чтобы подсветить берег фарами. Именно поэтому машина оказалась на встречной полосе. Только я так и не нашел Джеффа. Черные бакенбарды, нелепая одежда, разноцветный шейный платок и все прочее — он попросту исчез.

Инспектор проворчал что-то невразумительное.

— Может, очухался, когда вы перетащили его. Потом поднялся и поковылял куда глаза глядят. С пьяными такое случается.

— Да, именно так я и подумал. — Внезапно Фред Барлоу понял, что внутренне похолодел, похолодел так, что ему трудно контролировать собственные мускулы и голос. Нельзя этого показать. Он напрягся до последнего нерва в теле, чтобы ничем себя не выдать.

— И все же, — прибавил он, — я так до сих пор и не знаю, не пострадал ли он.

— Я бы на вашем месте не стал переживать, — невозмутимо заявил инспектор. — Джефф — наименьшая моя проблема. Вероятнее всего, мы найдем его спящим в одном из демонстрационных домов, если он нам вдруг понадобится.

— Да. Надеюсь, что так.

Тень рассеялась. Фред снова задышал.

— Значит, — заметил доктор Фелл, который успел погрузиться в размышления, посасывая свою сигару, словно мятный леденец, — значит, местоположение еще одного человека известно. Где же были остальные? Мистер Герман Эпплби, предположительно, блуждал на своей машине по деревенским закоулкам, сбившись с пути…

— Ага, — подтвердил Грэм.

— А мисс Теннант ехала сюда, чтобы повидаться со мной…

Джейн хладнокровно взирала на него:

— Надеюсь, вы не считаете, что я как-то причастна к этому убийству?

Доктор Фелл лишь хмыкнул и помотал головой. Вслух вместо него ответил Грэм:

— Это вряд ли, мисс. И все же вы могли бы помочь. Я так понимаю, это вы приезжали вчера вечером в дом судьи, привезли доктора Фелла и спрашивали, можно ли войти?

— Да, все верно.

— Не хотите ли что-нибудь сообщить мне?

— Нет, боюсь, мне нечего.

— Но вы ведь были знакомы с мистером Мореллом? В конце концов, вы же пригласили его погостить у себя в доме.

— Не совсем так. Я пригласила Конни Айртон и ее друга. В наше время так принято. До того, как они приехали, я даже не слышала его имени.

— И вы ничего не знаете о мистере Морелле?

Джейн глубоко затянулась сигаретой, выдохнула дым и пристроила сигарету на край блюдца.

— Я знаю, — ответила она, — не больше, чем знает доктор Фелл.

По некой причине, неведомой Фреду Барлоу,

доктор Фелл хмыкнул, в восторге потирая руки.

— Хорошая девочка! — произнес он. — Хорошая девочка!

— Благодарю вас, — отозвалась Джейн, прибавив себе под нос: — Черт побери…

— Так что же, — произнес Грэм, уже теряя терпение, — к чему все это? Что здесь вообще происходит? Лично я могу лишь заявить: хотел бы я знать, что' знает доктор Фелл. У вас репутация мастера выводить окружающих из себя, сэр. Могу признаться откровенно, теперь я вижу, как это делается… наблюдаю прямо сейчас. Вы начали с предложения обсудить со мной улики. Но до сих пор лишь вытащили на свет божий кучу разной не важной чепухи, не имеющей никакого отношения к делу. Что это за улики, о которых вы хотели поговорить?

Тон доктора Фелла изменился.

— Очень хорошо, — резко проговорил он. — Скажу вам коротко и по делу. Телефон.

Повисла тишина.

— Телефон в гостиной летнего дома судьи, вы имеете в виду?

— Да. Этот прелюбопытный аппарат с выщербленным кусочком микрофона и поврежденной звуковой мембраной внутри. Заметьте себе.

Внутри.

Грэм поглядел на него проницательным взглядом:

— Я думал об этом, сэр. Эта внутренняя часть весьма хрупкая, это верно. Но я не понимаю, как она могла разбиться от падения телефона на пол. Она все же хорошо защищена трубкой.

— Она и не могла, — подтвердил доктор Фелл. — И не билась. В таком случае как она оказалась разбитой? — Он задумчиво пыхнул сигарой. — Может быть, вы помните, может быть, нет, но, когда я открутил крышку микрофона, я понюхал ее.

— Да, помню.

— Частицы пороха, — произнес доктор Фелл. — Отчетливый запах по краю.

— Ясно. Вы думаете, что внутренняя часть повредилась от звуковой волны, произведенной выстрелом?

— От этого и от расширения пороховых газов. Как вы помните, наш бесценный Уимс повторил слова телефонистки, что от грохота у нее едва не взорвались барабанные перепонки.

Грэм размышлял над этими словами, как будто что-то начиная понимать. Он раскрыл рот, чтобы заговорить, однако, бросив взгляд на Джейн с

Фредом, одернул себя. Он поднял давным-давно потухшую сигару таким жестом, словно собирался взмахнуть ею, как волшебной палочкой.

— Это, — не сдавался доктор Фелл, — это, по моему скромному предположению, только часть правды. Отсюда следует очевидное умозаключение, и оно от вас не ускользнет.

— Боюсь, оно ускользнет от меня, — призналась Джейн. — Это могла бы сделать пуля при выстреле, я так полагаю?

— О да. Могла. И сделала.

Солнце уже опустилось ниже, и на балконе стало теперь не так приятно, как было в начале ланча. Обманчивое тепло дня начало улетучиваться, а дело запутывалось все больше.

Отдельные гуляющие, несмотря ни на что, твердо вознамерившиеся получить свою долю воскресных радостей, по-прежнему оставались на променаде. Дети и собаки носились между ними, словно шары в кегельбане, и почти с тем же эффектом. Маленькие машинки на парковке, семейная гордость, блестели на солнце. Пляжный фотограф щелкал фотоаппаратом, надеясь на удачу. У лестницы, ведущей к дюнам, стоял припаркованный грузовик, и три человека наполняли песком мешки. В те дни подобное

зрелище еще не носило мрачного и угрожающего смысла, какой приобрело позже, и по меньшей мере трое наблюдателей на балконе смотрели без всякого интереса.

После долгой паузы молчание нарушил доктор Фелл.

— Эта часть совершенно понятна, — сказал он. — Остальное туманно. Или лучше сказать, запутанно? Пятно света, пятно тьмы. — Он с горестным видом повернул голову. — Скажите мне, мисс Теннант, вы же довольно хорошо знаете Констанцию Айртон?

— Да. Думаю, так.

— Вы назвали бы ее кристально честной?

Опасность! Фред Барлоу выпрямился на стуле.

Джейн замялась, покосившись на него, прежде чем снова поглядеть на доктора Фелла.

— Не совсем понимаю, как отвечать на такой вопрос, — сказала Джейн. — Никто из нас не бывает «кристально честным», если на то пошло. Но она, совершенно точно, правдива, как большинство людей.

— Я имею в виду вот что: она не фантазерка? Не стала бы она лгать исключительно ради красного словца?

— О нет!

— А вот это уже интересно, — произнес инспектор Грэм, передвигая стул. — Значит ли это, что вас насторожили показания этой юной леди, сэр?

Доктор Фелл снова умолк.

— Хм, — фыркнул он. — Ладно!.. Звучит правдоподобно. И сколько подробностей. Убедительно, особенно тот момент, когда включился верхний свет. Однако… Внимание, мисс Теннант, у меня по меньшей мере один вопрос к вам. Попробуйте сейчас представить себя Констанцией Айртон.

— Хорошо.

— Представьте себе, что Гораций Айртон — ваш отец, а тот человек, который был влюблен в нее, влюблен в вас.

При этих словах Джейн развернулась и швырнула сигаретный окурок с балкона. Когда она повернулась обратно, на ее лице было написано терпеливое внимание.

— Да?

— Очень хорошо. Вы берете машину подруги, считая, что ваш возлюбленный отправился в Лондон, и едете навестить отца. Машина ломается. Остаток короткого пути вы проделываете пешком. Уже рядом с домом вы замечаете, как туда же идет Морелл. Вас осеняет, что эти двое

собираются встретиться, чтобы говорить о вас, и потому вы тактично решаете некоторое время не показываться им на глаза. Пока что все складывается неплохо.

Он отложил сигару и переплел пальцы.

— Однако обратите внимание на дальнейшее. Вы спускаетесь на пляж, усаживаетесь поудобнее и ждете. Спустя пять минут вы слышите неожиданный хлопок. Источника этого звука вы не видите. Сейчас прилив, и довольно шумно. Хлопок, должно быть, раздался по меньшей мере в двадцати-тридцати ярдах у вас за спиной. Что вы подумаете в первую очередь: а) это револьверный выстрел; б) он раздался в доме; в) он означает беду для меня? Подумаете? В самом деле? И поспешите проверить?

Доктор Фелл выдержал паузу.

— Я упоминаю все это, потому что она сказала, что именно так и сделала. Кроме того, было сыро, поскольку недавно прошел дождь. Констанция Айртон была в белом платье. Однако я не заметил у нее ни песка, ни пятен сырости — хм — на том месте, которое эксплуатируется в сидячем положении.

Джейн засмеялась. Это был короткий смешок, скорее отдававший должное его слоновьей дели-

катности, чем означающий веселость. Она сразу посерьезнела.

— Не вижу никаких противоречий, — произнесла она отрывисто.

— Нет?

— Нет! Конни вполне могла поступить именно так, если она думала, что Морелл пытается… я хочу сказать…

Она проговорилась. Слишком поздно попыталась в отчаянии взять назад или как-то замять свои слова. Пока за столом царило молчание, инспектор Грэм не сводил с нее взгляда.

— Продолжайте, мисс, — попросил он без всяких эмоций. — Вы собирались сказать: «Если она думала, что Морелл пытается выбить деньги из ее отца». Не так ли?

— Чего, как нам известно, — отстраненно заметил Фред Барлоу, — Морелл делать не пытался. И что с того?

— Может быть, нам это известно, сэр, а может быть, и нет. Суть не в том. Какая польза сидеть, покачивая головой, и приговаривать: «Что с того?» — как будто в кино. Напоминает мне одного джентльмена, бывшего хозяина домика судьи. Канадский джентльмен. Вечно он на все отвечал: «Что с того?» — даже если сказать ему, какой

погожий денек.

Доктор Фелл, отрешенно глядевший на что-то на другой стороне променада, повернул голову и на мгновение сосредоточил внимание на инспекторе.

— Я правильно понял, вы сейчас сказали, — начал он так, словно не мог поверить собственным ушам, услышав отличную новость, — что покойный владелец «Дюн» был канадцем?

— Правильно.

— Вы в этом совершенно уверены?

— Разумеется, уверен. Мистер Джонсон его звали. Из Оттавы. Дом до сих пор набит его пожитками. А что? Разве это имеет какое-то значение?

— Имеет ли это какое-то значение! — воскликнул доктор Фелл. — Этот факт и еще кое-что, лишь сейчас замеченное моими подслеповатыми глазами, — два самых важных момента, о каких мы услышали сегодня. И я вам скажу еще одно.

Что именно — Фред Барлоу так и не узнал, хотя он все равно ничего не извлек бы из слов доктора, даже если бы услышал их. Официант просунул голову в балконную дверь и сообщил, что мистера Барлоу просят к телефону.

— Это ты, Фредерик? — произнес голос судьи.

Он всегда был «Фредерик» наедине и «мистер

Барлоу» на людях.

— Да, сэр.

— Мне дали понять, — продолжал судья Айртон, — что там обедает инспектор Грэм. Верно?

— Да, он здесь прямо сейчас.

— В таком случае, будь добр, передай ему от меня сообщение. У меня тут сидит посетитель. Некий мистер Эпплби.

— Да?

— Мистер Эпплби только что изложил мне некие факты, приведшие его к убеждению, что это я убил безвременно погибшего Энтони Морелла. Он только что предложил мне сохранить эти сведения между нами.

— Ого! Шантаж?

Отчетливый тонкий голос проскрежетал:

— Нет-нет. Не настолько грубо. Мистер Эпплби все же по меньшей мере полуреспектабельный профессионал. Он просто предложил, чтобы мы с ним стали друзьями, а пара слов похвалы в его адрес, высказанная мною в кругу моих приятелей, принесла бы ему немало пользы. Может быть, тебе слышно, как он там квакает на заднем плане?

— Продолжайте!

— Более чем скромное требование, — произнес ледяной голос. — Однако он не получит от меня

никаких поблажек. Я не поддамся ни на что, хотя бы отдаленно напоминающее угрозу. Попроси, пожалуйста, инспектора Грэма приехать сюда. Если я сумею до того момента задержать моего визитера, инспектор собственными ушами услышит показания против меня, высказанные мистером Эпплби лично.

Глава тринадцатая

Когда они приехали, судья Айртон ждал их, сидя в уже знакомом мягком кресле у шахматного столика.

— Жаль огорчать вас, — произнес он, — но мистер Эпплби нас покинул. И при этом весьма торопился.

Никакой улыбки, ни зловещей, ни иной, не промелькнуло на лице судьи. Он был в этот день в ковровых тапочках, упитанное короткое тело затянуто в застегнутую на все пуговицы домашнюю куртку-смокинг, старомодную, но очевидно пошитую хорошим портным. Очки он снял, хотя палец все еще стоял на том месте на странице, где он закончил читать.

— Я, как вы понимаете, едва ли мог ему помешать, даже если бы его общество доставляло мне удовольствие. Прошу садиться, джентльмены.

Инспектор Грэм и Фред Барлоу переглянулись.

Время шло к четырем часам пополудни, и становилось прохладно. Мебель и тошнотворные обои в голубой цветочек на стенах гостиной казались гнуснее обычного. О событиях прошлого

вечера ничто не напоминало, кроме разбитого телефона. Поверх оставшихся следов крови и песка перед письменным столом был аккуратно расстелен маленький шерстяной ковер.

Грэм прокашлялся:

— Вы хотите обвинить мистера Эпплби в попытке шантажа, сэр?

— Нет, конечно. Мне все равно нечего ему предъявить. Он не пытался меня шантажировать, он мне не угрожал. Он же юрист. Как, к несчастью для него, и я сам.

— Но если он ушел…

— Все в порядке, — заверил судья, слабо взмахнув своими очками. — Он может теперь прийти к вам и рассказать то, что заявил мне. А может и не прийти. Не могу знать. Зависит от того, что он ошибочно принимает за свою совесть. Между тем, если я сам расскажу вам, это поможет сэкономить время.

Грэм сдвинул форменную фуражку на затылок. Как бы простодушно ни звучали слова судьи, Фред видел, что он нацелился на единственное место, которое Грэм считал уязвимым.

— Секундочку, сэр, прежде чем вы начнете. Мисс Айртон, случайно, не здесь?

Рука, качавшая очки, замерла.

— Нет. А почему она должна быть здесь?

— Просто я взял на себя смелость отправить к ней в Тонтон Берта Уимса.

— Ясно, — произнес судья. — И вам не пришло в голову, что присутствие констебля, допрашивающего мою дочь в доме, полном любопытных гостей, может поставить ее в несколько неловкое положение?

— О, тут все в порядке, сэр. — Грэм говорил с полной уверенностью. — У Берта сегодня выходной. Он будет в штатском. К тому же он симпатичный парень, когда приоденется.

— Вот уж воистину.

— Да. Я подумал, так будет лучше. Даже велел ему прихватить с собой его девушку, поскольку мотоцикл у него с коляской.

— И зачем же вы отправили этого джентльмена к моей дочери?

— У нас полным-полно времени, сэр! К этому мы вернемся позже, — довольно резко заявил Грэм. — Так что там за история с мистером Эпплби?

Очки снова закачались.

— Как пожелаете, инспектор. Вы ведь слышали показания мистера Эпплби прошлым вечером.

— И что же?

— Сегодня днем он решил изменить их. Вчера вечером он невнятно упоминал о неких невнятных же словах, приписанных им мистеру Мореллу, что-то там о таинственной «игре», в которую мистер Морелл намеревался сыграть со мной; он сказал, что понятия не имеет, в чем суть игры. А сегодня днем мистер Эпплби заполнил пробелы.

Если коротко, его история сводится к следующему. Мистер Морелл явился ко мне, прикинувшись вымогателем. Он поступил так, потому что ему не нравятся мои «манеры». Он потребовал у меня три тысячи фунтов отступных, чтобы он отказался от моей дочери. И я согласился на эту сумму. А вчера вечером мы встретились, чтобы я передал ему деньги. Якобы целью мистера Морелла было заставить меня назвать самую крупную сумму, какую я могу выплатить без ущерба для себя, чтобы он затем смог выставить меня дураком, дав мне столько же в качестве подарка для моей дочери.

Грэм, похоже, был ошеломлен столь неприкрытой откровенностью.

— Значит, мы наконец добрались до сути! — не удержался он.

— Не понял.

— Смысл был в том, чтобы некоторым образом преподать вам урок. И?..

— Это версия мистера Эпплби. К несчастью, урок, по-видимому, получил мистер Морелл. Как и мистер Эпплби.

— От одного и того же человека, сэр?

— Нет.

— Это правдивая история?

— Нет.

— От первого до последнего слова?

— От первого до последнего слова.

— И кого же вы обвиняете во лжи: мистера Морелла или мистера Эпплби?

— Бросьте, инспектор. Морелл ли состряпал эту историю и поделился с Эпплби, сам ли Эпплби сочинил ее, преследуя свои цели, и рассказал мне, я не берусь судить. Это уж вы сами выясняйте. Все, что я могу сообщить, подобного разговора между мистером Мореллом и мною никогда не было.

— Ради бога, сэр, вы сознаете, во что впутываетесь?

— Прошу вас, давайте не будем устраивать мелодраму. Если вы считаете, что я убил мистера Морелла, то ваш долг меня арестовать.

Он с серьезным видом сложил очки, заложил ими книжку, которую читал, и опустил ее на

шахматный столик.

— Однако я должен предупредить вас об опасности принимать на веру «показания» мистера Эпплби. Подобная байка, рассказанная в суде, будет поднята на смех. Сомневаюсь, найдется ли в истории человечества хоть один мужчина, искренне желавший жениться на девушке, который пришел бы к ее отцу и начал сватовство с заявления, что готов принять три тысячи фунтов, чтобы бросить ее.

— Ну, мистер Морелл же был итальяшка.

— Все равно, подозреваю, даже в Италии подобный подход не является общепринятым. Позвольте мне продолжить. Если бы такое событие имело место, что случилось бы дальше? Отец девушки просто позвал бы ее и рассказал обо всем. Претенденту на ее руку пришлось бы сознаться, на том бы все и закончилось. Наконец, позвольте мне напомнить, что вам придется доказывать это, основываясь лишь на утверждениях мистера Эпплби, человека, однажды уже солгавшего, который изложил свою историю в попытке всего лишь припугнуть меня с глазу на глаз. Можно ли быть уверенным, что присяжные проглотят подобное?

— Вы все выворачиваете наизнанку, сэр!

Выцветшие брови судьи удивленно поднялись.

— Вот как? И где же я исказил хоть один факт?

— Нет, дело в том, как вы это подаете! Послушайте меня. Можете вы, положа руку на сердце, сказать, что желали видеть этого парня своим зятем?

— Манеры мистера Морелла далеки от честерфилдских. Вкус в одежде вызывает сожаление. Умственные способности ничтожны. Однако у него были деньги, и он любил мою дочь. Я реалист. Большинство присяжных, чьи доходы зачастую незначительны и у которых имеются дочери на выданье, тоже реалисты.

На какой-то миг Грэм, похоже, глубоко задумался.

Затем он присел на краешек мягкого кресла по другую сторону шахматного столика. Это было то самое кресло, в котором сидел Морелл примерно в это же время два дня назад.

Сегодняшний день был пасмурнее, свинцовые тучи бродили по небу, тронутые по краям потускневшим серебром. Фред Барлоу жалел, что не надел под куртку свитер. И потому он прошел через комнату и прикрыл французское окно. На самом деле было не настолько холодно, просто они все ощущали дуновение смерти.

— Знаете, чего я хочу? — неожиданно спросил Грэм. — Хочу поговорить с вами как мужчина с мужчиной.

— Ну, за чем же дело стало? — Голос судьи прозвучал резко. — Что вам мешает? Неужели меня хоть раз обвиняли в том, что я самодовольный дурак или напыщенный болван?

— Нет-нет. Ничего подобного. Однако…

— Так давайте выкладывайте. Да, при мистере Барлоу говорить можно. Как и моя дочь, он вырос у меня на глазах. Мы старинные знакомые.

Грэм помрачнел и опустил голову. Одной рукой он с силой потер костяшки пальцев другой, стиснул их. Потом поерзал в кресле. В конце концов он приподнял голову и поглядел из-под рыжеватых бровей:

— Не могу поверить в вашу версию, сэр. И это факт.

— Хорошо. Начало положено. Почему вы не можете поверить? Еще один момент, прежде чем вы ответите! — На этот раз недобрая улыбка все же промелькнула на лице судьи. — Где наш друг доктор Фелл? Я надеялся увидеть его здесь, когда вы будете пытаться загнать меня в угол.

— Он вот-вот появится. Он не смог подъехать так же быстро, как мы с мистером Барлоу. Его

везет на машине мисс Теннант, кроме того, он сказал, что хочет посмотреть на что-то по дороге. И ей-богу, я не пытаюсь загнать вас в угол!

— Прошу прощения. Продолжайте.

И снова правая рука Грэма вцепилась в костяшки левой.

— Так вот, Морелл. Лично мне его внешний вид нравился не больше, чем, уверен, вам…

— Да?

— Но давайте осмыслим то, что случилось вчера вечером. Он прибывает сюда в двадцать пять минут девятого. Добирается до дома и входит вот в это французское окно. — Грэм кивком обозначил которое. — Не важно, с какой целью он здесь. Не важно, собирается ли он дать вам денег или же надеется получить их от вас.

Просто предположим: он входит и видит, что комната пуста. И какое же действие было бы самым естественным для него? И для кого угодно на его месте? Спросить, есть ли кто дома, разве не так? Он прокричал бы: «Эгей, есть кто дома?» Или же прошелся бы по другим комнатам, чтобы посмотреть. Но вы говорите, что не видели, как он вошел, и не слышали никаких звуков.

— Верно.

Грэм продолжал, изо всех сил стараясь рассуж-

дать логически:

— Ладно. Теперь предположим, что кто-то шел за ним следом. Предположим, кто-то еще проник в дом… чтобы убить его. Такое могло случиться. Вероятно.

Только это было бы весьма сомнительной затеей. Убийца не смог бы войти, поссориться с ним и застрелить. Вы бы обязательно услышали это из кухни. Стены здесь очень тонкие, как я убедился лично. Вы с легкостью услышали бы, как кто-то разговаривает в соседней комнате.

(И как лично убедился Фред Барлоу.)

— Итак, сэр, Морелл знал, что находится в опасности. Ему что-то угрожает. Логично, поскольку он снял телефонную трубку и попытался позвать на помощь. Но даже если он понимал, что убийца не шутит — возможно, увидел оружие, — почему же он направился к телефону? Почему он не позвал вас, не позвал свидетеля?

И это еще не все. Почему убийца позволил ему зайти настолько далеко, чтобы снять трубку, связаться с телефонисткой, услышать ответ и сообщить о себе, прежде чем подошел и выстрелил ему в затылок? Почему убийца не сказал: «Убери руки от телефона, а не то получишь пулю»? Все это тоже не кажется правдоподобным. Убийца

никак не мог знать, какими будут первые слова Морелла. «Человек по фамилии Джонс собирается меня застрелить. Помогите!» Понимаете, сэр?

Грэм вскинул руку, требуя тишины, хотя судья Айртон и не делал попыток заговорить.

— Это один вариант. А теперь я расскажу вам, без обиняков, как все могло бы происходить, если его убили вы.

— Я весь внимание, инспектор.

— Морелл входит в ваш дом. Он проникает через французское окно, поскольку заглядывает и видит, что вы сидите в комнате — возможно, читаете. Он открывает и — уже внутри. — Грэм взмахнул рукой. — Вы поднимаетесь и включаете верхний свет. Просите его присесть.

Картина вырисовывается, подумал Барлоу, дьявольски живая. Он почти видел воочию, как судья проделывает все это, как Морелл сверкает белыми зубами в открытом окне.

Грэм продолжал:

— Может быть, Морелл произносит, продолжая разыгрывать вас: «Итак, вы приготовили деньги?» Вы отвечаете: «Да. Подождите минутку, сейчас принесу». Только денег у вас нет. И вместо того вы приготовились его убить. Где-то, когда вы ездили в Лондон в тот день, вы раздобыли

«Ив-Гран» тридцать второго калибра, понятия не имею где, но если мы проследим путь этого оружия, то выйдем на вас.

Вы выходите из комнаты, говоря, что идете за деньгами. А на самом деле — чтобы взять револьвер. Морелл сидит на том месте, где сижу сейчас я, спиной к двери. Неожиданно он сознает, что зашел слишком далеко. Он сознает, что вы слетели с катушек и готовы его прикончить. Да, я понимаю, вы умеете сохранять покерное лицо! Но убийство есть убийство, какое бы ни было лицо, столь гадкое намерение трудно скрыть.

Я так понимаю, язык у него был подвешен хорошо. Вот только он в деревне, в полумиле от ближайших соседей, наедине с упрямым и неразборчивым в средствах пожилым джентльменом, который не даст ему шанса объясниться, который просто возьмет и сделает то, что задумал. Именно так вы и поступили, если я хоть что-то понимаю.

Сумерки сгущались в комнате.

— Не лучше ли придерживаться фактов? — предложил Барлоу, поскольку все эти предположения очень уж вторили его собственным догадкам. — Все эти полеты фантазии…

— Спокойно, Фредерик, — произнес судья, прикрывая глаза рукой. — Прошу, продолжайте,

инспектор…

Грэм кашлянул, словно извиняясь:

— Ну, теперь уже и так понятно. Морелл видит телефон. Все, что он может, — позвонить, соединиться с телефонисткой и произнести: «Я говорю из „Дюн“, дома Айртона. Моя фамилия Морелл. Кажется, я в беде» — или что-нибудь в этом роде. Ничего определенного, как видите. Но достаточно для того, чтобы помешать вам сделать с ним что-нибудь нехорошее, на случай если у вас имеется такое намерение. Просто остановить вас, пока он не сумеет объясниться. Итак, он проскальзывает к телефону.

Грэм помолчал, затем поднялся с места. Словно желая проиллюстрировать свой рассказ, подошел к письменному столу. Настольная лампа с неподвижным плафоном под бронзу стояла позади бювара. Грэм дернул за цепочку и включил ее. На стол упал круг яркого света, за пределами которого все остальное погрузилось в полумрак.

Передвинув вращающееся кресло перед письменным столом, Грэм присел. Теперь он находился к ним спиной. Телефон оказался у него под правой рукой.

— Он тихонько подходит сюда, — продолжал инспектор, — и говорит тихонько. Даже шепчет.

Дверь… — Грэм обернулся через правое плечо, — дверь у него за спиной, в стене справа. Он не может увидеть ее, не повернувшись.

Он звонит на коммутатор и говорит: «Это „Дюны“, коттедж Айртона». Он успевает сказать только это, когда оборачивается через плечо, вот так. Он видит, что дверь открывается. Видит, что именно вы держите в руке. Он стремительно разворачивается к телефону и кричит: «Помогите!» Он не успевает сказать что-либо еще, поскольку вы быстро делаете шаг, другой, третий и стреляете ему в затылок над правым ухом.

Наступила тишина.

В своем воображении Фред Барлоу услышал выстрел.

Однако на самом деле он не услышал ничего, пока Грэм, скрипнув креслом, не развернулся к ним лицом.

— Вот так все могло бы случиться, сэр. Вы извините меня за подобные выкладки. И за театральщину. Но мне хотелось увидеть это. И будь я проклят, если я не увидел.

Лицо Грэма было хмурым и решительным. Судья Айртон кивнул, словно счел такую реконструкцию событий убедительной. Но все же между бровями залегла морщинка.

— Инспектор, — произнес он, — вы меня разочаровываете.

— О, я не претендую на лавры Шерлока Холмса, сэр! Я всего лишь сельский коп с кучей забот. Но все равно…

— Я не это имел в виду. Я имел в виду, что и не подозревал, насколько низкого вы мнения о моем интеллекте.

— Прошу прощения?

— Если бы я в самом деле решил совершить убийство, неужели вы действительно полагаете, я обставил бы все настолько неуклюже? Правда?

Судья, кажется, искренне заинтересовался. Он вытащил очки из книги и нацепил их на нос.

— Исходя из вашего анализа, это преступление не было спонтанным. Оно было спланированным. У меня имелось двадцать четыре часа, чтобы его подготовить.

Я пригласил этого человека к себе в дом. Я раздобыл револьвер. Я застрелил его здесь. Я сел, держа в руке оружие, и дождался, пока вы войдете и застигнете меня на месте преступления. Я состряпал историю, причем, будь она ложью, даже шестилетний ребенок придумал бы убедительнее. И это я, стреляный воробей, собаку съевший на работе с уликами. — Он часто поморгал, потом

поморгал снова. — Неужели я произвожу на вас впечатление человека, которому не терпится оказаться на виселице?

В меркнущем свете от окон через комнату протянулась длинная тень.

Давно ли лежит эта тень, никто из них не смог бы сказать, потому что никто не замечал ее, пока она не шевельнулась. Доктор Фелл, который, похоже, рассматривал что-то на потолке, повернул ручку одного из французских окон и неуклюже ввалился внутрь. Он тяжело дышал, и на лице его читалось крайнее смущение.

— Вы опоздали, — сообщил судья Айртон.

— Да. Я… э… боюсь, что так.

— Мы тут восстанавливали картину преступления. Не желаете ли присоединиться?

— Нет, спасибо. — Доктор как будто торопился куда-то. — Я увидел то, на что ехал посмотреть. Э… инспектор. Там у калитки молодой констебль, до крайности озадаченный и взволнованный, он спрашивает, нельзя ли ему перемолвиться с вами парой слов наедине.

— Берт Уимс?

— Тот парень, который был здесь вчера вечером, да. Мистер Барлоу, мисс Теннант уехала домой. Она просила меня передать, чтобы вы не

забыли о купальной вечеринке сегодня вечером в отеле «Эспланада». Да, инспектор, еще одно. Когда вы осматривали эту комнату, вам не попадалась где-нибудь жевательная резинка?

— Не попадалось что, сэр?

— Жевательная резинка, — повторил доктор Фелл, двигая челюстями и громко чавкая для наглядности, но при этом с таким серьезным лицом, что все они воздержались от каких-либо замечаний.

— Никакой жевательной резинки. Нет.

— Нет, — медленно согласился доктор Фелл. — Я и не думал, что найдете. Не буду больше вам докучать. Собираюсь осуществить неслыханный эксперимент по возвращению домой пешком. Ура!

Они уставились ему вслед, когда он грузно затопал через лужайку.

Инспектор Грэм был как на иголках.

— Прошу прощения, покину вас на полминуты, — сказал он оставшимся. — Только узнаю, чего хочет Уимс.

Он спешно удалился, исчезнув в сумерках, и оставил за собой открытое окно. На фоне шума моря они смутно различали «чих-чих-чих» двигателя стоявшего на месте мотоцикла дальше

по дороге.

Судья Айртон, сложив руки на животе, сидел так тихо, что Фред вздрогнул, услышав нетерпеливые нотки в его голосе, когда он заговорил.

— Это наверняка тот приодевшийся джентльмен, которого Грэм отправлял в Тонтон. Фредерик, не окажешь ли мне любезность?

— Разумеется, если только смогу.

— Ты ходишь беззвучно, словно краснокожий. И на улице уже сумерки. Попробуй подойти поближе и подслушать, о чем они говорят, но так, чтобы тебя не заметили. Ради бога, не задавай мне никаких вопросов. Иди.

Он мог по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз слышал, чтобы Гораций Айртон умолял ради бога.

Фред Барлоу прошел через дом, выскользнул из кухонной двери и обогнул постройку сбоку. Песчаная почва заглушала его шаги. Обойдя забор с одной стороны, он вышел на дорогу впереди.

Полицейский мотоцикл с коляской (без пассажиров) констебля Уимса стоял у калитки. Уимс, упираясь одной ногой в землю, рассказывал что-то Грэму и доктору Феллу. Со своего места они не видели Фреда. Зато он, поскольку им приходилось перекрикивать тарахтенье мотора,

отчетливо слышал их.

— Инспектор, — разобрал он первое слово, — инспектор, мы их подловили.

— Что значит «подловили»? — проревел Грэм. — О чем вы вообще?

— Послушайте, инспектор. Вы отправили меня поговорить с мисс Айртон. Ничего особенного вроде. Вы просто забыли спросить, знаком ли ей этот револьвер. И потому вы отправили меня. Вы сказали, я могу взять с собой мою девушку. Помните?

— Я помню. И что там?

— Так вот, послушайте, инспектор. Моя девушка — Флоренс Суон, телефонистка с коммутатора.

— Я знаю ее. И вы передавали ей от моего имени, что если она еще раз позвонит в участок в ваше дежурство…

— Нет, подождите, инспектор. Стойте! Мисс Айртон не опознала револьвер. Зато Флоренс опознала ее. Флоренс узнала этот голос.

— Э?..

— Послушайте. Вчера вечером, примерно за десять минут до звонка с криком о помощи из этого дома, Флоренс приняла другой звонок. Он поступил от женщины, звонившей из телефонной будки, которая хотела говорить по межгороду

без денег.

— Что же дальше? И вырубите уже этот чертов мотоцикл!

Уимс так и сделал. Тишина, нарушаемая лишь прибоем, опустилась дремотной пеленой. И голос Уимса прорывался сквозь нее.

— Телефонная будка, — продолжал он, — стоит в переулке Влюбленных, больше чем в трехстах ярдах отсюда. Рядом со старыми участками под застройку, где демонстрационные дома. Вы ведь знаете эту будку?

— Да.

— Насчет местоположения никакой ошибки, поскольку, когда молодая леди сказала, что хочет звонить по межгороду в Тонтон, Флоренс попросила: «Назовите, пожалуйста, номер». Молодая леди ответила: «Тониш, 1818». Так и есть, я только что заезжал проверить.

Во всем корпулентном теле Грэма теперь выражалась настороженность.

— Продолжайте, Берт, — попросил он.

— Ага! — Уимс удовлетворенно выдохнул. — На соединение с Тонтоном ушло четыре минуты. Затем Флоренс сказала: «Вот ваша вечеринка. Пожалуйста, опустите пять пенсов. Затем нажмите кнопку „четыре-А“ и говорите». Тут молодая леди

совсем погрустнела. Флоренс сказала, она с самого начала говорила как-то странно и нерешительно, но тут все стало еще хуже. Она сказала, что вышла из дома без кошелька и денег у нее нет. Она сказала — пусть Флоренс просто соединит ее, а звонок оплатит другая сторона.

Флоренс пыталась втолковать ей, что не может так сделать. Флоренс объясняла, что, пока деньги не опущены, кнопка «А» не нажмется и соединения не произойдет. Молодая леди ей не верила. Она, похоже, считала, что от Флоренс лишь требуется нажать какой-нибудь рычажок или что-то в этом роде, и связь установится.

В результате они вступили в словесную перепалку, затянувшуюся больше чем на три минуты, прежде чем Флоренс отключилась. Инспектор, номер в Тонтоне, на который хотела позвонить эта молодая леди, 634955, дом мисс Теннант. А молодая леди была мисс Констанция Айртон.

Уимс умолк, чтобы перевести дух.

Инспектор Грэм бросил короткий взгляд на доктора Фелла, оба красноречиво молчали. Уимс продолжил свои объяснения:

— Послушайте, инспектор. Мисс Айртон позвонила на коммутатор в двадцать минут девятого…

Грэм обрел голос.

— Ваша Флоренс уверена в этом? Может подтвердить?

— Она записала время, инспектор. Это входит в их обязанности.

— Продолжайте.

— Ушло четыре минуты на соединение с Тонтоном. Затем еще три минуты с лишним, пока они с Флоренс спорили. Это значит, что было двадцать минут девятого, когда мисс Айртон вошла в телефонную будку, и как минимум двадцать семь минут девятого, когда она вышла. Эта телефонная будка в переулке Влюбленных в добрых трех сотнях ярдов от этого дома.

— Так и есть, — угрюмо согласился Грэм.

— Ага! А теперь посмотрите, что она наговорила нам! Она утверждает, что все это время ждала здесь, перед домом. Сэр, этого просто не может быть! Она не могла видеть все то, что, как она говорит, видела. Самое большее, что она могла сделать, прийти сюда — по главному шоссе или, может быть, по тропе позади дома — как раз вовремя, чтобы услышать выстрел в половине девятого.

Уимс умолк. До сих пор в его голосе звучало полное укоризны изумление.

— Эта юная леди *лжет*, — прибавил он. — Эта юная леди лжет!

Инспектор Грэм кивнул.

— Берт, — сказал он, — это самое правдивое утверждение, какое вы когда-либо произносили. И самое правдивое утверждение, какое вы произнесете в суде. Эта юная леди лжет.

Глава четырнадцатая

— Прыжок согнувшись, — выкрикнул светловолосый молодой человек, как только его голова показалась над водой. Он смахнул с глаз мокрые волосы.

Насмешливое улюлюканье отдалось от стен гулким эхом.

— Никакой это не прыжок согнувшись, ты, болван! — выкрикнул кто-то. — Прыжок согнувшись — это когда ты складываешься пополам и в полете касаешься пальцев ног, а потом распрямляешься, прежде чем войти в воду. У тебя же был какой-то дерганый твист, что вообще не имеет отношения к прыжкам в воду.

— Говорю же, это был прыжок согнувшись, — воинственно возразил молодой человек. Лицо у него покраснело. Он попытался подтянуться, держась за перила по внутреннему контуру бассейна, но снова соскользнул в воду.

Вмешалась девушка в красном купальнике, заговорив с умиротворяющим спокойствием:

— Отлично, дорогой. Это был прыжок согнувшись. Иди сюда и выпей.

— Ага! Вот это другое дело! — обрадовался атлет. — Да это был лучший прыжок согнувшись за всю мою жизнь, — прибавил он, выдувая пузыри над поверхностью воды.

Помещение в цокольном этаже, где находился бассейн отеля «Эспланада», было около восьмидесяти футов в длину, столько же в ширину и в высоту. Стены были отделаны плотно подогнанными друг к другу зеркальными панелями, а пол выложен мраморной мозаикой. От слегка подкрашенной зеленым воды белые плитки бассейна мерцали и играли, словно находясь в постоянном движении. Места вокруг бассейна было много, и оно служило зоной отдыха с яркими шезлонгами и столиками, расставленными вдоль зеркальных стен.

Широко распахнутые двустворчатые двери вели из бассейна в «Американский бар», помещение поменьше, где за барной стойкой из матового стекла выстроились целые вереницы пузатых бутылок. Еще одна дверь в той же стене открывалась в зимний сад в подвальном помещении, искусно освещенный и обогретый. Снисходительные управляющие, расторопные официанты. В общем, человек, уже налившийся коктейлями, и придумать не мог лучшего места для гулянки.

Что-то подобное и происходило здесь в половине десятого вечера, когда появился Фред Барлоу.

Тринадцать гостей, семь женщин и шесть мужчин, сидели, лежали в шезлонгах, плавали и прыгали в воду. Возраст участников варьировался от совсем молодого человека, любителя сложных прыжков, до леди средних лет, дальней родственницы Джейн, которая, как считалось, «присматривает» за ходом вечеринки и за которой Джейн самой приходилось постоянно присматривать. Купальные костюмы девушек были самых разных расцветок и моделей. Но все они не страдали от излишней скромности. Некоторые гостьи расхаживали в купальных халатах из толстой махровой ткани, однако среди них не было ни одной девушки с хорошей фигурой.

У Фреда, шагнувшего в это чистое, замкнутое пространство с пикантной атмосферой, голова пошла кругом от звуков. Голоса и эхо: начиная от отзвуков смеха и заканчивая гулкими всплесками воды. Шум ударял в уши.

— Вот бы Тони был здесь, — произнесла тощая, с виду нетрезвая блондинка в халате в голубую полоску.

— Бедняга Тони!

— Тсс!

— Все в порядке. Конни здесь нет. Она осталась у себя.

— Официант! Эгей! Официант!

— Хочешь теперь посмотреть, как я ныряю ласточкой?

— Нет, милый.

— Как же я люблю смотреть, когда молодые люди развлекаются, — сообщила тетушка Джейн. — В мое… ик — прошу прощения, моя дорогая! — в мое время все было совсем по-другому.

Хор голосов и эха накатывал на Фреда. Он особенно остро сознавал, что стоит здесь в уличной одежде. А потом он увидел Джейн.

Она увидела его в тот же миг и пошла к нему. Она была в желтом купальнике. Весьма вдохновляющее зрелище. Джейн только что вышла из воды, и на ней еще была желтая купальная шапочка, которую она стянула, тряхнув волосами, и подхватила с шезлонга халат. К тому моменту, когда она подошла к Фреду, она успела его надеть.

— Извини, я опоздал, — произнес он.

— Что ты сказал, Фред?

— Я сказал: извини, опоздал! — прокричал он, перекрывая гул голосов.

— О! Ничего страшного. Ты же предупреждал,

просто я уже подумала, ты совсем не придешь. Ты ужинал?

Он задумался.

— Да. Кажется, да. Сэндвич перехватил. Джейн, я не хочу портить вам веселье, но нельзя ли мне поговорить с тобой наедине?

— Ничего больше не случилось?

— Боюсь, очень даже случилось.

Она засомневалась.

— Ты выглядишь жутко взволнованным, — признала она. — Но не может это подождать пять минут? Почему бы тебе для начала не выпить и не окунуться в воду? Тебе это пойдет на пользу.

Предложение было заманчивым. Ему бы не повредило размяться и расслабиться. К тому же он прихватил с собой купальный костюм.

— Давай! — не отставала она. — Я принесу тебе выпить, пока ты переодеваешься. Раздевалки в том коридоре, через который ты пришел. Увидишь там табличку.

— Ладно.

Переодеваясь, он подумал, что, хотя он скорее худосочный, а вовсе не румяный Аполлон, зато с плечами у него все в порядке и до живота ему еще очень далеко.

Когда он вернулся, Джейн дожидалась его с

коктейлем из джина и вермута. Он выпил, и ему стало лучше, еще не совсем хорошо, но он почти ощутил себя человеком. Он произнес отрывисто:

— А где Конни? Здесь ее нет. Я слышал, как кто-то об этом говорил.

— Нет, она не поехала. Она у меня дома — скорее всего, уже легла. Если ты приехал для того, чтобы увидеться с ней, боюсь, тебе не повезло.

— У тебя ее нет, — сказал он. — Мы не знаем, где она. Полиция ее ищет до сих пор.

— Полиция?

— Да. Извини, я отлучусь на минутку.

В бассейне было два трамплина для прыжков, высокий, на верхней площадке лестницы, и еще один почти над самой водой. Фред выбрал низкий и нырнул, чтобы расслабиться. Он ощутил, как скрипнула и хлопнула доска, подбрасывая его, затем полет, открыться, закрыться и снова открыться, а потом пьянящая радость прямого глубокого погружения с вытянутыми ногами, и вода сомкнулась вокруг него.

Вода показалась прохладной и приятной. Он вытянул руки и поплыл сквозь зеленоватые сумерки, ограниченные дрожащими контурами белых плиток. Ощущая умиротворение и едва ли не дремоту, он вынырнул на поверхность и

направился к перилам медленными, ленивыми саженками.

Он почти доплыл, когда его ошеломил шум и гам голосов, как будто обрушившихся на него:

— Вот это был прыжок согнувшись!

— Что?

— Да вот то! То, что сейчас сделал этот парень.

Над Фредом нависло пылающее воинственным румянцем лицо, впиваясь в него взглядом.

— Хочешь посмотреть, как я делаю полуторное сальто? — хитро поинтересовался обладатель лица. — С высокого трамплина, — прибавил он.

— Хьюго, — одернула девушка в красном купальнике, — не валяй дурака. Ты свернешь свою глупую шею.

Тот, кого назвали Хьюго, немедленно принялся карабкаться по лестнице на высокий трамплин.

— Полуторное сальто, — объявил он и взмыл в воздух.

Что за сложный маневр он собирался выполнить, вероятно, осталось тайной для него самого и уж точно — для зрителей. Единственный вопрос, возникший у всех, был — хлопнется он о воду лицом или затылком? Долго терзаться сомнениями не пришлось. Он упал лицом вниз с глухим плеском, взметнув такие брызги, что они

долетели даже до зеркальных стен. У нескольких зрителей вырвался радостный вопль, тут же сменившийся оцепенелым молчанием.

Хьюго закачался на воде почти под самой поверхностью, лицом вниз, но завалившись набок. Он не шевелился, если не считать колебания воды. В просторном помещении не было ни звука, пока не завизжала одна пухлая девушка.

Молодой пианист с волосатой грудью нырнул и вытащил Хьюго. Его положили обтекать на и так уже залитую водой мозаику, все отставили свои напитки и столпились вокруг. На лбу у ныряльщика красовалась широкая красная отметина.

— Все с ним в порядке, — с облегчением объявил кто-то. — Просто потерял сознание, несчастный дурак. Ударился лбом о воду. Влейте в него немного бренди.

Тетушка Джейн, застонав, продемонстрировала весь масштаб своего христианского милосердия, отдав собственный бренди.

— Как думаете, не побрызгать ли его водичкой? — спросила пухлая девушка.

Это сочли хорошей идеей, и все принялись зачерпывать воду из бассейна и пригоршнями плескать на и без того мокрого Хьюго.

Джейн с Фредом находились чуть в стороне

от остальных. Последний вытирал полотенцем лицо и руки, поглядывая украдкой на Джейн. Она сидела в шезлонге в расстегнутом халате, опустив ладони на колени, и на ее лице было написано страдание. Никогда прежде он не видел Джейн Теннант, всегда владеющую собой и ситуацией, в таком состоянии, он даже не подозревал, что она способна испытывать подобные переживания.

— Я никому не приношу удачи, да? — произнесла Джейн.

Он мог понять ее чувства. Побелевшее, безжизненное лицо лишившегося сознания парня на полу напомнило ему другое побелевшее, безжизненное лицо.

— Давай уйдем отсюда, — предложил он.

— Да, — с жаром отозвалась Джейн. — Да-да-да!

Она сунула ноги в сандалии. И поскольку все остальные все еще спорили, столпившись вокруг Хьюго, никто — факт, который, как выяснилось позже, оказался весьма важным, — не заметил их ухода.

Фред тоже набросил халат и повел ее за собой вокруг бассейна к открытой стеклянной двери, за которой находился зимний сад. Оказавшись там, Джейн снова засомневалась:

— Как думаешь, можно оставить их?

— Бар и бассейн работают до одиннадцати. А еще нет десяти. Все с ними будет в порядке. А мне надо кое о чем поговорить с тобой. Особенно меня волнуют два момента. Идем.

Зимний сад представлял собой вытянутое и очень узкое помещение, разделенное на секции стенными панелями и дверями с матовым стеклом. Здесь было душновато от близости папоротников и прочих растений, пол тоже был выложен мраморной мозаикой. Фред прошел в самый дальний угол и закрыл дверь. В окружении папоротников на маленьком открытом пятачке здесь стояли плетеные кресла, столик и скамейка.

Никто из них не стал садиться.

— Так что же? — спросила Джейн. — Что за два момента, о которых ты хотел говорить?

— Прежде всего, Конни. Нам необходимо найти ее раньше, чем ее найдет полиция. Как думаешь, она не могла уехать в Лондон?

— Понятия не имею, но сомневаюсь. Поезда уже не ходят, а все машины забрали мы. Но зачем? Зачем мы должны ее найти?

— Джейн, она нагородила кучу лжи. А они выяснили это.

— Какой лжи?

— Погоди. Сначала ответь мне. Ты была вчера дома примерно в двадцать пять минут девятого?

— Почему ты спрашиваешь? — Голос ее прозвучал резко.

— Это тоже имеет отношение к делу. Так была?

— Нет, я как раз ехала, чтобы повидаться с доктором Феллом. Так в чем дело?

— Просто Конни пыталась дозвониться тебе домой из телефонной будки, которая стоит в переулке Влюбленных — это довольно далеко от дома судьи. Телефонистка утверждает, что на другом конце кто-то ответил. Если они смогут доказать, что тебе домой звонили и что это была Конни, она окажется в весьма скверном положении. Ты не помнишь этого звонка?

— Я на него не отвечала, это точно. Однако сейчас припоминаю. Энни сегодня утром говорила, что кто-то звонил из Тониша, но ее так и не соединили.

— Вот оно!

— Но, Фред, это же означает…

— Да. Конни не могла в двадцать пять минут девятого находиться перед летним домом отца или хотя бы неподалеку. Она не могла видеть, как пришел Морелл. Она лжет, а полицейские и без того уже подозревают судью. Это может повлиять

на исход дела.

— Понятно, — медленно проговорила Джейн. Она подняла на него взгляд. — А о чем еще ты хотел поговорить?

Они смотрели друг другу в глаза скорее как дуэлянты, чем друзья.

В маленьком замкнутом пространстве было очень тихо — теплая и тяжело давящая тишина. Свет ламп, такой тусклый и бледный, что даже отливал синевой, лишь усиливал впечатление. Они были заперты в этом углу, вдали от мира, за стеной растений и дверей с матовым стеклом.

— Это, — произнес он, — совершенно другое.

Он подошел к ней. Опустил одну руку ей на плечо, а другой обхватил за талию. Он вынудил ее откинуть голову назад и поцеловал, крепко поцеловал, в губы.

Глава пятнадцатая

Она отвечала, но как-то неубедительно, словно исполняя светские обязанности. Ее руки лежали у него на плечах ровно, не обнимая. Спустя мгновение она отодвинула его от себя, выпрямилась и внимательно, оценивающе посмотрела ему в глаза.

Произнесла спокойно:

— Почему ты это сделал?

Он заговорил, или попытался заговорить, с тем же спокойствием.

— Потому что люблю тебя. Рано или поздно ты все равно об этом узнала бы.

— В самом деле? Или тебе только так кажется?

— О боже, Джейн!

— Что насчет Конни?

— Вчера вечером я все окончательно понял. Я никогда не был влюблен в Конни. Конни… ее нет.

— Именно сейчас, когда она нуждается в тебе?

Он уронил руки, отступил назад и обошел вокруг стола. Побарабанил костяшками пальцев по столешнице, сначала потихоньку, а потом со все

нарастающей яростью.

— Я не стану брать свои слова назад — ни одного из них. Я очень люблю Конни. Я все равно буду биться вместо нее во всех сражениях, я все равно останусь у нее на побегушках. Но это же совсем другое. Это не одно и то же. Ты не представляешь себе насколько. Вот и вся суть. Извини, если обидел тебя.

— Обидел меня? — повторила Джейн с пылающим лицом. — Обидел меня! — Она протянула к нему руки. — Иди ко мне, милый. Подойди на минутку.

Фред поглядел на нее, а потом снова обошел вокруг стола. Оба тяжело дышали. И это совсем не сочеталось с их негромкими, взвешенными, едва ли не бормочущими голосами. Но когда он тронул ее пальцы одной рукой, а другую снова опустил ей на плечо, настроение совершенно переменилось, уступив страсти.

Спустя пять минут Джейн проговорила, задыхаясь:

— Знаешь, это совершенно точно непристойно.

— Ты против?

— Нет. Но если кто-нибудь из отельных служащих заглянет…

— Ха! Да пускай!

Спустя еще пять минут, когда они каким-то образом — каким именно, никто из них не вспомнил — оказались сидящими на плетеной скамье, Джейн высвободилась и отодвинулась.

— Необходимо это прекратить. Сядь вон туда. Прошу тебя! Я серьезно.

— Но если ты…

— Где угодно. Когда угодно, — сказала Джейн. — Всегда. Навечно. Но разве ты не видишь… — Она прижала руки ко лбу. — Я чувствую, что каким-то образом веду себя по-скотски по отношению к Конни. Я понимаю, что на самом деле ничего такого не делаю, но все равно так чувствую.

Это несколько отрезвило их.

— И она сейчас в беде, — продолжала Джейн. — Почему? Только потому, что попыталась защитить отца. Это, между прочим, очень достойно с ее стороны. Фред, мы не можем. Нет, пока она… Нет, сядь туда, где сидел. Дай мне сигарету.

Пачка сигарет лежала у него в кармане купального халата. Пальцы задрожали, когда он вынул пачку и неловко чиркнул спичкой. Ее щеки горели, однако она взяла у него сигарету твердой рукой и прикурила ее.

— Фред, я должна тебе кое в чем признаться. Я

могу опознать этот револьвер.

Он потряс спичкой, загасив ее, и бросил на пол.

— Это не значит, — уточнила она, — что я уже опознала его для полиции, но, я уверена, тут никакой разницы. Это «Ив-Гран» тридцать второго калибра, из которого несчастная Синтия Ли пять лет назад пыталась убить Морелла.

Он во все глаза уставился на нее:

— Но ведь эта девушка не стала бы… или как?..

— Нет, вряд ли это сделала Синтия, только потому что револьвер принадлежал ей. Понимаешь, она больше им не владеет. Еще до суда его забрал себе некто Хоули, сэр Чарльз Хоули. Он его «спрятал», добавив к своей обширной коллекции оружия, развешенной на стенах его квартиры, где револьвер никто бы и не заметил.

Она умолкла, обратив внимание, какое странное выражение появилось на лице ее собеседника. Он проговорил болезненно отчетливо:

— Ты сказала — сэр Чарльз Хоули?

— Да.

— Который потом стал судьей? Судья Хоули?

— Именно так.

— Гораций Айртон, когда ездил вчера в Лондон, — произнес Фред, старательно выговаривая

слова, — обедал там со старинным приятелем, сэром Чарльзом Хоули, у него дома. Он сам сказал об этом инспектору Грэму вчера вечером.

Наступила тишина.

— Вот же ловкий старый черт! — буркнул Фред, и в этом восклицании прозвучали догадка и восхищение. — Он стянул оружие из квартиры Хоули. Хоули ведь был адвокатом Синтии Ли на том суде, так? Я теперь припоминаю. Неужели ты не видишь, насколько красивая вырисовывается схема? Горацию Айртону плевать, как они там будут пытаться проследить происхождение этого револьвера. Даже если они действительно выйдут на сэра Чарльза Хоули — что вряд ли, — Хоули клятвенно заверит, что револьвер не из его коллекции, что он никогда не видел его раньше, поскольку он не может признаться в незаконном владении вещественным доказательством, незаконно же скрытым в деле Ли.

Фред помолчал, затем прибавил:

— Ловкий старый черт!

— Знаешь, милый, мне даже страшно, что ты догадался.

Он повернулся к ней:

— Но ты ведь больше никому об этом не рассказала?

— Рассказала. Я… я рассказывала доктору Феллу еще до того, как узнала о смерти Морелла. Я описала ему револьвер Синтии.

Она повторила, со всеми подробностями, все, что сообщила накануне вечером доктору Феллу.

— Но я все равно не понимаю до конца, — закончила она, плотнее закутываясь в купальный халат. — Даже если сэр Чарльз не признает оружие, предположим, это сделает кто-то другой. Например, сама Синтия. Или я.

— Ты сможешь клятвенно подтвердить, что этот тот самый револьвер?

— Н-нет.

— Разве защита в деле Ли не утверждала, что такого револьвера вовсе не существует?

— Да.

— Ну вот и все. Синтия не сможет просто так выйти и заявить: «Да, из этого револьвера я стреляла пять лет назад». И ты тоже не сможешь, если только не хочешь подкинуть ей проблем. Сэр Чарльз Хоули же скажет лишь, что вы обе с приветом. Нет. Гораций Айртон защитил себя со всех сторон. Они даже не догадаются никогда, где он раздобыл оружие.

— Но ведь доктор Фелл догадывается, мне кажется.

Фред насупился:

— Если и догадывается, Грэму он об этом точно не говорил. И это еще одна проблема. Если он догадывается, то почему мешкает?

— Вероятно, потому, что все еще не уверен в виновности судьи. Тебе так не кажется?

— После всех этих доводов разума, — ответил Фред, выдержав паузу, — после всех этих доводов здравого смысла — нет, не кажется.

Он поднялся с места. Остановился перед Джейн, глядя на нее сверху вниз.

В ее глазах светилась сумасшедшая радость, рот почти улыбался. Однако, когда он попытался взять ее руки в свои, она отстранилась.

— Не можем мы забыть обо всем этом? — спросил он.

— Нет. Ты сам знаешь, что не можем. Ни на минуту. Нет! Нет! Нет! Я не могу!

— Так долго пришлось искать тебя, Джейн.

— Так много времени у нас впереди.

— Кто знает.

— Почему ты так говоришь? — быстро спросила она.

Черное облако, так и не рассеявшееся с прошлого вечера, дрейфовало, снова окутывая его разум. Но теперь оно, похоже, расползлось, словно про-

литые чернила. Оно поглотило его целиком. И ему стало еще хуже, потому что Джейн была так близко.

— Наверное, наступил час исповеди, — сказал он ей. — Так что, вероятно, и мне стоит признаться.

Она улыбнулась:

— Если это о прежних любовных похождениях…

— Нет. Ничего подобного, Джейн. Мне кажется, я вчера вечером мог убить человека.

Плотная и теплая тишина зимнего сада обрушилась на него, словно оглушительный рев. Он стоял, глядя на нее сверху, пристально и без улыбки. Для Джейн, которая была безгранично счастлива, его слова поначалу показались бессмысленными, но затем, когда он кивнул, ее словно ударили в самое сердце.

Она облизнула губы.

— Но не…

— Нет. — Его голос звучал твердо: размеренный, приятный баритон, который умел звенеть от искренности в суде. — Не Морелла. Он точно не на моей совести.

— Тогда кого?

— Черного Джеффа. Я его переехал своей ма-

шиной.

Она начала было подниматься, но потом села обратно.

— Бездомного?

— Да. Я кое-что рассказал об этом Грэму сегодня. Однако я рассказал ему не все.

Джейн торопливо наклонилась и раздавила сигарету о мраморный пол. Затем, кутаясь в халат и поджав под себя ноги, она поглядела ему в глаза с самым искренним сочувствием. Первый раз она не смогла понять, что выражает его лицо, она даже как будто испугалась.

— Так вот, — пробормотала она, — вот почему ты так странно выглядел за ланчем, когда они спрашивали тебя об этом!

— Ты заметила?

— Я замечаю все, что касается тебя, Фред. Расскажи мне. Что там произошло?

Он взмахнул рукой:

— Ладно. Джефф, шатаясь, вывалился из переулка Влюбленных и пошел прямо на мою машину…

— Значит, это был несчастный случай?

— Да. О, мне вряд ли грозит оказаться в тюрьме, если ты об этом. Но послушай. Я вышел и осмотрел его, перенес его на другую сторону дороги, как

и рассказывал. Вернулся к машине за фонариком, как и рассказывал. И, как я и рассказывал, когда вернулся с фонариком, он исчез.

— Но, дорогой Фред! Если бы он был серьезно ранен, он же наверняка не встал бы и не ушел. Значит, он не мог сильно пострадать.

Он отвечал негромко:

— Не проси меня сейчас вдаваться в подробности. Они неприятные. Я могу рассказать только это. Я знаю, потому что видел собственными глазами, что раны несчастного Джеффа для большинства людей несовместимы с жизнью. Я, конечно же, собирался сообщить об этом констеблю Уимсу, когда он появился на своем велосипеде. На самом деле я и начал рассказывать. Но он перебил меня, заговорив о другом деле…

— И ты позабыл об этом случае?

— Да. В общем, насколько я понимаю, я позволил Джеффу уйти и умереть, не остановив его, не сообщив никому. И я молчал до сих пор. Положа руку на сердце, я этого не хотел, и я так и скажу своему ангелу-хранителю, если он выдвинет против меня обвинение. Но я жил просто в аду. От такого снятся кошмары.

— И как? — спросила Джейн после паузы.

— Что — «как»?

— Полегчало? — спросила Джейн улыбаясь.

Он утер лоб рукавом купального халата:

— Да, ты знаешь… Богом клянусь, полегчало!

— Сядь со мной, — попросила она. — Тебе нужен кто-то, чтобы выговориться. Кто-то, к кому ты мог бы обратить свою речь. Ты настолько впитал в себя учение Айртона, что еще несколько лет — и превратишься в набитое чучело, как та лосиная голова в гостиной у судьи. Ты говоришь: Черный Джефф встал и ушел; а я говорю: значит, он не мог сильно пострадать. Ты уверен, что это ты его сбил?

Он повернулся в волнении.

— Вот это-то самое странное. Поначалу я был готов поклясться, что не сбивал. Но потом, после того, когда я увидел…

— Раз уж ты так близко, — заметила Джейн, — мог бы меня поцеловать.

Спустя некоторое время Фред перевел дух, выпрямившись на скамейке, и заговорил безапелляционным тоном:

— Воскресенье в Англии долгие годы высмеивалось и охаивалось. Воскресная скука была мишенью для самых дешевых шуточек, еще более популярной, чем даже тещи и Королевская академия. Это недоразумение, утверждаю я, просто

чудовищно. И собираюсь написать по этому поводу разоблачительное эссе. Если уж сегодняшний воскресный вечер скучен, дорогая моя, то все, что я могу сказать с должной сдержанностью…

Он умолк, потому что она вдруг резко выпрямилась.

— Воскресенье! — воскликнула она.

— Все правильно. И что с того?

— Воскресенье! — повторила Джейн. — Бар и бассейн закрываются вовсе не в одиннадцать. Они закрываются в десять! Служащие все запирают. А сейчас уже, должно быть, почти одиннадцать!

Он присвистнул.

— Значит, всех твоих гостей, — заметил он не без удовольствия, — давным-давно прогнали домой? Ну-ну.

— Но, Фред, милый, если мы не сможем забрать свою одежду…

— Лично у меня, ведьма моя (да, я сказал «ведьма»), от подобной перспективы захватывает дух. Не вижу насущной необходимости в большем количестве одежды, чем на нас сейчас. Совсем наоборот, как заметил кто-то, но это так, между прочим.

— Ты и домой в халате поедешь?

— Не важно. Мы что-нибудь раскопаем. Идем.

Осмысливая случившееся позже, Фред вспомнил, что уже какое-то время не видел света в других частях зимнего сада. Он открыл дверь с матовым стеклом в примыкающую к ним секцию.

Темнота.

Остальные двери стояли распахнутыми во всей анфиладе зимнего сада и казались призраками в темноте. В самом конце, со стороны бассейна, слабо пробивался какой-то свет.

Они на ощупь двинулись на него, ощущая на лице неприятное прикосновение каких-то мохнатых усиков, и выбрались в помещение с бассейном. Лишь одна маленькая лампочка под потолком в центре просторного купола горела — очевидно, дежурная, оставленная на всю ночь.

Ее отражение было разбросано светящимися точками в тусклых, потемневших зеркалах. Оно же дрожало на едва заметной ряби воды в бассейне, матово-зеленой. И растекалось по контурам пляжных шезлонгов и столов, подергивая их вуалью теней. Все вокруг выглядело аккуратно прибранным, прохладным и слегка зловещим. Двери «Американского бара» были закрыты и заперты.

Фред подергал большую дверь, ведущую в фойе,

к раздевалкам и лестнице наверх. Она тоже была заперта.

— Вот и все, — объявил он вслух.

Его голос вознесся и гулко прокатился, возвращаясь к нему в этой мраморной скорлупе. Эхо отчетливо отозвалось: «Вот и все» — из-под потолочного купола.

Джейн засмеялась, и озорной голос принялся вторить ей из-под потолка, доводя ситуацию до абсурда.

— Ты хочешь сказать, нам не выйти?

— Можем попробовать колотить в дверь. Только это помещение расположено под землей, в отеле сейчас не сезон, а значит, обслуги самый минимум, кроме того, в загадочном городе Тонише рано ложатся спать. Впрочем, попытаться можно.

Он попробовал постучать по тяжелой двери и покричать. Спустя несколько минут подобного занятия он не добился никакого результата, если не считать действующего на нервы шумного эха, после чего Джейн упросила его прекратить.

Они переглянулись.

Джейн подмигнула.

— Ну что же, подозреваю, бывают места и похуже, — вздохнула она. — Но все равно жаль, что

так завершился наш первый вечер.

— Где бы я ни оказался с тобой, моя ведьма, там и рай. Однако мои романтические чувства возмущает перспектива устраиваться на ночлег на мраморном полу или в зеленых зарослях. Погоди! — Он подумал. — А вот любопытно…

— Что именно?

— Почему не погас свет в том месте, где мы с тобой сидели? Нас ведь вряд ли приняли бы в расчет. По той же причине, по какой осталась гореть лампочка здесь: это дежурный свет. Понял! Мы же находились в самом дальнем конце зимнего сада. Припоминаю, там тоже имеется дверь. Если она не заперта, то выведет на лестницу, а потом в холл этажом выше в глубине отеля.

— Стоит попытаться?

— Я попытаюсь. Ты оставайся здесь. Несмотря на все, что я наговорил, я не предлагаю тебе маршировать через холл отеля «Эспланада» в таком наряде. Если та дверь действительно открыта, я поднимусь и мигом выпущу тебя с этой стороны.

— Хорошо. Только давай недолго.

Он поспешил в зимний сад так, что полы голубого халата развевались за спиной. После трудного, судя по его возгласам, перехода сквозь заросли наступила тишина, а затем послышался

торжествующий вопль:

— Открыто! Сейчас вернусь!

Вдалеке хлопнула дверь.

Джейн облегченно выдохнула.

От захлопнувшейся двери вибрации, кажется, прошли по всему зимнему саду, и даже вода в бассейне как будто задрожала.

Отражение той самой единственной тусклой лампочки раздробилось на блики на не заметных глазу волнах. Даже пробковые пляжные сандалии Джейн гулко шлепали по полу.

Она опустилась в шезлонг, придвинутый к стене, и потянулась. Купальник под халатом вызывал неприятные ощущения, ей хотелось переодеться в сухое.

Одна часть ее разума твердила, что это место вовсе ей не нравится. Даже собственное отражение, пойманное краем глаза при движении, несло какой-то скрытый смысл: словно множество людей надвигаются на тебя со всех сторон из тускло освещенных комнат за зеркалами. Но другая часть ее разума, всегда все замечавшая, неистово ликовала. Она сощурила глаза, задумчиво уставившись в потолок.

— Ты, — взмолилась она, — Ты, который даешь просящим, я счастлива. Всю свою жизнь я ощу-

щала себя мертвой, но теперь я жива. Сделай и его счастливым. Это все, чего я хочу. Сделай…

Джейн умолкла и села прямо.

Лампочка под потолком без всякого предупреждения погасла.

Глава шестнадцатая

Джейн сидела неподвижно.

Ее первой мыслью было, что свет, должно быть, погасил Фред, выключил, считая, что включает что-то. Но это едва ли казалось разумным, а она была разумная девушка. Ведь вряд ли выключатели лампочек в бассейне окажутся в коридоре по другую сторону от зимнего сада. Они, скорее, находятся с этой стороны, в коридоре за главной дверью.

И это, вероятнее всего, означает, что кто-то есть в коридоре прямо сейчас и она может позвать его через дверь.

Внезапная темнота всегда пугает. Здесь же она почти граничила с катастрофой. Джейн поднялась и поняла, что имеет весьма смутные представления о том, в какой стороне дверь.

Темнота казалась не просто повязкой на глазах, она напоминала тяжкий груз, навьюченный на нее. Подступала паника, чувство, что она потерялась, какое иногда накатывает во сне. К темноте примешивалось испытанное раньше ощущение тишины подземелья — она в склепе.

— Эй! — выкрикнула она.

Собственный голос пусто зазвенел, он словно соскользнул с круглого купола потолка, как вода со стенки миски. И эхо буркнуло: «Эй!» — из-под купола, после чего вибрации затихли. Она сделала пробный шаг. Сбросила сандалии, потому что они шлепали, действуя ей на нервы, и шагнула еще раз.

Где же дверь? Где хотя бы бассейн? Лучше особенно далеко не шагать, а не то упадешь в воду. Она развернулась влево, водя перед собой руками, однако от этого лишь окончательно потеряла чувство направления.

Где там Фред? Почему он еще не вернулся?

Она смело двинулась вперед, решив, что выбрала верное направление. Через два шага она резко остановилась и застыла, подавшись вперед и прислушиваясь.

Здесь, с ней, есть кто-то еще.

Звук был мягкий, но безошибочно узнаваемый. Едва слышное шарканье кожаных подметок: шаг, остановка, следующий шаг, — кто-то надвигался на нее, неуверенно, стараясь определить, где она находится.

— Кто здесь?

Звук внезапно оборвался. Ее голос взлетел к

потолку, эхо пронзительно отозвалось, словно дождь закапал вокруг, барабаня по ушам. Однако никакого ответа, кроме ее собственных повторившихся слов из-под купола, не последовало. Спустя много секунд, когда давно смолкло эхо, к которому тот другой человек, кажется, тоже прислушивался, шаркающие шаги зазвучали снова.

Теперь они стали гораздо ближе.

Мраморный мозаичный пол под ногами был теплым и слегка ребристым. Сердце громко колотилось, она была на волосок от слепой паники. Ей казалось, она заперта здесь уже много часов. Ее выслеживали исподтишка, преследовали, загоняя в тесный угол или в душную гробницу. Каждый раз, когда она заговаривала, ее преследователь уточнял направление и подбирался ближе.

Джейн попятилась, понятия не имея, куда идет. Нога врезалась в край легкого шезлонга, и тот громыхнул. Она нашарила его, схватила и зашвырнула наудачу в темноту перед собой. Он загремел по полу, проехав какое-то расстояние.

А потом она развернулась и побежала, замерла, поскользнувшись и едва не упав: одна нога зависла над гладкой, изогнутой пустотой бездны.

Бассейн.

В бассейне она будет в безопасности. Она отлично плавает, в воде она чувствует себя гораздо увереннее, чем почти все ее знакомые. Там у нее может быть шанс. По меньшей мере, это развеет ее сомнения. Если этот человек в темноте последует за ней, он действительно задумал что-то зловещее…

Стоя на краю бассейна, она слышала собственное затрудненное, сиплое дыхание с призвуком ужаса. Оно заглушало все остальные звуки. Она молилась, чтобы оказаться в нужном месте, чтобы стоять над глубоким краем бассейна. Выскользнув из халата, она отбросила его в сторону. Приготовилась и нырнула.

Громкий плеск отдался раскатистым грохотом. Джейн, погружавшейся в бездонные глубины, вода показалась холодной — ледяной. Она ведь без шапочки, вспомнила она. Ну и вид у нее будет, когда вернется Фред. Если Фред когда-нибудь вернется.

Пара гребков брассом, и она достигла дна бассейна. Глубина здесь футов шесть-семь. Но так оказалось даже хуже — как будто она похоронена заживо. Она выплыла на поверхность, высунула голову из воды и прислушалась.

Ничего. Ничего, и довольно долго, если не счи-

тать плеска волн о выложенный плиткой бортик. С волос текло, и она отлепила их, убирая с глаз. Она никак не могла справиться с дыханием, хотя надеялась, что ее не слышно. Бороздя воду, Джейн отчаянно напрягала слух.

Ничего.

Руки двигались автоматически, поддерживая ее на поверхности. Сделав несколько долгих прерывистых вдохов, она снова ощутила необходимость двигаться — куда угодно, — продолжать движение. Она почти беззвучно заскользила на боку. Вода стала еще холоднее, или так ей казалось. Через полдюжины гребков она не столько увидела или нащупала, а ощутила белые фарфоровые перила вдоль бортика бассейна. Она схватилась за них, дрожа и стараясь унять дыхание. Подождала, прислушиваясь.

Послышался новый звук.

На ее руку опустилась рука в перчатке, пальцы сомкнулись на ее запястье.

Джейн закричала непроизвольно. Собственные крики напугали ее не меньше, чем эта рука, поскольку в них явственно слышались безумные нотки. Крики пронзили купольный свод, заполнили пространство и отдались эхом. Однако в тот же момент она инстинктивно отшатнулась

назад, оттолкнувшись ногами от белых плиток бортика. Что-то, кажется, сверкнуло, пролетев мимо ее плеча, и обожгло ее.

Схватившие ее пальцы разжались. Джейн перевернулась со спины на бок и захлебнулась, когда голова оказалась под водой. Затем она осознала, что одновременно произошло несколько событий. Она услышала быстро бегущие шаги, что даже в таком положении вызвало у нее недоумение. Кто-то загремел и застучал — должно быть, дверью в фойе. Раздались голоса.

Все огни над бассейном зажглись, ряд за рядом, пока не стало светло как днем. Голоса зазвучали громче, и она услышала, как ключ вставляют в замок.

Дверь в фойе распахнулась. Фред Барлоу, позади которого маячил заспанный ночной портье без пиджака, ворвался внутрь и тут же остановился. Если не считать их, в пышно украшенном фойе никого не было.

Фред, в свою очередь, заметил взбаламученную воду в бассейне, бившуюся о стенки, и блестящие лужи на полу. Увидел, как Джейн смотрит на него, после чего она словно из последних сил подплыла к короткой лесенке.

Фигурка в желтом купальнике схватилась за

перекладины лесенки и с трудом поднялась. Она вышла, и колени у нее слегка подгибались, она дышала с трудом, но старалась засмеяться.

Он сумел заговорить.

— Что тут?.. — выкрикнул он. — Ради бога, что случилось?

— К-кто-то пытался меня…

Он сгреб в объятия фигуру, с которой текло ручьями, убрал с ее лица мокрые волосы и принялся бубнить что-то неразборчивое, очевидно успокаивая.

— Пытался — что?

— Не знаю. Убить, я подумала. Должно быть, я чудовищно выгляжу, да? — Она закашлялась. — Не дашь мне халат?

Халат ей дал ночной портье. Пока она надевала его, смеясь и пальцами расчесывая волосы, заверяя при этом, что с ней все в порядке, ночной портье стоял рядом с выражением крайнего, болезненного неодобрения на лице. Он словно говорил, что широта взглядов широтой взглядов, однако на этот раз дело зашло слишком далеко. Даже когда Джейн рассказала, что случилось, выражение его лица не переменилось.

— Здесь сейчас никого нет, мисс, — заметил он.

Лицо Фреда побелело.

— Кто бы это ни был, — сказал он, — он мог уйти через зимний сад и наверх по лестнице — в точности как шел я. — Он повернулся к портье. — Наверху сейчас есть кто-нибудь? Я имею в виду, кто-то из служащих?

— Нет, сэр. Никого, кроме меня. Сейчас ведь уже половина двенадцатого. Половина двенадцатого!

— Вы не видели, чтобы кто-то посторонний отирался там?

— Нет, сэр. Никого, кроме вас. Я был у себя в каморке, вздремнул немного… Лично я, — прибавил портье с мрачной многозначительностью, — не одобряю все эти игры. Ничего личного.

— Игры! Да вы посмотрите!

Он прошелся вдоль края бассейна и показал рукой. Зеленоватая вода все еще колыхалась волнами, мешая смотреть. Однако было ясно, что все они различают предмет на дне бассейна в нескольких дюймах от стенки, примерно на середине длинной стороны. Это был блестящий металлический предмет, похожий на нож с широкой рукоятью. Кажется, на нем виднелись какие-то буквы.

Вспомнив о чем-то, Джейн сунула правую руку под халат и тронула левую чуть ниже плеча. Пока

мужчины рассматривали нож, она закатала рукав халата, чтобы взглянуть. На руке виднелась очень тонкая царапина, едва вспоровшая кожу, из которой успела выступить пара капель крови. Порез саднило, но никаких других повреждений она не обнаружила.

Фред крутанулся на месте.

— Ты ранена?

— Нет. Ни царапины. Прошу тебя! Не волнуйся!

— Да и не о чем, — объявил портье. — Как и говорит молодая леди. Вы знаете, что там лежит? Это же нож для бумаг.

— Что?

— Нож для бумаг. Он тупой. Им никого нельзя зарезать, как бы вы ни старались. Он из холла наверху или, может, еще откуда. Что, сэр, вы мне не верите? Вы ведь до сих пор не оделись. Нырните, достаньте и сами увидите.

Фред так и сделал. Когда он вынырнул вместе с предметом, портье сиял довольной улыбкой. Вдоль лезвия были выдавлены золотом слова «Отель „Эспланада“, Тониш». Лезвие ножа было скруглено, а кончик такой тупой, что было очевидно — причинить им ощутимый вред никак невозможно. Портье вытер нож о рубашку и су-

нул в карман.

— Лично я, — повторил он, — не одобряю все эти игры. Ничего личного.

— Ладно. Нам нужна наша одежда.

— Не знаю, обязан ли я отдавать ее вам, сэр.

— Хорошо, пусть. Значит, я выйду из этого проклятого заведения в купальном костюме и сообщу первому же полисмену, который меня остановит, что отель «Эспланада» отказывается вернуть мне мои штаны. — Голова у него шла кругом от гнева. — Я тут подумывал уговорить вас принять фунтовую банкноту в благодарность за ваши труды, но если вы настроены таким образом…

— Тсс! Фред! Все хорошо! Он отопрет для нас раздевалки. Вы же отопрете?

— Я не говорил, что не стану этого делать, мисс. Я сказал только, что мне не положено находиться здесь, внизу, после того как все было заперто. Получается против правил. Но если вы пройдете за мной сюда, я, так и быть, отопру вам раздевалки.

Пока он открывал двери, еще одна мысль осенила Фреда Барлоу.

— Минуточку, — бросил Фред и снова сорвался с места.

Он побежал, несмотря на портье, который изда-

вал у него за спиной отчаянные вопли. Широкая лестница, застеленная толстым ковром, вела мимо нескольких лестничных площадок наверх, на первый этаж. Фред перешагивал через три ступеньки разом. Это нападение на Джейн, явно не имевшее цели серьезно ей навредить, все равно сильно обеспокоило его.

Оно было бессмысленным. Оно не вписывалось в дело об убийстве. Угроза? Шалость, детский розыгрыш, призванный напугать? Больше всего походило на последнее. Но в таком случае…

В главном холле, просторном и хорошо проветренном, было темно. Мраморный пол здесь казался гораздо прохладнее, чем внизу, и Фред не стал мешкать. Большие стеклянные двери в глубине вели в основную зону для отдыха, где мерцало насколько огней. Здесь стояло множество пальм в кадках, а в центре помещения сонно бормотал фонтан.

В мягком кресле, такой же сонный, восседал доктор Гидеон Фелл.

Пенсне слетело у него с носа. Трубка выскользнула изо рта, однако от падения на пол ее спасли горные кряжи жилета. Из ноздрей вырывалось таинственное посвистывание, как будто заставлявшее его время от времени подергиваться.

Однако, когда Фред приблизился, он вздрогнул, буркнул что-то и открыл один глаз.

— Давно вы тут сидите? — спросил Фред.

— А? О! Ну да, какое-то время сижу.

— Спали?

— Говоря откровенно, планировал дьявольский заговор. — Он нашарил пенсне и заморгал, поглядев сквозь стекла. — Ого! — удивился он. — Если позволите высказать мое впечатление, вы похожи на монаха нищенствующего ордена, только менее благочестивого и куда более мокрого. Кой черт принес вас сюда?

Фред пропустил все это мимо ушей.

— Вы не видели, проходил кто-нибудь через этот холл — из дальней части отеля в переднюю — за последние несколько минут?

— Если подумать, я видел, как вы проделали это минут десять назад. Только я не поверил своим глазам. Я подумал: должно быть, вы мне приснились.

— Нет, я имею в виду, после меня. Хотя и в том же направлении. Не видели?

— Никого, кроме мистера Эпплби.

— Эпплби!

— Наш друг стряпчий. Вероятнее всего, шел спать. У меня не было настроения болтать с ним,

хотя, как я понимаю, сегодня вечером он общался с Грэмом. — Доктор помолчал. — Впрочем, обратите внимание на все эти пальмы. Я смог бы кого-то увидеть, только если он шел по главному проходу. А что случилось?

Фред рассказал ему.

Дремотное выражение, вызванное сном или сосредоточенными размышлениями, сошло с лица доктора Фелла.

— Мне это не нравится, — проворчал он.

— Именно.

— Не вписывается в наше дело.

— Точно так подумал и я.

Фред был готов развернуться и уйти, признав поиски безнадежным делом. Весь персонал отеля спал, кроме ночного портье, дремавшего в темном фойе; кто угодно, прячась за пальмами, смог бы проскользнуть мимо и выйти, не привлекая внимания доктора Фелла.

Однако он мешкал. Что-то в манере доктора посылало ему предостерегающие сигналы. Кулаки у доктора Фелла были сжаты, в глаза он не смотрел, держался как-то неуверенно и при всем том до крайности сконфуженно. Множество возможных причин, все неприятные, пришли на ум Фреду.

— Полагаю, — произнес он, обернувшись через

плечо, — вы с инспектором Грэмом были сильно заняты?

— О да. Очень заняты.

— Новости есть?

— Кое-какие новые улики. Нам пришлось в некотором смысле откапывать их. Все перевернули вверх дном. — Словно приняв какое-то решение, доктор Фелл откинулся в кресле. — Между прочим, — прибавил он, — мы немного побеседовали с неким Джорджем Гербертом Дайэлем, больше известным как Черный Джефф.

Фонтан напевал что-то вполголоса. Фред внимательно изучал пол, покачиваясь вперед-назад на носках. Глаз он не поднимал.

— И что же? Он ранен? Серьезно?

— Ранен? — переспросил доктор Фелл. — Ничего он не ранен. Но было бы любопытно услышать, мистер Барлоу, почему вы считаете, что он должен быть ранен.

Фред засмеялся:

— Я не говорил, что должен. Если вы вспомните, я сказал Грэму: боюсь, он мог пострадать, потому что я видел, как он лежит на дороге. Однако я рад услышать обратное. Значит, он в полном порядке?

— Редко можно встретить, — отозвался доктор

Фелл, — человека более здорового и более грязного. Мы обнаружили его в совершенно свинском состоянии в одном из демонстрационных домов в переулке Влюбленных, его обычном месте обитания, по словам Грэма. Он уже приходил в себя после запоя и поедал консервированные сардинки на завтрак, пришедшийся у него на разгар дня. Слушайте! Успокойтесь уже! Что с вами происходит?

— Ничего. Продолжайте.

Доктор Фелл внимательно смотрел на него.

— Если вам почему-то интересно, сэр (хотя я и представить себе не могу с чего бы), он говорит, что не помнит ровным счетом ничего из того, что происходило между вечером пятницы и утром субботы. Что прискорбно. Если в ночь на субботу он ошивался где-то в районе переулка Влюбленных — скажем, неподалеку от некой телефонной будки, — он смог бы подтвердить кое-какие интересные факты.

— В самом деле? И что же?

На этот раз доктор Фелл пропустил его слова мимо ушей.

— Бакенбарды у него поистине примечательные. Еще мне понравились мясницкая куртка и этот его пестрый платок. Но в качестве свидетеля

он… нет. Нет, полагаю, нет.

— Ладно, я пойду, пожалуй, доктор. Доброй ночи.

— Да, вид у вас несколько измученный. Примите аспирин, запейте виски — и в кровать. Если завтра примерно после ланча окажетесь неподалеку от летнего дома Горация Айртона, возможно, вам стоит к нему заглянуть. У инспектора Грэма созрело несколько идей, которые могут всех удивить. Вот вам мой бесплатный совет.

Журчанье фонтана завораживало. Фред ощутил, что ему трудно сдвинуться с места. Это походило на один из тех телефонных разговоров, который ни один из собеседников не знает, как завершить. У доктора Фелла, похоже, возникли те же трудности. Фред пробормотал какие-то вежливые слова и вышел из затруднительного положения, направившись к двери. Однако не успел он сделать и пяти шагов, как зычный голос доктора остановил его:

— Мистер Барлоу!

— Да?

— Вы не сочтете меня совсем бестактным, — произнес доктор Фелл, морща лицо, и без того уже красное и страдальческое, — если я скажу, что хотел бы заранее выразить вам мои соболез-

нования?

Фред уставился на него:

— Соболезнования? Что именно вы имеете в виду?

— Только это. У меня предчувствие. Но мне бы хотелось заранее выразить вам мои соболезнования. Спокойной ночи.

Глава семнадцатая

«Компания по строительству и продаже недвижимости Экмана», ныне прекратившая свое существование, некогда вынашивала грандиозные планы насчет деревенской дороги, переименованной ради такого дела в авеню Веллингтона, но которую местные все равно упорно называли переулком Влюбленных.

Улица должна была стать центром, точкой отсчета. От нее должны были разбежаться в разные стороны чудесные кварталы домов по приемлемой цене (от 650 до 950 фунтов), улицы для которых уже были прочерчены на картах в конторе компании: авеню Кромвеля, авеню Мальборо, авеню Вольфа и так далее.

Эти улицы так и остались красной глиной и зарослями крапивы. Однако в переулке Влюбленных, на единственной сносной дороге, пересекавшей главное шоссе между Тонишем и заливом Подкова, лежали бетонные плиты. И стояла телефонная будка. Она находилась ярдах в двадцати от начала переулка, где его границы расширялись и расступались, переходя в приятную сельскую

местность. Здесь же заканчивались бетонные плиты, теряясь под глиной и россыпями гравия. В этом месте, на начерно расчищенном клочке земли, по одну сторону дороги стоял образец отдельного дома, а по другую — образец дома на две семьи.

Дома разрушались и темнели. Изначально они были из красного кирпича с белой штукатуркой. Однако их нельзя было купить или арендовать, даже если бы кто-нибудь захотел: законное право собственности оставалось под вопросом из-за сложного положения одного из директоров компании, отбывавшего срок в Дартморе. В домах играли дети, пару раз вспыхивали скандалы из-за застуканных здесь любовных парочек, ветер хлопал ставнями, крысы прогрызали дырки.

Вскоре после полудня, в понедельник, 30 апреля — день был солнечный, но по небу бежали облака, — Констанция Айртон свернула с главного шоссе и прошла по переулку Влюбленных.

Она шла с непокрытой головой, правда в отделанном мехом пальто поверх темного платья. Светлые волосы были причесаны без всякого изыска, и от макияжа она почти отказалась. Может быть, по этой причине она выглядела старше. Только в прошлый четверг она разговаривала с

Тони Мореллом в маленьком садике за зданием сессионного суда, в тот день, когда Джона Эдварда Липиата приговорили к смерти. И все же она казалась старше.

А еще казалось, что Констанция бредет куда-то без цели и смысла. Она шаркала по дороге ногами. И складывалось впечатление, что ее заставили куда-то идти. Она хмуро поглядела на телефонную будку, но не стала останавливаться.

Бетонные плиты дороги покрывали трещины — бетон здесь всегда был плохой. Немного посомневавшись, она двинулась к одному из демонстрационных домов. Она почти дошла, когда снова остановилась — вдруг.

— Привет! — произнес голос, в котором удивление смешивалось с облегчением.

Перед одним из входов в дом на две семьи, по правой стороне, стоял знакомый автомобиль. «Кадиллак» с красным кожаным салоном. Сверкающая чистотой машина особенно ярко контрастировала с обветшавшим строением. Констанция узнала «кадиллак» даже раньше, чем узнала голос. Джейн Теннант, натягивая перчатки, спустилась с двух ступенек крыльца:

— Конни!

Констанция сделала такое движение, будто

хотела развернуться и бежать. Но Джейн спешно пересекла участок, некогда, вероятно, предназначавшийся для палисадника, и преградила ей путь:

— Конни, где тебя носило? Мы тут чуть с ума не сошли.

— Я уехала и остановилась в летнем доме папы. Уехала на автобусе. Разве нельзя?

— Но неужели ты не могла позвонить и сообщить, где ты?

— Нет, спасибо, — мрачно отозвалась Констанция. — Хватит с меня уже проблем с телефонами.

Джейн, кажется, немного растерялась. Хотя она снова облачилась в свой твидовый костюм, живость и нежность ее лица компенсировали все его недостатки. Констанция на нее не смотрела, однако, похоже, это она отметила.

— Все просили меня передать тебе наилучшие пожелания, — продолжала Джейн. — Они ужасно жалели, что не смогли с тобой попрощаться перед отъездом…

— Они что, уже уехали? Все?

— Да, разъехались сегодня утром. Сегодня же понедельник. Хьюго Рейкс настойчиво просил меня передать, чтобы ты не забыла, однако не уточнил, о чем именно.

Констанция рассматривала землю под ногами и задумчиво улыбалась.

— Да, Хьюго такой милый, правда? Он умеет повеселиться. Остальные — нет. Если бы не его…

— Не его что?

— Ничего.

— Сегодня утром у него было жуткое похмелье, — заметила Джейн. — И здоровенный рубец на лбу после того, как он пытался демонстрировать фигурные прыжки с высокого трамплина.

— Вот как? Хорошо ли прошла купальная вечеринка?

— Изумительно!

— Похоже, ты неплохо повеселилась.

— Так и есть.

— О… А как насчет той безобразной потаскушки в красном купальнике, которая постоянно крутилась вокруг него?

— Лора Корниш?.. Конни, — медленно проговорила Джейн, — откуда ты знаешь, что она была в красном купальнике?

Мертвенно-бледное солнце ослепительно сияло, но отличалось от неба по цвету только этим сиянием. Оно то прикрывалось вуалью тускло-серых бегущих облаков, то снова показывалось. Здесь, на возвышении, чувствовался ветер. Чьи-

то куры, забредшие в середину того, что должно было именоваться Веллингтон-авеню, копались в земле, разбрасывая мелкие камешки.

— Конни, я хочу с тобой поговорить. Давай перейдем на ту сторону.

— Ладно. Хотя я не понимаю, с чего ты хочешь со мной говорить.

На другой стороне дороги стоял дом на одну семью, очевидно гордость компании «Экман и К°», с зелеными рамами на фоне красной кирпичной кладки и некогда белой штукатурки. Все окна успели покрыться слоем грязи, некоторые были разбиты. Парадная дверь под кирпичной аркой криво болталась на петлях. Сбоку имелась пристройка, предназначенная для гаража.

— Куда мы идем? — спросила Констанция.

— Сюда. Я тебе покажу.

— И кстати, что ты здесь делаешь, Джейн Теннант? Как ты вообще сюда попала?

— Пыталась найти бродягу по прозвищу Черный Джефф. Его пожитки сложены в одном из этих домов, но самого его нет. Если на то пошло, что здесь делаешь ты?

— На самом деле мне больше некуда было пойти, — ответила Констанция. — Меня попросту выставили из дома. Они сейчас все собрались там

— папа, Фред Барлоу, доктор Фелл и инспектор Грэм — и ведут себя как безумные. А маленькая девочка пусть пойдет поиграет на улице, пока серьезные дяди беседуют. — Она застыла на месте, когда Джейн толкнула перекошенную дверь. — Нам сюда?

— Сюда.

С потолка в небольшой прихожей до сих пор свисала маленькая венецианская люстра. Они прошли в кухню, потускневшую от пыли. Стены над плитками пола были сплошь в инициалах и надписях, сделанных карандашом. На электрическом холодильнике стоял ряд пустых пивных бутылок. Джейн закрыла дверь.

— Здесь нас никто не подслушает, — произнесла она. Она поставила сумочку на холодильник. Стиснула кулаки от острого приступа неуверенности, пронзившего ее. — Конни, — прибавила она негромко, — это ведь ты напала на меня вчера вечером в бассейне?

— Да, — ответила Констанция после паузы.

И ничего больше.

— Но зачем? Ради всего святого, зачем? За что ты так сильно меня ненавидишь?

— Я не ненавижу. Я тебе завидую.

— Завидуешь?

Констанция прислонилась спиной к раковине, взявшись руками за бортики. Судя по ее тону, она не испытывала никаких особых переживаний. Глаза, большие, карие, подвижные, взирали на Джейн с неподдельным любопытством.

— У тебя ведь нет родителей, верно?

— Они уже умерли.

— И у тебя куча денег, твоих личных?

— Можно так сказать.

— И никто, — продолжала Констанция, — не указывает тебе. И еще ты старше меня, значит, когда ты поступаешь по своему усмотрению, никто не скажет, что ты сумасбродка, а мне такое говорят постоянно. Да, ты старше меня. Хотела бы я, чтобы мне было лет тридцать пять, пусть бы я была старая и морщинистая…

— Конни, дорогая, что за глупости…

— Но, по крайней мере, никто не удивлялся бы тому, что я делаю. Вот ты поступаешь так, как тебе заблагорассудится. Если хочешь поехать в Канны или в Сент-Мориц, то просто едешь. Если хочешь развлечь компанию, развлекаешь компанию. Но разве тебе от этого весело? Нет. Ничего подобного. Тебе вовсе не было весело, когда вся эта компания гостила у тебя в доме, верно?

Ее голос упал до шепота. И прозвучал чуть

громче шепота, когда она заговорила снова:

— Джейн, мне ужасно, жутко жалко. Видит Бог, я не хотела причинить тебе вред!

Не успела Джейн ответить, как она спешно продолжила:

— Я в каком-то смысле завидовала тебе и Фреду. Я следила за Фредом. Мне хотелось тебя напугать. Просто напугать, чтобы ты была такой же расстроенной и несчастной, какой была я. Я следила за Фредом, потому что еще раньше тебя знала, что ты пригласишь его на эту вечеринку. Я взяла в холле гостиницы этот нож для бумаг. Надела перчатки, потому что так всегда делают в детективах. Ты очень на меня злишься?

— Боже, Конни, неужели ты не понимаешь, что это не важно?

До сознания Констанции дошла лишь часть фразы.

— Так ты не злишься на меня? — с недоверием переспросила она.

— Нет, конечно.

— Я в это не верю.

— Конни, дорогая моя, послушай. Это вообще не имеет значения. Ты… ладно, ты, случайно, не подслушала, о чем мы говорили с Фредом?

— Да, подслушала. И я вас видела. — Теперь

Констанция говорила с величайшим спокойствием, спокойствием человека, уличающего другого в преступлении. — По-моему, это было отвратительно. И сейчас я говорю так не потому, что я гадкая и злая, Джейн, на самом деле я не такая. Но я все равно считаю именно так. Я бы никогда не позволила…

Джейн разжала кулаки. Сделала глубокий вдох. Неуверенность в серых глазах медленно рассеялась, как и легкое огорчение.

— Конни, — сказала она, — какой же ты ребенок! Ты все еще сущее дитя. Я до сих пор этого даже не сознавала.

— Только ты еще мне об этом не говори!

— Погоди, Конни, ты влюблена во Фреда Барлоу?

— Нет, конечно. Он, естественно, мне нравится, но как брат.

— А ты когда-нибудь была по-настоящему влюблена в Тони Морелла?

— Да. Ужасно! Но знаешь… — Констанция опустила глаза и зашаркала по полу ногой, хмуря лоб, — знаешь, теперь он ушел безвозвратно, и я как-то несильно по нему скучаю. Мне всегда было немного неловко, когда он был рядом. Только никому об этом не рассказывай, Джейн, но это

правда. Мне кажется, Хьюго Рейкс гораздо симпатичнее. Конечно, я никогда не смогу испытывать к Хьюго те же чувства, что к Тони, моя жизнь кончена, и нужно радоваться тому, что осталось, однако мне все равно кажется, что с Хьюго ходить на вечеринки гораздо веселее.

Джейн засмеялась. Она тут же подавила смех, потому что Констанция подумала бы, что она смеется над ее чувствами, а не над скрытым в ее словах смыслом. Взгляд ее скользнул мимо Констанции, за грязное окно над раковиной, где солнце то разгоралось, то тускнело над продуваемым ветром пейзажем. То был горестный смех, он завершился чем-то похожим на рыдание.

Она подавила и его.

— Конни, полиция уже говорила с тобой?

— Нет.

— Но ты знаешь, что они тебя ищут?

— Да. Папа вчера вечером спрятал меня у себя в доме, когда они спрашивали обо мне. Джейн, я и подумать не могла, что он может быть настолько человечным. Он сказал — ему нужно время на размышления.

— Ты знаешь, почему тебя ищут?

— Д-да.

Голос Джейн прозвучал пронзительно ис-

кренне:

— Мне хочется, чтобы ты поверила, что я твой друг. Это в любом случае правда, веришь ты или нет. Твой отец в большой опасности, Конни. Я не пытаюсь тебя напугать, я лишь хочу, чтобы ты кое-что осознала.

— Я бы что угодно сделала, — просто ответила Констанция, — чтобы вытащить его из всей этой истории.

— В субботу вечером, в двадцать пять минут девятого, ты пыталась дозвониться мне домой из телефонной будки в этом переулке. Ты пыталась связаться со мной. Конни, что ты хотела мне рассказать?

— Хотела попросить тебя прислать за мной машину, чтобы вернуться в Тонтон.

Ответ был дан незамедлительно. Джейн показалось, он звучит правдиво, но содержит лишь часть правды. Констанция была сейчас похожа на человека, готового немедленно сорваться с места и бежать.

— Это все, чего ты хотела? Ты ведь понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, я не понимаю, что ты имеешь в виду!

— Неужели?

Оттолкнувшись руками от бортиков раковины,

Констанция встала прямо. Она как будто удивилась, поняв, что пальцы свело судорогой оттого, что она долго их сжимала. Затем плотнее закуталась в пальто.

— Какое жуткое место, — заметила она с хладнокровием манекена, демонстрирующего одежду, и примерно с такой же неторопливостью. — Совершенно не понимаю, почему ты захотела остаться здесь, чтобы поговорить. Вместо того, чтобы пойти куда-то еще. Лично я ухожу. — В ее голосе прозвучало тревожное предчувствие. — Ты же не станешь меня удерживать?

— Нет, я не стану тебя удерживать. Но, Конни…

Ответа она не получила. Констанция прошла мимо нее, открыла дверь и вышла через прихожую на призрачную улицу.

Немного поколебавшись, Джейн подхватила свою сумочку и последовала за ней. Она увидела Констанцию в самой высокой точке гравийной дороги, где она стояла, как будто сознательно не замечая никого вокруг, а лишь прикидывая, куда бы ей отправиться дальше.

С вершины этого небольшого подъема тропинка уводила на открытое пространство. Спускалась мимо тщедушных деревьев, истерзанных морским ветром. В трех сотнях ярдов, частично

скрытый деревьями, виднелся угол летнего дома судьи Айртона. И море отсюда было видно: тусклая голубоватая завеса, испещренная искрами света в тех местах, где проглядывало солнце.

Джейн задала свой вопрос:

— Конни, это твой отец убил Тони Морелла?

Констанция заговорила, задыхаясь:

— Нет! Нет! Нет! И если даже это будут последние слова в моей жизни…

Она оцепенела. И Джейн тоже. Они обе резко повернулись, две фигурки на продуваемом ветром холме, и поглядели через поле в сторону дома судьи. Один и тот же вопрос возник у обеих. С той стороны, донесенный ветром, приглушенный, но безобразно отчетливый, прозвучал выстрел.

Глава восемнадцатая

Минут за двадцать или за полчаса до этого момента судья Айртон смотрел, как его дочь выходит через калитку. Смотрел, как она бесцельно вышагивает вдоль шоссе. Затем он развернулся к троим своим гостям.

— И чему же, джентльмены, — вопросил он, — я обязан неожиданной честью видеть вас у себя?

Этим утром он был одет, как для выхода в свет. Его темный пиджак, полосатые брюки, стоячий воротничок и серый галстук выглядели безукоризненно. Они придавали ему — это впечатление трудно описать — какой-то встревоженный вид, который не могла скрыть даже его привычная брюзгливая манера, пробивавшаяся сквозь терпеливую, холодную вежливость.

Доктор Фелл сидел на диване, Фредерик Барлоу — на подлокотнике дивана. Инспектор Грэм занял одно из мягких кресел, положив свой блокнот на шахматный столик.

— Я по-прежнему считаю, сэр, — медленно проговорил Грэм, — что лучше было бы позволить мисс Айртон остаться, как она сама хотела. Боюсь,

нам все равно придется ее вернуть.

Даже если это и был один из его обычных выпадов, лицо Грэма не предвещало ничего хорошего.

— Ее всегда можно позвать прямо отсюда, если вам нужно. Но я между тем жду. Чему же я обязан честью видеть вас?

— Хорошо, сэр, — произнес Грэм, довольно нервно вздернув плечи и прокашлявшись разок-другой, прежде чем продолжить, — суть в чем. Сегодня рано утром я был на совещании с моим шефом и с начальником полиции графства. Мы прошлись по всему этому делу. Сказать по правде, оно нам не нравится. В общем, мое начальство не видит смысла, как не вижу и я, откладывать и дальше.

— Откладывать дальше что?

— Арест, — ответил Грэм.

Судья Айртон закрыл и запер на задвижку французское окно, отчего в комнате стало еще темнее.

Он вернулся к своему привычному креслу, сел и закинул ногу на ногу.

— Продолжайте, — предложил он.

Грэм мрачно задумался.

— Видите ли, сэр, дело обстоит так. С самого начала я зашел в тупик. Я открыто в этом при-

знаюсь. Возможно, я двигался по верному пути, однако не заметил многого из того, что все время лежало у меня прямо перед носом, пока доктор Фелл не указал мне.

Аляповатое кресло под судьей было обито какой-то грубой тканью. Они услышали, как ногти судьи Айртона скребут по подлокотникам, когда он принялся сжимать и разжимать пальцы.

— Вот как. — Он бросил взгляд на доктора Фелла. — Значит, это вашей… э… напряженной умственной работе, сэр, мы обязаны тем, что мы, как нам кажется, успели установить?

— Нет! — твердо ответил доктор Фелл. Его зычный голос загромыхал в сумраке, и он понизил его: — Я лишь смог, по счастливой случайности, продемонстрировать, как было совершено это убийство. За все остальное я не несу никакой ответственности.

— Как было совершено убийство? — повторил судья Айртон в искреннем изумлении. — Разве хоть раз возникали сомнения, как именно оно было совершено?

— Дорогой мой сэр, — произнес доктор Фелл, — у меня в голове не было ни малейших сомнений ни по одному другому пункту, кроме этого. С вашего позволения, мы вам объясним.

— Прошу прощения, я позабыл о гостеприимстве, — заметил судья после паузы. — Не желаете ли что-нибудь выпить, джентльмены?

— Я не буду, спасибо, — отказался Грэм.

— Нет, спасибо, — сказал доктор Фелл.

— Я бы выпил глоточек, — признался Фред Барлоу.

Судья Айртон подошел к серванту. Он налил для своего гостя виски с содовой, а себе плеснул немного бренди из старой приземистой бутылки. Он держал большой стеклянный бокал так любовно, словно в нем содержалось жидкое золото, впрочем, в некотором смысле так и было. Обрезав и закурив сигару, он вернулся на свое место. Сел, согревая бокал, мягко покачивая его содержимое по кругу, пока солнце разгоралось и тускнело за окнами, затем сдержанно поглядел на своих гостей:

— Так я жду.

— Сложность этого дела, — произнес доктор Фелл, — заключалась в том, что с самого начала, похоже, никто не замечал одного важного момента. Мы видели его. Он привлекал наше внимание. Однако по какой-то любопытной причине никто, кажется, не сознавал его значения. Я имею в виду следующий факт. Вокруг пулевого отверстия в

голове Морелла не было следов пороха.

Судья Айртон нахмурился:

— И что же?

— Я повторяю, — настойчиво проговорил доктор Фелл. — Не было следов порохового ожога. Мне вряд ли нужно вам объяснять, что это значит. Это значит, что револьвер при выстреле никто не держал у головы Морелла. Напротив, оружие должно было находиться по меньшей мере в пяти-шести дюймах от него, а вероятнее всего, на еще большем расстоянии. У нас нет способа установить точно.

Он засопел, сделав могучий вдох.

— Теперь понаблюдаем, что это нам дает. Как нам известно, выстрел раздался в тот же миг, когда Морелл произнес свое последнее слово: «Помогите!» — телефонистке на коммутаторе. Но как человек говорит по телефону? Он говорит, почти вплотную прижимая губы к трубке.

Пуля, убившая Морелла, была выпущена сзади. Она вошла в затылок над правым ухом. Оружие должно было находиться на некотором расстоянии.

Разве можно винить меня за то, что я был ошеломлен, обнаружив на внутренней части микрофона в трубке — на внутренней — отчет-

ливые следы пороха? Можно ли винить меня за то, что я был ошеломлен, когда выстрел, произведенный с некоторого расстояния сзади — причем между пулей и телефонной трубкой находилась голова Морелла, — не только оставил следы пороха на микрофоне, но и произвел удар такой силы, что внутри треснула звуковая мембрана?

Доктор Фелл сел прямо.

Он произнес негромко:

— Уверяю вас, джентльмены, это невозможно. Уверяю вас, что, когда этот самый выстрел в половине девятого прозвучал, никакой головы между дулом и телефоном не было. Уверяю вас, револьвер держали примерно в дюйме от микрофона, нацеливая чуть в сторону так, что немного пороха попало внутрь. Уверяю вас, это значит, что выстрел, услышанный в половине девятого, не мог быть тем выстрелом, который убил Энтони Морелла.

Доктор Фелл умолк. Он провел пальцами по копне тронутых сединой волос с выражением острого дискомфорта и даже растерянности на лице.

— Это же ясно, не так ли? — спросил он, переводя взгляд с одного собеседника на другого. — Меня удивило то равнодушие, с которым вы все от-

неслись к высказанному мной недоумению по поводу телефона.

Судья Айртон глотнул бренди.

— Объяснение, — согласился он, — представляется вполне вероятным. В таком случае получается…

Доктор Фелл жестом потребовал тишины.

— Ну как же, — произнес он, — получается, что не Морелл прошептал эти слова: «„Дюны“. Дом Айртона. Помогите!» Получается, кто-то другой прошептал их, а затем намеренно выстрелил едва ли не в телефонную трубку, чтобы у телефонистки не осталось никаких сомнений, что именно случилось. Получается, все это было разыграно и подстроено.

— Умышленно спланировано?

— Умышленно спланировано убийцей, — сказал доктор Фелл, — чтобы доказать: Морелл погиб в это самое время и на этом самом месте.

Инспектор Грэм теребил свою записную книжку. Фред Барлоу допил виски с содовой. А доктор Фелл продолжил:

— Очень многое стало ясно после осмотра этой комнаты в субботу вечером. Получается, было произведено два выстрела. Первый выстрел, предположительно, убил Морелла, который умер

в какой-то момент до половины девятого. Второй выстрел произведен здесь. Но после в револьвере была обнаружена только одна стреляная гильза. Отсюда следует, что убийца должен был вставить в барабан еще один патрон для второго выстрела, желая убедить нас, что выстрел был один.

И вот теперь это подводит к двум интересным вопросам. Первый: откуда взялся этот дополнительный патрон? Неужели убийца принес его с собой специально для этой цели? Или, может, холостой патрон? Или…

Доктор Фелл умолк. С извиняющимся видом он указал на шахматный столик.

— В субботу вечером, размышляя над этими вопросами, я подошел к шахматному столику. Обнаружил в ящике шахматные фигуры и принялся ворошить их. Я по рассеянности подбрасывал и ловил одну из них, когда мой слабый разум вдруг озарил свет понимания. Потому что я вспомнил об одной привычке Морелла, и я вспомнил о его карманном талисмане.

Судья Айртон, кажется, впервые был потрясен. Когда он вынул изо рта сигару, инспектор Грэм увидел на ее конце отметины от зубов. Однако голос судьи звучал ровно:

— Карманный талисман? Ничего не понимаю.

— Его амулет, — пояснил доктор Фелл. — Талисман на счастье. Это был патрон для револьвера тридцать второго калибра. У Морелла имелась привычка подбрасывать и ловить его. Все, кто был с ним знаком, включая мисс Теннант, подтвердят, что этот талисман на счастье никогда, ни при каких обстоятельствах ни разу не покидал его кармана. Однако я припоминаю, как констебль Уимс закончил перечислять предметы, обнаруженные в карманах Морелла, и никакого патрона среди них не было.

— Вот как, — буркнул судья Айртон, допивая бренди.

— Но это как раз привело ко второму вопросу. Если этот патрон, любой патрон, если на то пошло, использовался для второго выстрела, тогда куда, черт побери, вошла пуля?

Он помолчал и в негодовании уставился на остальных.

— Ее нет в этой комнате. Меня заверил в этом инспектор Грэм. Он заверил меня, что все углы и закоулки в этой комнате были обысканы и полиция ничего не нашла, вообще ничего, кроме того, о чем нам известно. Чем больше я докучал инспектору с этим вопросом, пока он вез меня в отель в субботу вечером, тем категоричнее он

становился. И все же пуля не могла исчезнуть. Из чего логически вытекает, что она должна быть здесь.

Судья улыбнулся.

— Ну, тут уж, — заметил он, — не логика, а нежелание отказываться от взлелеянной теории. Потому что пули тут нет.

— О, еще как есть, — возразил доктор Фелл.

За окнами снова потемнело, так что они видели лишь силуэт доктора Фелла, когда он, с присвистом дыша, тяжело поднялся на ноги.

— С вашего позволения, инспектор Грэм покажет, что именно сделал убийца. Сам я недостаточно ловок, чтобы выполнять все эти телодвижения.

В кои-то веки зрители смотрели не на него. Они смотрели на инспектора Грэма. Со всей серьезностью и старательно разыгранной целеустремленностью Грэм вынул из кармана предмет, в котором Фред Барлоу, присмотревшись, узнал пачку жевательной резинки «Сладости Тони». Грэм снял обертку с одной пластинки и сунул ее в рот.

Судья внимательно наблюдал за ним, но ничего не говорил. С таким же выражением лица судья Айртон когда-то смотрел на Тони Морелла.

— Разумеется, — продолжал доктор Фелл, — я должен был прийти к пониманию гораздо раньше. Ведь тут имеется три почти твердых указания на направление, в котором нам следовало смотреть.

Я имею в виду прежде всего телефон, который и без того сильно беспокоил меня. Он беспокоил меня с самого начала, потому что — и я сказал об этом тогда — я не понимал, как телефон мог так сильно разбиться, если его просто смахнули со стола. Выглядел он так, словно кто-то с силой зашвырнул его. Или же поднял на достаточную высоту и уронил на пол.

Потом была еще маленькая подушка с сиденья вращающегося кресла. Я осмотрел ее, и она оказалась грязной. Грязной в совершенно чистом доме. Инспектор Грэм, как мне сказали, тоже в какой-то момент тем вечером брал эту подушку и хлопал по ней, чтобы стряхнуть грязь. Такую, словно кто-то потоптался по подушке мокрыми ботинками.

И наконец, было это.

Доктор Фелл неуклюже затопал через комнату к письменному столу, где, отступив в сторонку, чтобы они все видели, он потянул за цепочку, включая маленькую настольную лампу. И снова

яркий небольшой круг света упал на стол и на пол, как демонстрировал Грэм за день до того.

— Судья Айртон, — продолжал доктор Фелл, — говорит, что, когда он вышел из комнаты в кухню в двадцать минут девятого, горела только эта лампа. Между тем моментом и половиной девятого кто-то включил свет под потолком. Зачем? Как вы видите, у этой настольной лампы неподвижный металлический абажур. Свет попадает только на стол и на пол. Верхняя часть комнаты не освещена вовсе.

Связав вместе все эти указания: первое — кто-то вставал на подушку в кресле перед письменным столом; второе — кто-то поднял телефон на некоторую высоту, прежде чем бросить его, — мы получаем только одно место для поисков. И поистине всего один предмет, который мы ищем.

Доктор Фелл развернулся и прошел к выключателю рядом с дверью в коридор. Свет верхней люстры, когда он нажал на клавишу, ослепил всех, и все заморгали, привыкая к нему.

— Вот так, — произнес доктор Фелл.

Чучело лосиной головы гротескно таращилось на них со стены над письменным столом. Голова была старая, пропыленная, побитая молью. Она шла в комплекте с тошнотворными обоями в

цветочек и вязаными диванными подушками.

Голос судьи Айртона прозвучал тонко и сипло, теперь уже не сдерживаясь и на грани истерики от изумления:

— Вы утверждаете…

— Покажите им, Грэм, — предложил доктор Фелл.

Инспектор Грэм поднялся. Он вынул из кармана брюк револьвер «Ив-Гран» 32-го калибра и проверил, что барабан вращается от движения курка.

Подойдя к письменному столу, он поставил кресло в паре футов перед ним, немного левее лосиной головы. Револьвер он переложил в левую руку. Снял с рычага телефонную трубку. Обернув правую руку носовым платком, он взял и трубку, и телефон. Держа все это в правой руке, а револьвер в левой, он забрался на кресло. Оно пронзительно крякнуло и заскрипело, когда он утвердился на нем.

Его глаза оказались теперь почти на уровне стеклянных глаз лосиной головы. Он нацелил револьвер в выемку или углубление, изображавшее правую ноздрю нелепой чучельной головы. Растянув телефонный шнур на всю длину, он поднес телефон поближе к револьверу. Склонился к

обоим предметам.

А потом заговорил негромко, но отчетливо.

— «Дюны». Дом Айртона. Помогите! — произнес Грэм. Он откинул голову назад… и выстрелил.

Грохот выстрела показался оглушительным в этом замкнутом пространстве. А дальше все произошло слишком быстро, чтобы Фред Барлоу успел проследить, разве только уже позже, вспоминая.

Телефон, выпущенный из руки, загромыхал, ударяясь об пол. Вслед за ним прилетел носовой платок. Правой рукой Грэм сделал какое-то короткое движение, прежде чем она метнулась к левой ноздре лосиной головы, в которую угодила пуля. Но прежде чем он завершил свое движение, что-то странное как будто само собой появилось на ковре на полу рядом с креслом Грэма.

Там материализовалась кучка светло-красного песка, словно перевернули невидимые песочные часы. Песок заблестел в воздухе. Песок собрался в крошечную пирамидку, немного разлетевшись по сторонам, когда большой палец Грэма крепко надавил на ноздрю чучельной головы.

— Ясно! — выдохнул инспектор. Кресло болезненно взвизгнуло под ним, он развернулся и едва не упал. — Жевательная резинка кое на что

годится. Она замазывает дырку от пули тридцать второго калибра не хуже цемента. А когда она затвердеет, вы ни за что не отличите ее по цвету от гипса.

В комнате стояла тишина.

— Да, — вздохнул доктор Фелл, пока все смотрели на него, — это и есть вся история. Только я никак не мог догадаться, пока не оказался на балконе своего отеля вчера и не увидел, как трое рабочих на другой стороне улицы наполняют мешки песком, и тут кто-то сказал мне, что бывший владелец летнего дома был канадцем.

Многие таксидермисты Канады и Соединенных Штатов по традиции набивают большие головы, закрепленные на жестком каркасе и проложенные промасленными лоскутами, мелким песком. Я должен был сообразить, когда увидел эту голову. У нас по Англии, как вы знаете, лоси не бегают. Суть в том, что эта штуковина является натуральным мешком с песком, не более и не менее. А мешок с песком запросто задержит револьверную пулю небольшого калибра.

Он вернулся к дивану и сел.

Инспектор Грэм спрыгнул с кресла, стряхивая с мундира песчинки. Пол под его весом содрогнулся. Он положил револьвер на письменный стол.

— В этом никаких сомнений, — угрюмо заметил Грэм. — Фактически он задержал две пули. Та, которую выпустили в субботу вечером, где-то в глубине этой головы.

— В высшей степени изобретательно, — заметил судья Айртон.

Он, похоже, попытался прокашляться, прочищая горло, — деликатная операция, требующая движения шеи. Однако он умудрился при этом не шевельнуть ни единым мускулом на лице.

— Так вы говорите, — задумчиво подытожил судья, — что это проделал «некто»?

— Да, сэр. Убийца.

— Воистину. Тогда как же я, по-вашему…

Грэм изумленно поглядел на него.

— Вы? — взорвался он. — Боже упаси, сэр, мы и на минуту не могли представить, что это сделали вы! На самом деле нам известно, что вы этого не делали.

За окнами послышался торопливый топот шагов по лужайке. Одно из французских окон распахнулось. Констанция Айртон, а за ней Джейн Теннант ворвались в комнату и тут же замерли. Однако эмоциональное напряжение остальных четверых, или, вероятно, всего троих из них, было настолько велико, что появления девушек никто

не заметил, пока Констанция не заговорила.

— Мы слышали выстрел! — взвизгнула она. — Мы слышали выстрел!

Ее отец вытянул шею, поворачиваясь к ней. Он как будто очнулся и снова пришел в раздражение, увидев ее. Он замахал рукой, словно прогоняя прочь прислугу.

— Констанция, — произнес он холодно, — будь добра, не вторгайся в подобные моменты. Твое присутствие неуместно. Прошу тебя, уходи — и забери эту… — он нацепил свои очки, — эту молодую леди с собой.

Но тут вмешался Грэм.

— Нет, — сказал инспектор с неким мрачным удовлетворением. — Оставайтесь здесь, мисс. Мне кажется, всего лишь кажется, что вы понадобитесь нам всего через пару минут.

Затем он продолжил свою искреннюю речь, обращенную к судье:

— Понимаете ли, сэр, уж кто-кто, но вы бы вряд ли затеяли столь нелепое дело: у себя в доме, собственными рукам накинуть веревку себе на шею. Нет, сэр. Это сделал за вас кто-то другой. Итак, это факт. Мы можем его доказать. Имеются и другие факты. Как только мы обнаружили их… что ж, все встало на свои места. Спросите доктора Фелла.

Каждое слово той истории, которую вы рассказали нам, как бы безумно оно ни звучало, — правда. Это вполне очевидно. Убийца затащил сюда мертвое тело Морелла, пока вы находились в кухне. Убийца включил верхний свет, подготовил сцену, выстрелил в пустоту. Затем убийца толкнул тело Морелла на кучку красного песка и выскочил наружу.

— Мы слышали выстрел, — не отставала Констанция, говоря все тем же пронзительным голоском.

Грэм развернулся к ней.

— Да, мисс, слышали, — подтвердил он и продолжил, неторопливо поведав вновь прибывшим все, что здесь происходило.

Ни Констанция, ни Джейн не стали ничего говорить. Первая сильно побледнела, вторая держалась спокойно, но смотрела во все глаза. Яркий свет люстры высвечивал малейшие изменения мимики.

— Значит, Тони был застрелен, — выдохнула Констанция, а затем замолкла, — не здесь.

— Не здесь, мисс.

— И он был застрелен… не в половине девятого.

— Нет, мисс. За несколько минут до того. По-

чти тогда же, разница всего в несколько минут, и потому ни один врач не сможет установить точное время.

— И его не мог убить… папа.

— Нет, мисс. Я как раз к этому подхожу. Есть только один человек, всего один, кто мог бы его убить. Только один человек, у которого были причины попытаться изменить время и место убийства. Только один человек, который заставил нас поверить, что Морелл был застрелен здесь в половине девятого, а не в другое время и в другом месте, потому что в ином случае ему конец. Теперь у нас имеются улики против этого человека. И я продемонстрирую их вам сию секунду.

Грэм помолчал. Собрался с мыслями. Лицо его густо пошло земляничными пятнами, и он сделал такой вдох, словно собирался нырнуть. Затем он прошелся по комнате и опустил руку на плечо одного человека.

Он произнес:

— Фредерик Барлоу, я вынужден требовать, чтобы вы отправились со мной в полицейский участок Тониша. Там вам будет предъявлено официальное обвинение в убийстве Энтони Морелла, и вы будете помещены под стражу до того момента, как предстанете перед судом в Эксетере

через неделю, считая с сегодняшнего дня.

Глава девятнадцатая

Позже, гораздо позже, доктор Гидеон Фелл пытался припомнить выражение лиц тех, кто присутствовал в комнате, когда они услышали это обвинение.

Это было трудно. Он помнил цвета одежды, позы, в которых стояли или сидели люди, даже то, как падали тени, а вот остальное было смутно и размыто. Он помнил, что Констанция зажала рот рукой. Он помнил, что судья Айртон едва кивнул, словно бесстрастно дожидаясь услышать продолжение. Однако все остальное стерлось, поглощенное волной боли, смертельного страха и боли, хлынувшей от Джейн Теннант и лишившей ее дара речи.

Фред Барлоу, сидевший на подлокотнике дивана, повернул голову к доктору Феллу. Он был в спортивном костюме, коричневом, с черной отделкой, с растрепанными волосами. Доктор Фелл видел его профиль, четкий, словно отчеканенный на монете, и играющие на скулах желваки.

— Так вы считаете, это я сделал, — заметил он, не выказывая особого удивления.

— Естественно, сэр. Мне жаль.

— Инспектор, — произнес Фред, — где именно был убит Морелл? По вашему мнению?

— В начале переулка Влюбленных. На песчаной дюне с кочками травы, по другую сторону от главного шоссе.

— И в котором часу он был убит? Опять-таки — по вашему мнению?

— По моему мнению — и, заметьте, я могу доказать это, — между пятнадцатью и двадцатью минутами девятого.

Пальцы Фреда все барабанили и барабанили по коленке.

— Прежде чем я отправлюсь в отделение полиции, — проговорил он жестким, ровным тоном, — я хотел бы попросить вас об одолжении. Вы говорите, у вас имеются неопровержимые, убедительные доказательства против меня. Вы не могли бы озвучить прямо здесь и сейчас эти доказательства? Я понимаю, что вы не обязаны это делать. Я понимаю, что это противозаконно. Но не окажете ли вы мне подобную любезность?

— Отчего же, окажу, — тем же тоном отозвался инспектор Грэм.

Он вернулся к письменному столу. Извлек из-под него до сих пор никем не замеченный

маленький портфель из коричневой кожи. Отошел и водрузил портфель на шахматный столик. Земляничных пятен у него на лице прибавилось. Он заговорил, обращаясь к судье:

— Вот как было дело, сэр. У нас в Тонише имеется врач, местный терапевт, доктор Халворти Феллоуз. Не путать с доктором Феллом, хотя, если подумать, довольно занятно, что именно эти двое стали некоторым образом ангелами возмездия для мистера Фреда Барлоу.

— Избавьте нас от подобных комментариев, — произнес судья. — Выкладывайте ваши доказательства. Я вам скажу, насколько они убедительны.

— С удовольствием, сэр, — проговорил Грэм сквозь стиснутые зубы. — Ладно. В субботу вечером, уже после наступления темноты, доктора Феллоуза срочно вызвали к пациенту в Кулдаун, на другую сторону залива Подкова. Он как раз ехал по главному шоссе — в сторону залива — и был почти на пересечении с переулком Влюбленных, когда в свете фар увидел мужчину, который лежал на песке на обочине дороги. Этот человек лежал к доктору спиной. Света там было мало. Доктор Феллоуз разглядел только, что это человек довольно плотного телосложения, с черными

волосами и в каком-то сером пиджаке. Над ним стоял мистер Барлоу, который выглядел так (это по словам самого доктора), «словно только что кого-то убил».

Инспектор Грэм выдержал паузу.

— Так вот. Доктор окликнул его и спросил: «Что случилось?» Он, видите ли, подумал, что произошла авария, потому и остановился. Мистер Барлоу ответил: «Это Черный Джефф, он снова напился». И ни слова про аварию, по словам доктора. Доктору Феллоузу этого оказалось достаточно. Он сказал: «Ну так перекатите его поближе к воде, там прилив его протрезвит» — и уехал.

И снова инспектор умолк.

— Он не вышел из машины, чтобы присмотреться. Но к несчастью, он видел мистера Барлоу рядом с телом человека, которого мистер Барлоу только что убил. И потому с этим что-то надо было делать.

Судья Айртон обдумал его слова.

— Вы готовы предположить, — произнес он, — что вместо бродяги Черного Джеффа там на самом деле лежало мертвое тело мистера Морелла?

— Нет, сэр, — возразил Грэм, со щелчком расстегивая застежки портфеля. — Я не собираюсь это предполагать, я собираюсь это доказать.

Он открыл портфель.

— В котором часу это произошло? — спросил Фред, по-прежнему не шевельнувшись.

— Доктор… — Грэм снова захлопнул крышку портфеля, — доктор говорит, что посмотрел на приборную доску, чтобы знать, сколько времени уйдет на дорогу до Кулдауна. Он говорит, двадцать одна или двадцать две минуты девятого, где-то так. Где вы были в тот момент, мистер Барлоу?

— В точности там, где говорит доктор… считайте, что это вы подтвердили.

— Ага! Вы признаете это, сэр?

— Нет, — вмешался судья. — Я не могу этого допустить. Инспектор, этот джентльмен не находится под арестом. Вы не зачитывали ему его права. И таким образом, подобный вопрос является необоснованным и неправомерным, и любая попытка использовать ответ в качестве доказательства приведет к самым неприятным последствиям.

— Как вам угодно, сэр, — отрезал Грэм. — В таком случае, может быть, взглянете на это?

Он извлек из портфеля небольшую картонную коробку и снял крышку, чтобы показать маленький латунный цилиндр внутри.

— Здесь у нас, — продолжал он, — то, что я назвал бы вещественным доказательством номер один. Стреляная гильза от заряда для револьвера «Ив-Гран» тридцать второго калибра. С отчетливым следом от бойка. Совпадающим со следом от бойка на стреляной гильзе, которая сейчас находится в барабане этого револьвера. Обе пули выпущены из этого оружия, что подтверждает баллистическая экспертиза. Иными словами, это то, что осталось от пули, убившей мистера Морелла. — Грэм прибавил: — Найдена в песке в нескольких футах от того места, где, по его собственному признанию, стоял мистер Барлоу.

Грэм закрыл коробку крышкой и убрал обратно в портфель. Теперь он вынул какую-то плоскую посудину, накрытую стеклом.

— А вот здесь у нас то, что я называю вещественным доказательством номер два. Образец песка, смешанный с кровью и… — он с сомнением поглядел на девушек, — кровью и… да что там, с тканями мозга. Нам пришлось взять образцы, чтобы не смыло дождем. Все это было прикрыто слоем чистого песка, так что с первого взгляда не заметишь. Тоже обнаружено недалеко от того места, где стоял мистер Барлоу. Кровь третьей группы, что лично меня не удивляет. У мистера

Морелла была кровь третьей группы.

Он убрал образец.

Когда он вынул следующий предмет, озноб пробрал его слушателей. Вероятно, из-за беловатого цвета, весьма характерной формы и общего ощущения чего-то мертвого и мумифицированного.

— Кто-то, — сказал Грэм, — закопал гильзу и эти окровавленные ошметки и разровнял над ними песок. Только он забыл, что вечер выдался дождливый. Он оставил хорошие, отчетливые отпечатки своей правой руки на песке. Мы сделали слепок. Сегодня утром мы получили для сравнения отпечаток правой руки мистера Барлоу на песке, не объясняя, для чего нам это нужно. Они идентичные. Этот отпечаток оставлен правой рукой мистера Барлоу.

— Держись, Джейн! — резко произнес Фред.

Ужас парализовал всю компанию. Заставил их оцепенеть. Хотя Фред старался держаться непринужденно, но краски сбежали и с его лица. Белый слепок, черное пятно. Белый слепок, черное пятно…

— Ты не делал этого, — прошептала Джейн Теннант. — Ты не делал этого. Ради бога, скажи, что не делал.

Этот голос с надрывом привлек внимание судьи

Айртона и вызвал его раздражение.

— Мадам, — произнес он, — надеюсь, вы извините меня, если я попрошу вас предоставить это дело мне. — Он снова развернулся. — Действительно, это уже кажется серьезным. Есть у вас какие-нибудь объяснения, сэр?

Белый слепок, черное пятно. Черное пятно, заволакивающее сознание и погружающее его в темноту. Фред отупело поглядел на судью.

— Думаете, это я сделал? — спросил он, и в голосе прозвучало мрачное любопытство.

— Я не говорил, что я так думаю. Однако, если вы будете продолжать в том же духе, боюсь, вы не оставите мне выбора. У вас либо есть ответ на это обвинение, либо нет. Вы дадите этот ответ?

— В данный момент не дам, нет.

Судья поглядел задумчиво:

— Вероятно, это мудро. Да, вероятно, это мудро.

Фред продолжал всматриваться в него с тем же мрачным любопытством, медленно дыша. После чего повернулся к Грэму:

— Прекрасная работа, инспектор. Случайно, вы не попытались проследить, откуда я взял револьвер?

— Пока еще нет, сэр, однако при всех остальных уликах нам это и не нужно. У нас имеется сви-

детель, который заявляет, что вы обычно возите револьвер в кармане на правой дверце вашего автомобиля. Вот вся история, как я ее представляю.

Преступление не было спланированным. Скажем так, оно было совершено спонтанно. В субботний вечер вы выехали в сторону Тониша, чтобы купить сигарет, в точности как вы сказали.

Вы были рядом с переулком Влюбленных, когда увидели, как мистер Морелл идет по дороге вам навстречу. Заметьте, вы ненавидели мистера Морелла. Это же вы не станете отрицать?

— Нет, не стану.

— У вас имелась причина желать, чтобы он убрался с пути, о чем нам может рассказать мисс Айртон. Когда вы увидели, как он идет навстречу по пустынной дороге, где машины обычно проезжают раз в двадцать минут, могу поспорить, у вас возникли две мысли. Первая была: «Если Морелл приехал к судье, ему не повезло, потому что судья в Лондоне». А вторая: «Черт, да я могу убить его здесь и сейчас, избавиться от пройдохи раз и навсегда, лучше не придумаешь».

Вы человек порывистый, Фредерик Барлоу. Вот как вы поступаете: трах-бах, а о последствиях подумаю потом. Таким образом, как мне известно

по опыту, действует большинство убийц.

Вы остановили машину и вышли. Он поравнялся с вами. Вы не оставили бедному парню ни шанса. Вы выхватили свой револьвер из кармана на дверце машины. Он догадался, что вы задумали, развернулся и попытался бежать в сторону пляжа. Там чуть дальше стоит фонарь, и вы четко видели его контур. Вы выстрелили ему в затылок над ухом, когда он был на другой стороне дороги.

Пока что, в общем и целом, вы были в безопасности. Едва ли кто-нибудь слышал выстрел за шумом прибоя, и, как я отметил выше, шоссе пустынное. Однако, по неудачному стечению обстоятельств, когда вы подошли к Мореллу, внезапно испугавшись и пытаясь решить, что делать, мимо проезжал доктор Феллоуз.

Вам пришлось соображать очень быстро. Впрочем, никто до сих пор не упрекал вас в тугодумии. Вы вспомнили, что Черный Джефф всегда ночует в одном из этих демонстрационных домов в переулке Влюбленных. Джефф ходит в мясницкой куртке, которая когда-то была белой, но давно уже сделалась грязно-серой, похожей по цвету на костюм мистера Морелла. И с затылка, когда не видно бакенбард и прочего, этого парня вполне можно перепутать с Джеффом при плохом осве-

щении, особенно если сказать, что это Джефф. Что вы и сделали, и доктор поехал дальше.

Насчет Джеффа можно было не волноваться. Всем в городе известно, что с вечера пятницы он уходит в запой. И потом ни за что не вспомнит, где был в субботу вечером и не валялся ли у обочины, как вы заявили. Только перед вами лежал не Джефф. И если труп мистера Морелла обнаружится там или где-то неподалеку, если не продемонстрировать, что он был жив, после того как вас видели стоявшим над телом, тогда доктор Феллоуз позже вспомнит этот момент и скажет себе: «Надо же! А это был не...» И готово. Потому вы вдруг подумали: «Летний домик судьи».

Фред поинтересовался насмешливо-цинично:

— Чтобы бросить подозрение на судью, как я понимаю?

— Нет! Ни в коем случае! Просто вы ведь считали, что он еще в Лондоне и вернется только последним поездом. Значит, у него будет твердое алиби.

Вы забросили тело мистера Морелла в машину, погасили фары, скатились по переулку Влюбленных и доехали до дома судьи. Огляделись. Везде было темно, за исключением одного маленького огонька в этой комнате, который хозяин, навер-

ное, оставил, чтобы было легче добраться до дома в кромешной темноте. В комнате же никого не было.

Ваш план с пулей и жевательной резинкой, которые, как вы знали, всегда носит при себе мистер Морелл, был разработан за пару минут. Я слышал, что в суде вы неизменно ловко использовали любые внезапно поданные материалы, сэр. У мистера Морелла на пиджаке, после того как он упал, остался песок с пляжа. Вы стряхнули его почти полностью, хотя — может быть, вспомните? — Берт Уимс обратил наше внимание на небольшое количество белого песка на одежде. А еще — этого же вы никак не могли забыть — на пиджаке мистера Морелла, когда мы его увидели, спереди все еще виднелись влажные пятна.

В этот момент заговорил судья Айртон.

— Верно, — заметил он. — Лично я — помню.

Грэм со щелчком закрыл портфель.

— На этом почти все. Вы занесли тело внутрь, оставили его отпечатки на телефоне и других предметах, взяли из нагрудного кармана его платок — который мы нашли здесь, помните? — чтобы самому не оставить отпечатков, и разыграли свое представление. Вы выстрелили, спрыгнули на пол, перекатили тело поближе к

письменному столу, когда…

— Вероятно, я услышал, как кто-то идет? — поинтересовался Фред. Голос его до сих пор звучал ровно.

— Верно. Вы услышали, как идет судья. Вы бросили револьвер и выскользнули через французское окно. Вам пришлось оставить оружие в доказательство, что был сделал только один выстрел. Однако вы были вполне уверены, что мы не сможем связать оружие с вами, и мы не можем.

Вам оставалось сделать еще только одно. Вы знали, после телефонного звонка, что полиция прибудет моментально и имеется всего одна дорога, по которой они поедут. Потому вы вернулись обратно, поставили свою машину так, чтобы ее невозможно было не заметить, на обочине встречной полосы со включенными фарами, и остановили Берта Уимса своей историей о Черном Джеффе, чтобы она запечатлелась у всех в сознании так же ясно, как ваш выстрел запечатлелся в сознании телефонистки.

Последние слова Грэм произнес оглушительно громко. Затем перевел дух после столь долгой речи.

— Доказательство здесь, — прибавил он, похло-

пав по портфелю.

— Ваше единственное доказательство, инспектор? Весьма сильное, признаю, но это все, что у вас есть против меня?

— Нет, — без всякого выражения произнес Грэм. — Именно поэтому я и хотел, чтобы мисс Айртон пришла сюда.

Констанция успела отойти и теперь стояла, прислонившись к серванту. Она как будто хотела оказаться как можно дальше от Джейн Теннант. Ее лицо — бледное, с мелкими чертами, миловидное — выглядело сейчас осунувшимся, как будто от болезни.

— Ч-чтобы я? — пробормотала она с запинкой и отодвинулась еще дальше.

— Понимаете, сэр, — продолжал Грэм, одарив ее короткой сочувственной улыбкой, прежде чем повернуться к судье Айртону, — нас совершенно не убедила история мисс Айртон. Нет. И не убеждает до сих пор. Но мы неверно ее истолковали. Вплоть до того момента, когда доктор Фелл обратил наше внимание на второй патрон и ложный телефонный вызов, мы считали, что она *лжет*, пытаясь выгородить вас.

Но затем я сказал себе: «Каким же образом она защищает отца, какая польза от ее показаний?»

Да никаким. И никакой. То, что она рассказала, не сильно вам помогло, улавливаете? На самом деле единственное, на чем она упорно настаивала… как же там было? Я вам скажу. Она видела, как мистер Морелл идет по дороге и заходит в дом в двадцать пять минут девятого. Ну и ну! Вот тут-то я и очнулся! Она выгораживает не отца. А мистера Барлоу.

Грэм развернулся кругом и поглядел Констанции в глаза. Он был хмур и сконфужен, лицо в ярком свете потолочной люстры блестело красными пятнами, однако он как будто завораживал ее своей искренностью. И говорил вполне дружелюбно:

— Что ж, мисс, вот как обстоит дело. Мы можем доказать, что в двадцать минут девятого, через пару минут после того, как мистер Морелл был застрелен, вы находились в телефонной будке в переулке Влюбленных всего в шестидесяти футах от места убийства. Даже если бы мы не могли этого доказать, мы все равно знали, что вы вешаете нам лапшу на уши. Мистер Морелл был мертв к двадцати пяти минутам девятого, а люди не ходят по дороге с пулей в голове. Вы не можете цепляться за эту версию, если только не хотите навлечь на себя серьезные беды. Мисс, вот что я

думаю… Я думаю, вы видели, как мистер Барлоу застрелил мистера Морелла.

Он прокашлялся.

— Еще я думаю, что вы побежали к этой телефонной будке — должно быть, в состоянии, близком к истерике, — и попытались дозвониться до мисс Теннант. Вероятно, чтобы попросить увезти вас оттуда. Но у вас не получилось, потому вы вернулись обратно к дому отца. Черт побери, мисс, не могли вы находиться так близко и при этом ничего не увидеть и не услышать звук выстрела! И ваша ложь, будто вы видели мистера Морелла после того, как он погиб, доказывает, что вы должны были видеть! Единственный вопрос, который остается, — нужно ли посадить вас под замок как соучастницу, после того как вы…

— Нет! — выкрикнула Констанция.

— Не стану распространяться на эту тему, — заявил Грэм, — потому что не хочу, чтобы вы подумали, будто я пытаюсь оказать на вас давление. Ничего подобного я не делаю. Я говорю только: если вы действительно видели, как мистер Барлоу совершил преступление, ваш долг сообщить мне. Вы не можете цепляться за вашу версию. Если продолжите, нам придется допрашивать вас, пока мы не выудим правду, и вот

тогда у вас будут серьезные неприятности.

Грэм скорчил гримасу, которая, очевидно, должна была означать сочувственную улыбку. Он протянул к ней руки.

— Ну же, мисс! — увещевал он. — То, что я рассказал, правда? Да или нет? Мистер Барлоу застрелил мистера Морелла?

Констанция медленно подняла руки и закрыла ладонями лицо, то ли пытаясь спрятаться, то ли борясь с эмоциями. У нее были нежные пальцы с красным лаком на ногтях и без кольца. Часы отсчитывали секунды, уходившие в вечность, а она стояла, оцепенев. Затем ее плечи поникли. Она уронила руки и открыла глаза. В глазах как будто читался вопрос, она как будто даже теперь надеялась, что ей как-нибудь помогут.

— Да, — прошептала она. — Он это сделал.

— Ага! — воскликнул Грэм и облегченно выдохнул.

Сигара судьи Айртона давно уже потухла. Он взял ее с края пепельницы на шахматном столике и снова раскурил.

Джейн Теннант издала жалобный крик, почти стон. На ее лице читалось откровенное недоверие. Она непрерывно, с жаром, мотала головой, однако не произносила ни слова.

Доктор Фелл тоже молчал.

Фред Барлоу хлопнул себя по коленям, словно приняв какое-то решение, и поднялся с подлокотника дивана. Он подошел к Джейн. Обхватил ладонями ее лицо, холодное, словно мрамор, и поцеловал ее.

— Не волнуйся, — произнес он, явно стараясь ее подбодрить. — Я разобью их обвинение. Прежде всего, они неправильно определили время. Однако… однако косвенные улики…

Он потер лоб рукой, словно в отчаянии. Бросил взгляд на судью Айртона, однако лицо судьи было непроницаемо, как камень.

— Ладно, инспектор, — подытожил он, пожимая плечами. — Я сам с вами пойду.

Глава двадцатая

Вечером следующего дня после ареста Фредерика Барлоу, во вторник, 1 мая, судья Айртон сидел в гостиной своего летнего домика и играл в шахматы с доктором Гидеоном Феллом.

Рядом с их столом работал электрический камин, потому что этим вечером бушевал шторм. Морской ветер бил во французские окна, налетая порывами, и громыхал рамами; волны накатывали на пляж, как накатывает вражеская армия; в ночном воздухе разлетались хлопья белой пены и колючие брызги.

Но электрический камин приятно согревал. Лампы уютно светили. Шахматные фигуры, черные и белые, поблескивали в смятом строю на доске. Ни судья, ни доктор Фелл не разговаривали. Оба изучали положение на доске.

Доктор Фелл прокашлялся.

— Сэр, — спросил он, не поднимая глаз, — вы приятно провели день?

— А?

— Я спросил: вы приятно провели день?

— Не особенно, — отозвался судья, наконец-то

делая свой ход.

— Я подозреваю, — сказал доктор Фелл, делая ответный ход, — что сегодняшний день не мог быть особенно приятным и для вашей дочери. Она обожает Фредерика Барлоу. И все же в интересах правосудия ее заставят занять место свидетеля в суде и отправить его на смерть. С другой стороны, остается еще философский момент. Как вы сами говорили, наименее ценное в мире — человеческие взаимоотношения.

Они снова погрузились в молчание, изучая шахматную доску.

— Затем, есть еще и сам молодой Барлоу, — не отступал доктор Фелл. — Достойный молодой человек, по большому счету. Его ждало славное будущее. Теперь уже нет. Даже если он сумеет снять с себя эти обвинения (что лично мне представляется маловероятным), его ждет крах. Он оставался рядом с вами в трудные времена. Вы бы тоже должны испытывать к нему дружеские чувства. Однако, как вы говорите, наименее ценное в мире — человеческие взаимоотношения.

Судья Айртон хмуро глядел на доску, обдумывая свое положение. Следующий ход он сделал с большей осторожностью.

— Заодно, — продолжал доктор Фелл, двигая

фигуру в ответ, — это разобьет сердце девушке по имени Джейн Теннант. Может быть, вы обратили внимание на ее лицо, когда его вчера уводили? Впрочем, вы же почти не знаете ее. Да и в любом случае, как вы говорите, наименее ценное в мире…

Судья Айртон бросил на него короткий взгляд из-за больших очков, прежде чем снова сосредоточить внимание на доске.

— Да что за партию вы разыгрываете? — с негодованием заговорил он, недовольный тем положением, какое там наблюдал.

— А это мое собственное маленькое изобретение, — пояснил доктор Фелл.

— В самом деле?

— Да. Вы могли бы назвать это гамбитом «Кошки-мышки». Суть его в том, чтобы позволить противнику поверить, что он в полной безопасности, выигрывает без труда, после чего загнать его в угол.

— Вы думаете, что можете выиграть при таком раскладе?

— Я могу попытаться. Что вы думаете о деле Грэма против Барлоу?

Судья хмуро сдвинул брови.

— Крепкое дело, — признал он, не сводя глаз

с шахматной доски. — Не идеальное. Однако вполне удовлетворительное.

Он сделал ход.

— Да, в самом деле, — согласился доктор Фелл, ударяя кулаком по подлокотнику кресла со сдерживаемым, но неподдельным воодушевлением. — Именно то слово. Завершенное, собранное, торчащих концов мало, если есть вообще. Удовлетворительное! Такие дела встречаются чаще всего. Объяснение, охватывающее все или большинство фактов. Объяснение весьма убедительное. Какая жалость, что объяснение не правдивое!

Подавшись вперед, чтобы сделать ход, доктор Фелл поднял глаза и прибавил:

— Потому что, конечно, мы-то с вами знаем, что на самом деле Морелла застрелили вы.

Ветер за окнами несся по песку, замаскированный брызгами. От далекого грохота волн, кажется, даже чучело лосиной головы вибрировало на стене. Судья Айртон протянул руку к электрическому камину, он по-прежнему не поднимал взгляда, однако губы его сжались.

— Ваш ход, — заметил он.

— Вы ничего не хотите сказать?

— Только то, что вам придется это доказать.

— Именно! — согласился доктор Фелл с некоторой воинственностью и с тем же заметным воодушевлением. — И я не могу это доказать! В том-то и заключается странная красота этого дела. Правда слишком уж невероятна. Никто мне не поверит. Если у вас имелись какие-нибудь сомнения в собственной безопасности, по меньшей мере в этом мире, выбросьте их из головы. Ваш древнеримский стоицизм вознагражден. Вы совершили убийство. Вы позволите отправить за него на виселицу вашего друга. Вас обвинить невозможно. Мои поздравления.

Тонкие губы сжались еще плотнее.

— Ваш ход, — терпеливо повторил судья. Но, когда его противник сделал ход, он прибавил: — И что же приводит вас к убеждению, что это я убил мистера Морелла?

— Дорогой мой сэр, я уверился в этом, как только услышал о револьвере, который вы украли у сэра Чарльза Хоули.

— Вот как.

— Да. Но и с этой стороны вы тоже защищены. Защищены словом именитого человека, который не осмелится выдать вас и против слова которого мое слово будет вот чем. — Он щелкнул пальцами. — Вас защищает и дочь, которая вас любит.

Которая видела, как вы совершили убийство. Однако она вынуждена утверждать, что это был Барлоу, поскольку в ином случае ей придется признать, что это были вы. Примите мои поздравления еще раз. Вы хорошо спали этой ночью?

— Господи… будьте вы прокляты! — произнес Гораций Айртон в два приема и грохнул кулаком по столу так, что попадали шахматные фигуры.

Доктор Фелл принялся невозмутимо расставлять опрокинувшихся шахматных воинов на свои клетки.

— Будьте так добры, — произнес судья после паузы, — расскажите мне, что вам известно или, как вам кажется, известно.

— А вам интересно?

— Я жду.

Доктор Фелл откинулся на спинку кресла и немного посидел, как будто прислушиваясь к шторму.

— Жил-был человек, — начал он, — ставший сильным мира сего, который уверовал в неуязвимость собственного положения. Его грех (можно так сказать?) был не в том, что он судил сурово или беспощадно. Его грех был в том, что он начал считать себя непогрешимым, неспособным совершить ошибку, судя других людей.

Однако он был способен, и он ее совершил.

Этот человек, чтобы защитить свою дочь, решился на убийство. Но он был юристом. Он за свою жизнь повидал больше убийств, чем линий у него на ладони. Он видел убийства умные, убийства глупые, убийства трусливые, убийства храбрые. И он знал, что не бывает такого явления, как убийство идеальное.

Он знал, что убийца терпит поражение не из-за несовершенства своего плана или хитроумия полиции. Убийца терпит поражение из-за неудачного стечения обстоятельств, из-за дюжины мелких непредусмотренных случайностей, сопровождающих каждый шаг на его пути. Кто-нибудь выглянет из окна в неподходящий момент. Кто-нибудь заметит золотой зуб или вспомнит звучавшую песенку. И потому этот человек знал, что наилучшее преступление самое простое: оно оставляет минимум возможностей как для случайности, так и для полиции.

Раздобыть револьвер из того источника, который никак не свяжут с тобой. Подкараулить жертву там, где никто тебя не увидит. Застрелить и уйти. Тебя могут заподозрить. Могут задать неудобные вопросы. Однако не смогут ничего доказать.

И вот этот человек, Гораций Айртон, велел Энтони Мореллу прийти к нему домой по дороге вдоль берега — и сказал, когда ему прийти. На следующий день он отправился в Лондон, украл полностью заряженное оружие из источника, о котором мы догадываемся, и вернулся в свой летний дом.

Вскоре после восьми вечера он надел перчатки, положил револьвер в карман и вышел из дома. Он отправился задворками, через луг — куда? В переулок Влюбленных, разумеется. Это единственная боковая дорога, пересекающая главное шоссе между этим местом и Тонишем. Там высокие обочины, в тени которых можно дожидаться незамеченным, пока не появится жертва. Этот выбор был неизбежен.

Примерно в восемнадцать минут девятого Морелл появился. Гораций Айртон не стал тратить даром время и слова. Он вышел из переулка и вынул из кармана револьвер. Морелл увидел его в свете уличного фонаря и все понял. Морелл развернулся и побежал через дорогу наискосок, подальше от него и в сторону дюн. Гораций Айртон выстрелил. Морелл сделал еще шаг и упал. Убийца подошел к нему, лежавшему на краю дюны, бросил оружие рядом с ним, развернулся

и неторопливо удалился тем же путем, каким пришел.

Тем временем все тот же старый как мир случай неожиданно вмешался: непредусмотренный свидетель. Констанция Айртон решила в тот вечер навестить отца. У нее в машине закончился бензин. Она пошла к дому пешком и никого там не застала. Она внезапно вспомнила, что сегодня суббота и отец, должно быть, в Лондоне. Потому она решила пройти пешком небольшое расстояние до Тониша, чтобы сесть там на автобус.

И она увидела, как все случилось.

Когда она увидела, как ее отец уходит, она — мне так кажется — обезумела. Она не смогла и не стала подходить к Мореллу, который, как она считала на тот момент, вполне заслужил то, что получил. Она сама едва держалась на ногах. Она хотела помощи, как и всегда. Вспомнив о телефонной будке, она пробежала по переулку и попыталась дозвониться до Тонтона.

И потому она не увидела факта, превратившего все это происшествие в настоящий кошмар.

Доктор Фелл умолк.

Судья Айртон сидел неподвижно, сложив руки на животе, пока за окнами бушевал шторм.

— И что же ей не удалось увидеть? — спро-

сил он.

— Что Морелл не умер, — ответил доктор Фелл.

Судья Айртон закрыл глаза. Судорога прошла по его лицу, только это была судорога понимания, шок от прозрения. Он открыл глаза и произнес:

— Вы хотите, чтобы я поверил, будто бы человек с пулей в голове мог не умереть?

— А разве я не предупреждал, что это невероятная история? — спросил доктор Фелл с некоторым оживлением. — Разве не сказал, что никто не поверит? — Его тон переменился. — Впрочем, это вполне обыденный случай для судебной медицины. Джон Уилкис Бут, убийца президента Линкольна, еще какое-то время ходил и говорил примерно с таким же ранением, прежде чем умереть. Гросс описывает случай, когда мужчина, в голове которого засело четыре с половиной дюйма стали, даже умудрился выздороветь после того. Тейлор перечисляет несколько подобных фактов, самый интересный из которых с медицинской точки зрения…

— Увольте меня от перечисления авторитетов, будет достаточно, если вы просто объясните.

— Морелл, — просто произнес доктор Фелл, — на тот момент не умер. Он был, по сути, покойник, однако он этого не сознавал. В тот момент он был

жив и вне себя от злости.

— Вот как!

— Что же случилось с Энтони Мореллом, урожденным Морелли? Когда его ошеломленный разум снова заработал и он кое-как сполз с песчаной дюны, что он понял?

Снова случилось то, что уже случалось раньше. Он попытался ловко разыграть кое-кого, а в ответ получил револьверную пулю. Судья Айртон — непогрешимый, всемогущий, человек, которого Морелл ненавидит, — пытался застрелить его. Но если он сообщит об этом полиции, поверят ли ему? Нет. Еще меньше, чем в случае с Ли, когда сильные мира сего объединились, чтобы высмеять и опозорить его. Однако на сей раз это не сойдет им с рук. На сей раз, видят все боги Сицилии, он повернет дело в свою пользу.

Доктор Фелл помолчал.

— Дорогой мой сэр, — продолжил он, поудобнее усаживаясь в кресле и всем своим видом выражая изумление, — неужели вы хоть на мгновение поверили, что весь этот фокус-покус с телефоном и жевательной резинкой — в духе Фреда Барлоу? Неужели вы, юрист, скажете, что это соответствует его психологическому портрету? Я бы ответил — нет. Я бы сказал, что есть только один человек,

который на такое способен. Это вполне в духе Морелла.

Судья Айртон не стал ничего комментировать.

— И его намерением, по вашему мнению, — произнес судья, — было…

— Предоставить железобетонные доказательства, когда потом он выступит с обвинениями, что это вы стреляли в него.

— А!

— Кто-то однажды охарактеризовал Морелла как «недоделанного Борджиа». Его поверенный заявляет, что он придумывал самые замысловатые планы в духе Макиавелли, чтобы отомстить тем, кто относился к нему с пренебрежением или оскорблял его. Так вот, то, что вы сделали с ним, мягко говоря, походило на оскорбление. Вы согласны?

— Продолжайте.

— И вот ему предоставляется шанс. Он обязан добраться до дома раньше, чем туда неспешным шагом добредете вы. Он поднимает револьвер, замечает, какого он калибра, и кладет в карман. Он торопливо шагает вдоль шоссе. И он, сэр, в итоге действительно добрался до места в двадцать пять минут девятого. Если бы ваша дочь стояла у калитки, она увидела бы его, жующего

резинку и злого как черт, входящего в дом, чтобы взять наконец реванш.

Это Морелл специально совершил тот телефонный звонок и выстрелил во второй раз. Однако, когда он просил о помощи, он действительно нуждался в ней. Это был конец. Замаскировав дырку от пули жвачкой, он лишился последних сил. Револьвер, который он обернул носовым платком, чтобы не оставить отпечатков, выпал из его руки. Кресло перевернулось под ним. И он упал мертвым рядом с разбитым телефоном.

Доктор Фелл сделал глубокий вдох.

— Представляю себе, как вы удивились, — прибавил он, — вернувшись из кухни и обнаружив его там. Кстати, уместно ли здесь такое слово, как «удивление»?

Судья Айртон не стал вступать в лингвистическую дискуссию. Однако его губы едва заметно шевельнулись.

— Представляю себе, — неумолимо продолжал доктор Фелл, — как вы подняли револьвер и, наверное, снова немного удивились — самую малость, — обнаружив, что не хватает по-прежнему одного патрона. Представляю себе, как вы в ошеломлении опустились в кресло, пытаясь все осмыслить. Большинство убийц и вовсе спятили

бы, если бы их жертва, оставленная в определенном месте, заявилась к ним домой.

— Вы многое домысливаете, — заметил судья.

— И ваша дочь тоже, — продолжал доктор Фелл, — была немало удивлена. Она оставила тщетные попытки куда-либо дозвониться и вернулась к дому кружным путем, потому что не могла, и не стала, еще раз проходить мимо тела Морелла. Она пришла вовремя — вот здесь я тешу свою фантазию, — чтобы услышать издалека второй выстрел. В кухне никого не было. Она обошла вокруг дома, заглянула в гостиную и увидела вас.

Что обеспечило ей одну реалистичную подробность, позже вставленную в ее рассказ, насчет включившегося верхнего света. Когда она заглядывала сюда в первый раз, проходя мимо, светила только одна маленькая лампа. А потом уже горели все огни.

Ее байка о том, как Морелл пришел в двадцать пять минут девятого, разумеется, попытка прикрыть вас, отвлекая внимание от переулка Влюбленных и подлинного времени убийства. Вы попали в скверное положение, когда она сказала об этом. Однако вы оказались бы в куда более скверном положении, узнай мы, что вы на самом

деле совершили убийство раньше и в ином месте. К несчастью, прозорливый инспектор Грэм истолковал ее слова как попытку выгородить Барлоу. Вам это на руку. Однако за преступление повесят невиновного человека.

Судья Айртон снял очки и принялся покачивать ими.

— Доказательства против Фреда Барлоу…

— Бросьте, дорогой мой сэр! — угрюмо запротестовал доктор Фелл.

— Вы не считаете это доказательствами?

— Барлоу, — ответил доктор Фелл, — ехал в Тониш. При всем моем уважении к часам в машине доктора Феллоуза, чья фамилия схожа с моей, в чем видится недоброе знамение, я считаю, что его утверждение — полный вздор и чепуха. Я считаю, что он назвал неверное время. И Барлоу того же мнения. Я считаю, что в тот момент было, скорее, восемь тридцать, а не двадцать минут девятого.

Морелл давно уже ушел. Черный Джефф, то ли по случайности, то ли желая выяснить источник револьверного выстрела, который он слышал, вывалился из своего обиталища в переулке Влюбленных и упал прямо перед его автомобилем. Барлоу решил, что сбил его.

Он перенес Джеффа на другую сторону шоссе.

Доктор Феллоуз проезжал мимо. Барлоу, желая понять, насколько серьезно ранен Джефф, принес из машины электрический фонарик и вернулся на то место, где, как он думал, осталась его жертва. Однако Джефф успел убраться.

Барлоу (об этом он упоминал сам) подумал, что, должно быть, перепутал место, где уложил Джеффа на землю. Он прошелся по берегу, светя своим фонариком. И уже скоро заметил…

— Что же? — не выдержал судья.

— Заметил кровь, — сказал доктор Фелл. — И ткани мозга.

Судья Айртон прикрыл глаза рукой.

— Ну и что же мог подумать парень? — спросил доктор Фелл. — Что бы подумали вы? То есть, наверное, не вы, поскольку вы, несомненно, восприняли бы все с куда большим стоицизмом, чем большинство из нас. Но человек среднестатистический?

— Я…

— Он подумал, что прикончил Черного Джеффа. И потому он замел следы на песке. Вот и все. Сомневаюсь, что он заметил маленькую латунную гильзу, которая оказалась под слоем песка вместе со всем остальным.

Это мучило его. Если вы поговорите с мисс

Теннант (а я так и сделал вчера вечером), вы услышите, что сказал ей Барлоу: у него имелись твердые основания считать, что он серьезно ранил Черного Джеффа. Это те же самые основания, какие использовал Грэм, доказывая, что Барлоу убил Морелла. Я сознаю, что лично вас этот момент вовсе не интересует. Вы были весьма суровы с Барлоу вчера вечером, насколько я помню, ведь он никак не мог это объяснить.

— Я…

— Никто, как вы однажды сказали мне, ни разу не обвинял вас в том, что вы лицемер или напыщенный болван. Однако это дело наверняка представляет для вас некий академический интерес. Неужели ваши убеждения настолько непоколебимы, сэр? Вы до сих пор считаете, основываясь на личном опыте, что невозможно повесить невиновного на основании косвенных улик?

— Я скажу вам…

— Затем, остается еще ваша дочь, — продолжал доктор Фелл, бесстрастно развивая тему. — Испытания, какие ей предстоит пережить в суде, легкими не будут. Сейчас у нее впереди примерно три месяца ожидания суда. И перед ней выбор: спасти Барлоу или спасти вас. Она не влюблена в

Барлоу, иначе результат мог бы быть иным. Она питает к нему лишь юношескую привязанность, основанную на долгом знакомстве. Она, конечно же, спасет отца. Это необходимый выбор. Однако это жестокий выбор.

И снова судья Айртон грохнул по столу кулаком, заставив подпрыгнуть шахматные фигуры.

— Прекратите! — потребовал он. — Хватит уже этих кошек-мышек. Я больше не потерплю, слышите? — Его голос брюзгливо взлетел. — Думаете, мне понравилось делать то, что пришлось? Думаете, я уж и не человек?

Доктор Фелл задумался.

— «Я не говорил, что я так думаю, — отозвался он, подражая интонациям того, кого он цитировал. — Однако, если вы будете продолжать в том же духе, боюсь, вы не оставите мне выбора. У вас либо есть ответ на это обвинение, либо нет. Вы дадите этот ответ?»

Судья Айртон положил свои очки на стол.

Он откинулся в кресле, прикрывая глаза ладонью. Он дышал с трудом, словно человек, от которого потребовалось физическое усилие после долгих лет сидячей жизни.

— Помоги мне Господь, — произнес он, — но я так больше не могу.

Однако, когда он отнял ладонь, козырьком прикрывавшую глаза, лицо его снова было гладким, бледным и спокойным. Он с усилием поднялся на ноги и прошел через комнату к письменному столу. Из верхнего ящика вынул длинный конверт и вернулся обратно к шахматному столику. Но садиться не стал.

— Некоторое время назад, доктор, вы спросили, приятно ли я провел день. Я провел его скверно. Зато я провел его с пользой. Я провел его, записывая свое признание.

Он вынул из конверта несколько листков почтовой бумаги, исписанной его изящным убористым почерком. Положил обратно и перебросил конверт через стол доктору Феллу.

— Полагаю, тут изложены все моменты, которые поспособствуют освобождению мальчика. Однако я вынужден просить, чтобы вы не отдавали это инспектору Грэму до истечения двадцати четырех часов. К тому времени, у меня есть все основания надеяться, я буду уже мертв. Будет трудно, с учетом сопутствующих обстоятельств, представить мою смерть как несчастный случай. Однако моя жизнь застрахована на изрядную сумму, которая поможет Констанции, и я уверен, что сумею обставить самоубийство более умело,

чем, как выясняется, обставил убийство. Вот вам мое признание. Пожалуйста, возьмите.

Он наблюдал, как доктор Фелл берет конверт. А потом кровь бросилась ему в лицо.

— Теперь, раз уж я признал публично свою вину, — прибавил он холодным ровным тоном, — сказать вам, что я думаю?

— Да?

— Я думаю, — сказал судья Айртон, — что Фред Барлоу вовсе не арестован.

— Вот как? — произнес доктор Фелл.

— Я прочел все сегодняшние газеты. И ни слова ни в одной из них о столь сенсационном задержании.

— И что же?

— Думаю, весь этот арест — просто уловка, хитрый трюк, придуманный и подстроенный вами и Грэмом, чтобы выманить у меня признание. Меня вчера пару раз удивило, что Грэм так сильно нервничает. Вероятно, мальчик действительно сидит «под арестом», пока вы тут применяете ко мне пытку самого утонченного и действенного свойства.

Но я не смею рисковать. Я не смею сказать, что вы блефуете. Я больше не могу доверять собственным суждениям. Все равно остается вероятность,

что Грэм говорил серьезно. Все равно остается вероятность, что он потащит мальчика в суд, уничтожит его карьеру, если не сумеет добиться приговора.

Вашу роль во всем этом, Гидеон Фелл, я не хочу комментировать. Можете объявлять шах и мат. Можете ликовать. Вы хотели побить меня в моей собственной игре, и, если вас это удовлетворит, вам удалось. — Голос его сорвался. — А теперь забирайте это чертово признание и уходите.

Порывы штормового ветра все реже завывали вокруг дома. Однако доктор Фелл не торопился.

Он сидел, вертя конверт в руках, погруженный в непонятные и мрачные размышления. Он, кажется, едва слышал, что говорил ему судья. Он вынул из конверта бумаги и неторопливо прочел, слабо посапывая при этом. Затем он так же медленно сложил листы, разорвал на три части и швырнул обрывки на стол.

— Нет, — произнес он. — Вы выиграли.

— Прошу прощения?

— Вы совершенно правы, — устало признался доктор Фелл, с трудом выговаривая слова. — Грэм не больше моего верит в виновность Барлоу. Он с самого начала знал, что это вы. Однако вы были для нас слишком неуязвимы с юридической точ-

ки зрения, потому нам пришлось искать другой способ. Единственный человек, который знает об этом на данный момент, мисс Теннант. Я не мог не сказать ей вчера вечером, как не могу сейчас не сказать вам. Мне остается добавить лишь одно: вы свободны.

Повисла пауза.

— Объясните-ка это поразительное утверждение.

— Я сказал: вы свободны, — повторил доктор Фелл, раздраженно взмахнув рукой. — И не ждите, что я стану перед вами извиняться. Я просто скажу Грэму, что ничего не получилось, вот и все.

— Но…

— Разумеется, разгорится жаркий скандал. Вам придется отказаться от должности судьи. Однако вас не посмеют тронуть теперь, когда в этом деле все так чертовски запуталось.

Судья тяжело осел в кресло, отчего шахматный столик затрясся.

— Вы хорошо понимаете, что сейчас говорите, доктор? Вы это серьезно?

— Да.

— Доктор, — отрывисто проговорил судья Айртон, — я действительно не знаю, что сказать.

— Нечего тут говорить. Впрочем, могу сообщить вам, что вашим планам насчет дочери не суждено осуществиться. Она не выйдет за Фреда Барлоу. Счастлив сказать, что Барлоу женится на Джейн Теннант, которая будет восхитительно руководить им при полной его уверенности, что это он руководит ею. Ваша дочь сейчас интересуется неким молодым человеком по имени Хьюго, о котором я не знаю ничего, кроме того, что он, кажется, получил легкую контузию в бассейне. Что до всего остального, вы вышли сухим из воды. Так что ступайте с миром и впредь не судите людей со столь возмутительным самодовольством.

Пока его честь судья Айртон прикрывал глаза ладонью, доктор Фелл бросил обрывки признания в пепельницу. Чиркнул рядом с ними спичкой. Бумаги занялись, и взметнувшееся пламя отразилось в глазах лосиной головы на стене. Никто из них не проронил ни слова, глядя, как горит правда.